

Новая серия, выпуск 200
Исторические науки, книга 41

Научные труды

Выпуск 200

Археология Средней Азии

VI

Ответственный редактор
профессор *М. Е. МАССОН*

*Посвящается XXII съезду
Коммунистической партии
Советского Союза*

От редакции

Когда среди широких масс советских людей на огромных просторах нашей Родины возникло движение за встречу XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза разнообразными новыми успехами, достижениями и перевыполнением планов, коллектив кафедры археологии Средней Азии исторического факультета ТашГУ, руководящийся в основном интересами советской науки, тотчас откликнулся на это. Было единодушно принято решение о создании в сверхплановом порядке специального научного сборника. К этому был привлечен весь преподавательский состав, так или иначе участвующий в деятельности кафедры, причем для каждого автора обязательным условием ставилось представление статей, которые своим содержанием не были бы связаны с тематикой его плановой научно-исследовательской работы. Дружными усилиями взятое на себя обязательство оказалось выполненным досрочно.

Вводная статья составленного сборника посвящена обзору работы кафедры за двадцать лет ее существования с 1940 г. по 1960 г., за которое время она получила достаточно широкое признание. Этому способствовали и полезная деятельность ее воспитанников по полученной специальности во всех республиках Средней Азии, в союзных центрах и других местах, и сотни опубликованных научных трудов ее сотрудников, и свыше двух десятков книг, вышедших под редакцией заведующего кафедрой, и более четырехсот заслушанных на ее заседаниях научных докладов и сообщений, перечень которых с 19 мая 1956 г. дан в виде приложения.

Работа профессора М. Е. Массона «К вопросу об истории появления культуры риса в странах Среднего Востока» принадлежит к тематике так называемых «прикладных задач» археологии, составляющих одну из специфик среднеазиатской археологической школы, которая, наряду с постановкой чисто теоретических проблем, считает почетным долгом участие историка, особенно с археологическим уклоном, в комплексном разрешении ряда вопросов, имеющих практическое и хозяйственное значение в социалистическом строительстве (Массон, М. Е., Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии, Комитет наук УзССР, Ташкент, 1937, отд. изд.).

Отражением непосредственной связи кафедры с археологической деятельностью других научных организаций, в частности по линии прямого руководства некоторыми полевыми исследовательскими мероприятиями, являются статья доцента Г. А. Пугаченковой, причем она связана с вопросами разрабатываемой на кафедре проблемы по исторической топографии городов Средней Азии. Вопрос о древнем и средневековом Чаганиане

путно поднят Г. А. Пугаченковой, возглавлявшей в 1960 году Узбекистанскую искусствоведческую комплексную экспедицию Института искусствознания Академии наук УзССР в юговосточном районе республики. Как явствует из ее статьи, в результате проведенного на месте археолого-топографического исследования, можно считать установленным, что столица одноименной области в пору рабовладельческого общества находилась на месте развалин у Дальверзин-тепе в Шурчинском районе. В феодальную же пору центр ее переместился к северо-востоку, где средневековому Чаганиану соответствует городище Бедрач Денауского района. Автором на основе маршрутных археологических наблюдений намечены также некоторые исторические этапы в жизни этой крупной историко-культурной провинции.

Одной из первоочередных задач, стоящих перед местной археологией, является возможно скорейшее опубликование многочисленных памятников материальной и художественной культуры Средней Азии, находящихся в фондовых хранилищах различных музеев. Отражением обоюдополезного научного контакта кафедры и Музея истории Узбекистана является статья доктора искусствоведческих наук Г. А. Пугаченковой о проработанных ею античных геммах этого музея. Данная работа восполняет представления о развитии местного камнерезного искусства первых веков до и после н. э.

Живой непосредственный контакт членов кафедры с сотрудниками Института истории, археологии и этнографии Академии наук УзССР в части раскопок ферганского городища Кува на протяжении последних лет проходил не только по линии получения консультаций заведующего кафедрой и определения монетных находок работавшим там археологическим группам. Он вылился в прямое творческое соучастие по составлению вошедшей в сборник исследовательской статьи «Бусы из Кувы» И. Ахрарова и преподавателя-ассистента З. И. Усмановой, которая побывала на городище в 1958 году. Анализ комплекса кувинских бус показал, что для этого пункта характерна основная масса пастовых бус, не имеющих пока аналогий среди находок из других пунктов Средней Азии, и что особым своеобразием отличаются бусы с растительным мотивом. Публикуемая статья является первой работой о старинных бусах Ферганы.

Создавшей и прочитавшей в 1960—1961 учебном году для студентов-археологов первый спецкурс по археологии Китая преподавательнице-китаеведу М. И. Моложатовой принадлежит статья «Древние китайские архитектурные фрагменты из Кульджи в Музее искусств Узбекистана». На эти объекты, находившиеся в фондовом хранилище и до последнего времени не имевшие никакого определения, ее внимание обратил заведующий кафедрой. Автор, дав их первое описание, истолкование изображений и чтение имеющихся на некоторых плитах китайских иероглифов, установила, что они принадлежат буддийской кумирни XII века эпохи владычества династии кара-китаев. Оригинальность техники отрисовок рельефных изображений и резьбы по сырому тесту глины и алебастру привели М. И. Моложатову к заключению, что мастера, создававшие рассматриваемые фрагменты, были не китайцы, а тюрки. Данные памятники являются для СССР уникальными.

Статья старшего лаборанта кафедры Н. И. Крашенинниковой «Раскопки средневекового здания в Северном комплексе Старой Нисы» подытоживает полученные ею результаты разведочных работ 1958 и 1959 гг., когда удалось вскрыть остатки 18 помещений, представляющих собой часть крупного здания, выявленного ранее профессором М. Е. Массоном по археологической съемке с помощью растительного покрова и согласно данным которой оно вытянуто с запада на восток на протяжении свыше 100 м. Время его существования датируется Н. И. Крашенинниковой по археологическим данным XI и отчасти XII вв. Ко времени монгольского завоевания здание, по-видимому, не функционировало. По мнению начальника ЮТАКЭ, раскопанные помещения служили казармами

нийский гарнизона в пору существования государства сельджукидов.

Ассистенту кафедры археологу С. Б. Луниной принадлежит статья «Новая гончарная печь средневекового Мерва», которая была раскопана в 1960 году на территории бывшего квартала керамистов в западной части рабада. Сама круглая в плане печь датируется на основании конструктивных особенностей и по комплексу фрагментов продукции второй половиной X в. — началом XI в. Заполнявший же ее отвал керамического брака относится ко второй половине XII — началу XIII вв. Сделанные наблюдения позволили автору высказать заключение, что на данном участке квартала керамистов гончарное производство уже существовало по крайней мере в X в., а прекратилось после разгрома Мерва монголами в начале двадцатых годов XIII столетия.

Ведущая для студентов-археологов спецкурса по этнографии народов Средней Азии кандидат исторических наук А. С. Морозова написала для сборника работу «Кара-калпакский женский шлемовидный головной убор «саукеле». Сопоставление с археологическими данными по Средней Азии позволило автору наметить постепенную эволюцию шлемов воинов к головным уборам жрецов и царей с последующим превращением в описываемый головной убор кара-калпакских женщин. Попутно А. С. Морозова высказала не вошедшее в статью интересное соображение, что отмечаемые археологами на некоторых древнейших терракотовых статуэтках Южного Туркменистана «бороды» и «косы» в действительности может быть имитируют «завязки» в первом случае и ленту «алака» — во втором.

Читающему на протяжении многих лет студентам-археологам спецкурса по музееведению кандидату исторических наук доценту Г. Н. Чаброву принадлежит статья «Собрание орнаментальных мотивов среднеазиатского искусства в дореволюционном Туркестане». Исследователям среднеазиатской художественной культуры прошлого приходится часто прибегать к рисункам тех русских художников, которые с первых лет после присоединения Средней Азии к России осуществляли здесь графическую фиксацию архитектурных памятников и произведений декоративно-прикладного искусства. Публикуемая работа Г. Н. Чаброва даст возможность знакомства с малоизвестной даже в среде специалистов стороной творческой деятельности многих лиц, раскрывая тем самым еще одну из страниц вклада русской интеллигенции в познание дореволюционного Туркестана.

Историческая справка «Из прошлого тигров Средней Азии» написана профессором М. Е. Массоном по тематике вопросов из области развития фауны и флоры Средней Азии. Составленная с привлечением археологических наблюдений, сведений разноязычных исторических первоисточников, памятников изобразительного искусства, (наскальные рисунки, настенные росписи, изображения на геммах, монетах и архитектурных памятниках) с привлечением фольклорных и этнографических данных, эта работа констатирует необычайно широкое, почти повсеместное распространение в прошлом на территории Средней Азии ныне почти совершенно истребленных тигров. Выявлен факт значительного увеличения их поголовья после монгольского завоевания и в пору кризиса XVIII века, т. е. когда страна переживала упадок и запустение. Одновременно устанавливается, что иногда для некоторых районов (например, для Хорезма), когда там появлялись в большом числе кабаны, которых шарият рассматривал как недопустимую для охотников-мусульман дичь и которые являлись форменным бичом земледельческой культуры, тигры были по существу единственным регулятором, тормозившим безграничное их размножение, чем в свое время и принесли определенную пользу оседлому населению.

Привлеченный для чтения студентам-археологам спецкурса по исламуведению кандидат исторических наук А. Х. Хамраев представил для опубликования в сборнике свои переводы ряда рукописных документов из бывшего архива афганского престолонаследника принца Инаятуллы-хана, сына Хабибуллы-хана. Часть этого архива в составе 10 переплетенных томов была приобретена профессором САГУ М. С. Андреевым еще до

Великой Отечественной войны и хранится в Фундаментальной библиотеке ТашГУ. Предложенные переводы публикуются как образцы документов первоисточников неизвестного в науке архива, имеющего определенное значение для понимания прошлого Афганистана.

В архиве кафедры хранится письмо, написанное 11 апреля 1941 года покойным профессором САГУ Н. Г. Маллицким, читавшим студентам-археологам созданный им оригинальный спецкурс по антропогеографии Средней Азии. Отмечая, что ему очень понравилось торжественное заседание студенческого научно-исследовательского археологического кружка (СНАК), включая самый порядок его проведения, воспитывающий у молодежи уважение к науке, он приложил к письму небольшую заметку о происхождении названия ташкентского арыка Дарвазакент, которую просил доложить на следующем заседании, что и было в свое время выполнено. Затронутый в ней вопрос о желательности осуществить исследование ряда приведенных у арабских авторов загадочных средневековых названий селений и городов Ташкентского оазиса, на предмет возможного их объяснения из согдийского или близкого к нему языка древнего населения области Чач или Шаш, до сих пор не утратил своей актуальности. Вместе с тем, остающийся неопубликованным разбор Н. Г. Маллицким наименования арыка Дарвазакент служит прекрасным примером такого анализа. Учитывая все сказанное, редакция нашла своевременным и уместным включить указанную заметку в данный сборник.

В целом последний не только вводит в научный обиход значительный новый фактический материал, но в известной мере характеризует своей совокупностью как принятые на кафедре направления научной работы, так и самый стиль всей ее деятельности. Это делает сборник полезным и в информационном отношении, поскольку до сих пор в печати не появлялось ни одного годового отчета, отражающего целиком все отрасли ее разнообразной научной работы.

КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ САГУ

1940—1960

Чтение некоторых курсов по среднеазиатской археологии было включено в программу исторического факультета САГУ еще в конце 1939 г. Одновременно встал вопрос об организации специальной кафедры археологии Средней Азии, которая и была утверждена в начале 1940 г., а с 1 апреля получила уже фактическое оформление в виде утвержденного штата из заведующего кафедрой доктора археологии профессора М. Е. Массона, старшего лаборанта археолога Т. Г. Оболдуевой (вскоре уволившейся) и заведующей археологическим кабинетом лаборанта К. И. Массон.

В начале Великой Отечественной войны в течение некоторого времени кафедра считалась закрытой, но продолжала функционировать, а с конца 1942 г. была юридически восстановлена. С февраля 1943 г. в штат была введена новая единица доцента. На эту должность была приглашена кандидат архитектуры Г. А. Пугаченкова. Внештатный преподавательский состав включал таких видных специалистов, как заслуженные деятели науки — доктор географических наук Н. Г. Маллицкий (география и этнография Средней Азии), доктор биологических наук Л. В. Ошанин (антропология и антропогенез), доктор исторических наук А. А. Семенов (востоковедение), доктор исторических наук И. П. Петрушевский (исламоведение) и др. С 1942 по 1945 г. курс общей археологии и курс методики полевых археологических работ проводил С. Н. Замятнин, а курс геологии четвертичных отложений — заслуженный деятель науки проф. В. П. Смирнов.

Готовя археологов-историков материальной культуры прошлого Средней Азии и сопредельных стран, кафедра с момента ее учреждения делала специальный упор на научно-исследовательскую работу. В нее через посредство студенческого научно-исследовательского археологического кружка (СНАК), вовлекались и вовлекаются студенты с первого же года получения ими специализации. Конечной целью всех крупных работ ставилось уточнение периодизации истории Средней Азии и населяющих ее народов. Проблематика в основном охватывала вопросы исторической топографии городов, истории архитектуры, истории горного дела и

нумизматики Средней Азии. В активе научных работ кафедры имеется ряд разнообразных тем прикладного значения.

Научный персонал кафедры и специализирующиеся при ней студенты ежегодно принимали участие в полевых и экспедиционных исследованиях на территории различных республик Средней Азии.

В 1940 г. кафедра по заданию юбилейного комитета Навои обследовала Самаркандский мавзолей XV в., известный под названием Ишрат-хана. Всестороннее изучение уникального памятника сопровождалось археологическими вскрытиями, шурфованием, расчисткой склепа, детальными обмерами историко-археологическим обследованием самого объекта и археолого-топографическим изучением его района. Был собран значительный вещевой археологический материал, а по результатам исследований написана монография, специально посвященная мавзолею Ишрат-хана (Ишрат-хана, Ташкент, 1958).

В 1941 году под руководством заведующего кафедрой была проведена большая Самаркандская археологическая экспедиция (САЭ) Музея Навои, работавшая в составе пяти отрядов. Экспедиция занималась: историко-топографическим изучением пригородного района к северу и северо-востоку от городища Афрасиаб, раскопкой обсерватории Улугбека, раскопками остатков павильона Чинни-хана, находившимся в загородном садике Улугбека, вскрытием внутри мавзолея Биби-ханым и изучением здания мазара Чупан-ата. При раскопках обсерватории был получен ряд данных для реконструкции плана и внешнего облика самого здания. Историко-археологическое изучение мавзолея Чупан-ата и археологическое шурфование около него показали, что этот памятник был возведен еще при Улугбеке. Впервые было точно установлено местонахождение сада Тимура—Накшиджехан. Работы экспедиции были прерваны войной.

В 1942 г. члены кафедры по заданию САГУ при поддержке Узкомстариса осуществили экспедицию по изучению исторической топографии и архитектурных памятников Шахрисябза. Экспедицией был собран материал по истории города с XIII по XIX вв., установлено, что мнимый мавзолей Гумбази-сейидан в действительности является усыпальницей потомков Улугбека и отстроен (по разобранной надписи) в 1437/8 г. н. э. По-новому опознаны прочие памятники, входившие, как теперь установлено, в архитектурные комплексы Доруссиадат и Доруттилават. Уточнены представления о знаменитом дворце Тимура—Аксарай. Результаты обследований были обобщены в печатных научных работах участников экспедиции (См. Труды САГУ, в. XLIX, Ташкент, 1953).

В 1943 г. кафедра возглавила историко-археологическое и историко-архитектурное изучение мавзолея Гуримир, осуществлявшееся в связи с крупными ремонтно-реставрационными работами на этом памятнике. Было заложено свыше 10 раскопов и шурфов на

площади ансамбля зданий у Гуримира. Выяснена история сооружения комплекса зданий, в который некогда входил мавзолей Гуримир. Прочитан ряд ранее не расшифровывавшихся надписей на намогильных плитах усыпальниц; разобран текст на третьем куске нефритового намогильника Тимура. Полученные факты позволили полностью пересмотреть прежние представления о всем ансамбле, о погребении Мухаммед-Султана и Тимура, а также о всей последующей истории здания. Полученный обильный археологический материал был использован затем при реставрации памятника.

В процессе камеральной обработки материалов заведующим кафедрой было составлено несколько исторических планов Самарканда и карта Средней Азии второй половины XV века.

В годы Великой Отечественной войны кафедра охватывала так называемую оборонную тематику. Заведующий кафедрой в этот период проработал следующие основные темы: о былых заменителях сахара и чая в Средней Азии; история происхождения локайской лошади; древние металлические шлаки в Узбекистане и их возможное использование; разрабатывавшиеся в прежние времена месторождения съедобных и стиральных глин в Узбекистане; места былой добычи магиля (перекиси марганца); забытое месторождение олова в Персии; история черной металлургии в Средней Азии; установление нового района разрабатывавшихся в древности месторождений киновари в Узбекистане и др.

В течение 1943—1944 г. кафедрой проделан опыт комплексной разработки темы, посвященной всестороннему обследованию ташкентского мавзолея Юнус-хана XV в. в комплексе Шейхантаур, до того никак не освещенного в историко-археологическом отношении. На памятнике силами студентов осуществлены археологические вскрытия и архитектурные обмеры. Проводилось изучение исторической топографии района. Полученные результаты были опубликованы в одном из сборников кафедры. (См. Труды САГУ, новая серия, в XLIX, Ташкент, 1953, стр. 171—200).

В 1945 г. по приглашению Управления по делам архитектуры Киргизской ССР был подвергнут всестороннему изучению мавзолей первой половины XIV в. в долине Таласа, известный под именем «Гумбеза Манаса». (См. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. «Памятники архитектуры народов СССР», М., 1950). В том же году научные сотрудники кафедры осуществили маршрутный проезд на автомобиле Самарканд—Шахрисабз—Гузар—Карши—Каган—Бухара. В следующем году был осуществлен со студентами маршрутный проезд на автомобиле из Ташкента в Самарканд и обратно.

С 1946 года кафедра возглавляет крупную Южно-Туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию (ЮТАКЭ), охватывающую территорию от восточного побережья Каспийского моря до берегов Аму-Дарьи включительно. В связи с этим за последние годы главной комплексной проблемой, в которой принимает уча-

стие весь преподавательский, аспирантский и студенческий коллектив кафедры, является археология Южного Туркменистана. Работа осуществляется по линии и на средства Академии наук Туркменской ССР.

Кроме того, в 1947 г. по линии Узбекского Геологического управления было осуществлено историко-археологическое обследование территории древних горных разработок Бухарской области в районах Карнапа и к востоку от него. В 1950 г. кафедрой проводилось историко-археологическое обследование района Той-Тюбе. Весной 1953 года таким же порядком изучалось под Ташкентом городище Хисар-тепе, отождествленное с руинами средневекового Залтикента. В архитектурном комплексе у мавзолея разобрано несколько интересных арабских надписей. В 1955 г. проф. М. Е. Массон консультировал археологическое изучение Ташкентского медресе XVI в. Кукельдаш в связи с производившимися на нем капитальными ремонтно-реставрационными работами. В 1956 г. кафедра совместно со студентами выезжала в Паркентский район, где произвела археологическое обследование поселения в 12 км к северо-востоку от Намданака. Обследование Сукока, между прочим, дало кафедре клад медных монет конца XV в. в количестве 308 штук. Сотрудники кафедры выезжали в Чиназ, Занги-Ата и Кибрай для сбора новых археологических материалов и получения дополнительных наблюдений; проводили археологическое обследование за выемками земли для кирпичного завода, производившимися на Шаш-тепе в 11 км к ю-з от Ташкента. В качестве члена специальных комиссий в том же году доцент Г. А. Пугаченкова вылетала в Термез и Самарканд для консультаций по проводившимся там реставрационным работам. С 1957 г. кафедра руководит археологическим надзором за разбором имеющего большое значение для понимания прошлого Ташкента городища Минг-Урюк. В 1957 году кафедра в полном составе выезжала на рекогносцировку никем не обследовавшегося в историко-археологическом отношении горного селения Багустан на левом берегу реки Пскем, изучалось средневековое поселение на землях колхоза Узгариш Ташкентской области.

Помимо того, что на протяжении всех 20 лет кафедра участвовала в работах комитета по охране памятников УзССР, с середины 1957 г. ее члены принимают активное участие в деятельности Отдела охраны памятников культуры при Министерстве культуры Туркменской ССР.

В 1958 г. общественность САГУ торжественно отметила 60-летие заведующего кафедрой профессора М. Е. Массона. К этому дню была подготовлена выставка печатных работ юбиляра (свыше 200), а также карта маршрутных и стационарных археологических работ (более 60).

В сентябре-октябре 1959 г. была организована совместная экспедиция кафедры археологии, Института искусствознания АН УзССР и Сурхандарьинского музея по раскопке памятника ку-

шанского времени Ханака-тепе в Денауском районе под начальством Г. А. Пугаченковой. В том же году заведующим кафедрой осуществлялось научное руководство над изучением Музея истории Академии наук УзССР городища Имляк-Тункета в Ахангеране.

С первых лет работы кафедры в ее тематике видное место заняло изучение прошлого столицы Узбекистана — г. Ташкента. Кафедра осуществила ряд проходов по городу и рекогносцировки в его окрестностях. Устанавливался археологический надзор за разного рода земляными работами (рытье котлованов для фундаментов зданий, проведение новых и расширение старых улиц, проложение водопроводных траншей, разбивка парков и проч.). Проф. М. Е. Массоном проводится постоянное планомерное изучение в историко-археологическом отношении окрестностей Ташкента; в частности южных пригородных земель средневекового рабада Ташкента на площадях современного интенсивного строительства и обживания, главным образом районов Чиланзара, Хас-тепе, урочища Науза, Казиабада, Домрабата и др. Члены кафедры и студенты постоянно совершают выезды для археологического обследования различных тепе в окрестностях Ташкента.

Тематика исследовательских работ кафедры нашла отражение в докладах, заслушанных на многочисленных научных заседаниях кафедры археологии. С научными докладами на заседаниях выступали не только члены кафедры, но и научные сотрудники других учреждений, а также иногородние специалисты. В их числе академик В. В. Струве, академик И. А. Орбели, член-корр. Академии наук СССР А. Ю. Якубовский, профессора В. И. Беляев, А. Н. Бернштам, Л. Н. Ворсин, М. М. Герасимов, М. М. Дьяконов, Т. Н. Книпович, Н. Г. Маллицкий, Л. А. Мацулевич, А. П. Окладников, А. А. Семенов, В. А. Смирнов, И. И. Умняков, доценты А. А. Росляков и С. А. Вязигин, археологи М. Э. Воронец, Г. В. Григорьев, В. Д. Жуков, П. И. Кожемяко, А. И. Терножкин, И. Н. Хлопин, С. Н. Юренев, архитекторы Б. Н. Засыпкин, И. И. Ноткин, В. М. Филимонов, искусствоведы М. И. Моложатова, Л. И. Ремпель, Г. Н. Чабров, этнографы А. С. Морозова, Е. М. Пещерова, А. К. Писарчик, библиограф Е. К. Бетгер, геологи Ю. Б. Айзенберг, О. И. Исламов и др. Десятки докладов сделали на заседаниях кафедры ее воспитанники, не порывающие связи с нею по окончании специализации.

Некоторые заседания кафедры проходили совместно с Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, Институтом Востоковедения Академии наук СССР, Институтом языка и литературы Узбекской Академии наук, географическим и геологическим факультетами САГУ, кафедрой искусствоведения САГУ и т. д.

Развернутая научно-исследовательская работа членов кафедры отражена в их участии на различных научных съездах и конференциях: ежегодных сессиях Института истории материальной куль-

туры и Академии наук СССР, Академии архитектуры СССР, совещании Узбекского филиала Академии наук СССР и Узбекистанского географического общества по вопросу о колебаниях климата (1943 г.), конференции Института этнографии Академии наук СССР и Узбекского филиала Академии наук СССР по фольклору и этнографии Средней Азии (1944 г.), на первом Всесоюзном археологическом совещании в Москве (1945 г.) и др.

Большая работа проведена кафедрой в связи с юбилейными датами — 500-летием со дня смерти Улугбека и 500-летием со дня рождения А. Навои. Кафедра принимала участие в разрешении различных проблем, связанных с всесторонним изучением Средней Азии конца XIV—XV вв. Всего сотрудниками кафедры выполнено по указанной тематике свыше 70 научных работ, а на заседаниях кафедры разными лицами сделано 32 доклада по вопросам, связанным с изучением прошлого Средней Азии за время правления тимуридов.

В феврале 1948 г. кафедра организовала на историческом факультете научную конференцию, посвященную 500-летию со дня рождения А. Навои, на которой ее сотрудники выступали с докладами. На время конференции кафедра устроила специальную выставку. Аналогичная выставка по XV веку была организована кафедрой в археологическом кабинете САГУ, где были отражены все работы ее сотрудников по изучению прошлого Средней Азии эпохи Улугбека и Навои. Сотрудники кафедры неоднократно выступали с научно-исследовательскими докладами по той же тематике на различных конференциях и заседаниях ряда научных организаций. Проводились организованные экскурсии по памятникам времени тимуридов.

В результате интенсивной и разнообразной научно-исследовательской работы кафедре удалось сделать большое число наблюдений, выявить ряд данных из истории материальной культуры Средней Азии времени тимуридов, ввести в научный обиход немало неизвестных до того фактов и на основании их анализа прийти к некоторым новым обобщениям. Памятникам XV века посвящен специальный сборник кафедры. (Труды САГУ, новая серия, в XL IX, Ташкент, 1953).

В 1954 году члены кафедры выступили с докладами на проходившей в Ташкенте научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана.

В 1957 г. кафедра приняла участие в проходившей в Ташкенте Всесоюзной конференции востоковедов. Члены кафедры выступили на конференции с двумя докладами. В археологическом кабинете была подготовлена экспозиция последних достижений кафедры по нескольким темам. Кроме того, часть материалов была выделена на выставку в помещении Института истории и археологии Академии наук УзССР. В 1959 г. кафедра участвовала в совещании по координации археологических работ в Узбекистане.

На протяжении нескольких лет существования Краеведческого

музея в Янги-Юле кафедра осуществляла шефство над его научными археологическими работами, участвуя в разработке плановой тематики и проводя консультации по осуществлявшимся мероприятиям.

С 1955 года старшие работники кафедры состояли членами Ученого совета Специальной производственной научно-исследовательской ремонтно-реставрационной мастерской Комитета по делам архитектуры при Совете Министров Узбекской ССР, оказывая постоянную практическую помощь участием в разработке тематических планов, обсуждении проектов различных ремонтно-реставрационных мероприятий и отчетов о проделанной работе.

С 1959 г. заведующий кафедрой избран членом Ученого совета по делам музеев при Министерстве культуры Узбекской ССР. По линии Совета давались консультации: Музею истории Узбекской ССР, Сурхандарьинскому областному музею, Ферганскому областному музею, Наманганскому и Андижанскому краеведческим музеям, Музею истории Академии наук Туркменской ССР в Ашхабаде и др.

В своей исследовательской работе кафедра поддерживает связь с биологическим, геологическим, географическим, восточным и отчасти с некоторыми другими факультетами САГУ.

На кафедре создан и прочитан ряд новых специальных курсов, в том числе проф. М. Е. Массоном — «Историческая топография городов Средней Азии», «Историческая топография Ташкента», «Нумизматика Средней Азии», «Введение в археологию Средней Азии», «Историческая география и археологическая топография Ташкентской области», «История изучения Средней Азии в археологическом отношении»; доц. Г. А. Пугаченковой — «История архитектуры Средней Азии», «Архитектурные памятники Ирана и Афганистана», «Искусство Ирана и Афганистана», «Архитектурные памятники Ташкента», «Искусство Востока». По заданию кафедры были разработаны также следующие курсы: Н. Г. Маллицким — «Антропогеография Средней Азии»; А. А. Семеновым — «Среднеазиатская палеогеография» и «Среднеазиатская хронология и метрология»; А. С. Морозовой — «Этнографические художественные ремесла Средней Азии»; Ю. А. Скворцовым — «Четвертичная геология»; А. М. Матвеевым — «История халифата».

Кафедрой составлены специальные инструкции, облегчающие студентам проведение их научных работ.

По линии учебно-методической кафедра приняла участие в сборнике Узбекистанского музея природы Средней Азии «Школьные экскурсии в районе Ташкента». Проработан план цикла культурно-исторических экскурсий по городу Ташкенту. Составлен план-задание для кружка по изучению прошлого Ташкента при Ташкентском гидрометеорологическом техникуме. Учебно-методическая работа кафедры тесно увязана с ее исследовательской деятельностью.

Научная работа кафедры нашла и продолжает постоянно нахо-

дить отражение в научных и популярных журналах и газетах как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Большое место в деятельности кафедры занимают разнообразные научные консультации для организаций и отдельных лиц. Консультациями кафедры пользовались многие музеи, организации по охране исторических, архитектурных и художественных памятников, геологические управления и различные научно-исследовательские институты Средней Азии. За ее пределами консультацией кафедры пользовались отдельные научные сотрудники Института истории материальной культуры АН СССР, кафедры музееведения МГУ, Академии архитектуры СССР, Всесоюзного управления по охране памятников архитектуры, Всесоюзного института Главозолото, Всесоюзного научно-исследовательского института животноводства, Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства, Института языка и литературы Академии наук Туркменской ССР, Института истории, археологии и этнографии Академии наук Киргизской ССР, Государственного Эрмитажа, кафедры археологии МГУ, Туркменского государственного университета, Бухарского и Алма-Атинского педагогического института, сотрудники музеев Алма-Аты, Андижана, Ашхабада, Бухары, Джамбула, Намангана, Пятигорска, Самарканда, Ташкента, Термеза, Турткуля, Ферганы, Фрунзе, 2-й Юго-Восточной Кара-Кумской геологической экспедиции, Государственного Русского музея в Ленинграде, Института археологии и искусства Академии наук Азербайджанской ССР и многих др. Неоднократно получали консультации и зарубежные ученые. Особую специфическую и большую группу составляют ежегодно консультации, связанные с определениями нумизматических объектов. Наряду с консультациями по историко-археологическим вопросам, давались письменные заключения по научным работам, а также составлялись развернутые рецензии на работы различных авторов по вопросам истории Средней Азии.

Все годы кафедра вела активную агитационную политико-просветительную работу в виде чтения публичных лекций для самых разнообразных кругов трудящихся и проведения культурно-исторических экскурсий в разных городах по памятникам старины, в том числе на местах раскопок.

Учрежденный при кафедре с апреля 1940 года археологический кабинет превратился в небольшой музей с оформленной выставочной частью. Интересные комплексы дают археологические предметы, собранные сотрудниками кафедры на территории Ташкента и его ближайших окрестностей, причем коллекции эти непрерывно пополняются новыми предметами. В настоящее время функционирует два археологических кабинета САГУ — «феодальный» и «дофеодальный».

Кабинеты-музеи не только обслуживают своими коллекциями в качестве наглядных пособий ряд курсов, но их материалы используются студентами и некоторыми специалистами для своих

научных работ. Помимо того, члены кафедры принимают в археологических кабинетах многочисленные экскурсии разных групп трудящихся нашей страны, а также зарубежных гостей с дачей им соответствующих объяснений по выставленным экспонатам.

С 1940 года при кафедре организован и функционирует студенческий научно-исследовательский археологический кружок (СНАК), заседания которого иногда проходили совместно с кафедральными. В активе СНАК'а ряд законченных студенческих научно-исследовательских работ, многие из которых премированы при проведении студенческих научных конференций, на городских и республиканских смотрах, равно как ряд исследований опубликован в студенческих научных сборниках и в других специальных изданиях. На заседаниях СНАК'а иногда выступают с докладами члены кафедры, а также специалисты из других учреждений.

За последние пять лет СНАК является постоянным участником Всесоюзных студенческих научных археологических конференций, созываемых при историческом факультете Московского Государственного Университета, а в 1957 г. в Ташкенте по инициативе СНАК'а была проведена первая среднеазиатская студенческая археологическая конференция. В первые годы существования кружка выпускался машинописный бюллетень, в котором помещались научные статьи и отражалась жизнь кафедры и кружка.

В процессе исследовательской работы над памятниками материальной культуры с привлечением разнообразных видов источников (литературных, исторических первоисточников на разных языках, данных лингвистики, этнографии, искусства, эпиграфики и нумизматики) членами кафедры установлено большое количество новых исторических фактов. Выработан ряд приемов методики полевой и камеральной научной работы. В основу всех сколько-нибудь крупных исследований клался принцип комплексности в подходе и коллективности в выполнении.

С работой кафедры связан ряд открытий большой научной значимости; в частности — обнаружение при раскопках на территории городища Старая Ниса в северном комплексе зданий многочисленных и подчас высокохудожественных предметов из металла, камня, терракоты и резной слоновой кости, принадлежащих утвари парфянских царей II-I вв. до н. э., а также свыше двух тысяч парфянских документов (острака) того же времени, имеющих огромную научную значимость.

В вопросе периодизации истории Средней Азии кафедра немало сделала для уточнения времени расцвета рабовладельческого общества, его кризиса и освещения всех периодов и этапов развития общества феодального. На ряде конкретных объектов показана большая самостоятельность в развитии истории среднеазиатской материальной культуры. Установлена крупная роль деятельности человеческого общества в прошлом в изменении природных условий страны и зависимости от нее таких явлений, как

сложение микроклиматов, колебание режима подземных и наземно текущих вод, движение песков и т. п.

На кафедре осуществлена значительная работа по выявлению планов отдельных городов за разные эпохи, а также по графической и художественной реконструкции отдельных объектов, в том числе первоначальных видов некоторых архитектурных памятников рабовладельческого и феодального обществ.

За 20 лет существования кафедры ее сотрудниками опубликовано свыше 250 научных работ. Научные заседания кафедры всегда бывают открытыми с приглашением специалистов из различных научных организаций. Средняя посещаемость заседаний 25—30 человек. На заседаниях заслушано свыше 350 докладов и сообщений 85 специалистов. Из них Г. А. Пугаченковой сделано 46 докладов, проф. М. Е. Массоном — 112. На заседаниях с докладами выступали 41 археолог, 4 архитектора, 2 искусствоведа, 4 геолога и геофизика, 7 этнографов, 12 академиков и докторов наук. В 28 сообщениях и докладах освещался жизненный путь видных археологов, историков и этнографов, деятельность которых так или иначе связана с изучением прошлого Средней Азии.

Многочисленные работы членов кафедры публикуются в специальных сборниках «Археология Средней Азии», выходящих в серии Трудов САГУ с 1950 года, в Трудах ЮТАКЭ и в ряде других научных изданий, а также выходят отдельными монографиями.

Поддерживая связь с разнообразными научными организациями СССР и многочисленными учеными различных специальностей (археологами, историками, антропологами, этнографами, архитекторами, искусствоведами, геологами, ботаниками, зоологами, почвоведом, ирригаторами, животноводами, педагогами, агрономами и др.) кафедра числит в своем составе трех почетных членов: В. В. Струве, А. Ю. Якубовского и Е. К. Бетгера.

На протяжении всех 20 лет своего существования кафедра как в области научно-исследовательской, так и в педагогической деятельности, работала в масштабе Средней Азии. Археологическая и нумизматическая школы САГУ получили широкое признание. Некоторые из воспитанников защитили уже диссертации на ученую степень кандидатов исторических наук: Х. Алпысбаев, Л. И. Альбаум, В. А. Булатова-Левина, Е. А. Давидович, П. Н. Кожемяко, К. Х. Кушнарера, Б. А. Литвинский, В. М. Массон, О. В. Обельченко. Из числа других, прошедших специализацию по кафедре археологии Средней Азии, ряд археологов активно работает во всех среднеазиатских республиках и за их пределами. Окончившие аспирантуру воспитанники кафедры археологи З. И. Усманова и С. Б. Лунина оставлены при ней в качестве преподавателей-ассистентов, археолог Н. И. Крашенинникова работает старшим лаборантом с 1952 г.

Литература по истории кафедры

1. Кафедра археологии Средней Азии, 25 лет САГУ, «Бюллетень САГУ», в. 24, Ташкент, 1945.
 2. Научная работа кафедры археологии Средней Азии исторического факультета САГУ «Труды САГУ», в. XI, Ташкент, 1950.
 3. Перечень научных докладов, заслушанных на заседаниях кафедры археологии Средней Азии, «Труды САГУ», в. XI, Ташкент, 1950.
 4. Работа кафедры археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи Тимуридов, «Труды САГУ», в. XL IX, Ташкент, 1953.
 5. Перечень научных работ членов кафедры археологии Средней Азии, посвященных вопросам истории материальной культуры Средней Азии XV века (с 1940 по 1950 гг.), «Труды САГУ», в. XL IX, Ташкент, 1953.
 6. Перечень научных работ и публикаций профессора М. Е. Массона, к 35-летию научно-исследовательской деятельности, Ташкент, 1954.
 7. М. Е. Массон, Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, «Труды САГУ», в. LXXXI, Ташкент, 1956.
 8. Перечень научных докладов и сообщений, заслушанных на заседаниях кафедры археологии Средней Азии САГУ с 1950 г. «Труды САГУ», в. LXXXI, Ташкент, 1956.
-

ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ,
ЗАСЛУШАННЫХ НА ЗАСЕДАНИЯХ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ С 19 мая 1956 г.*

227. 1956 г. 31.V. К. А. Кацурис. Раскопки квартала мукомолов в Старом Мерве.
228. " 6.VI. М. Аминджанова. Изучение городских стен средневекового Мерва.
229. " " М. Е. Массон. Кладик сасанидских монет Фируза с согдийскими надчеканами из Ахангерана.
230. " " Он же. Клад медных монет XV в. из Сукока.
231. " " Он же. Памяти академика Владимира Александровича Гордлевского.
232. " 23.IX. М. С. Мершиев. Археологические работы на городище Старая Ниса в 1956 г.
233. " " М. Е. Массон. Человеческие волосы двухтысячелетней давности из древней крепости Эрк-кала в Старом Мерве.
234. " 30.IX. Он же и В. М. Массон. Культуры Средней Азии поры неолита и бронзового века.
235. " " С. Н. Юренив. Результаты археологического надзора при работах СНРПМ на Гури-мире, медресе Улуг-бека и Шир-дар в Самарканде в 1956 году.
236. " 7.X. В. М. Массон. Изучение памятников Южного Туркменистана поры неолита и бронзового века в 1956 году.
237. " " Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения туркменских поселений XIX века в Ташаузском районе.
238. " 26.XII. М. Е. Массон. Памяти археолога профессора Александра Натановича Бернштама.
239. " " Б. В. Лунин. Абубекр Ахмеджанович Диваев как любитель археолог.
240. " " М. Е. Массон. Абубекр Ахмеджанович Диваев как краевед.
241. " " Г. А. Пугаченкова. Мавзолей XI века Ярты-гумбез близ Серакса.
242. " " М. Е. Массон. Клад фальшивых тенег конца XIV — начала XV вв., переданный в археологический кабинет САГУ А. Х. Хамраевым.
243. " " Г. А. Пугаченкова. Керамика парфянского времени из Гуруклы-депе близ Серакса.

* Перечень научных докладов и сообщений, заслушанных на заседаниях кафедры археологии Средней Азии за предыдущее время с 5.IV 1940 г. по 6.XI. 1949 г. (с № 1 по № 120) см. в сборнике „Археология Средней Азии“, Труды САГУ, в. XI, Ташкент, 1950, стр. 5—8; с 10.V. 1950 г. по 18.V. 1956 г. (с № 121 по № 226) см. в сборнике „Археология Средней Азии“, Труды САГУ, в. LXXXI, Ташкент, 1956, стр. 156—159.

244. 1957 г. 6.II. М. Е. Массон. Научная работа кафедры археологии Средней Азии за 1956 год.
245. " " Г. Н. Чабров. Из истории изучения развалин древнего города Джанкента.
246. " " М. Е. Массон. Интересные в археологическом отношении наблюдения в Кызыл-Кумах в 1955—1956 гг.
247. " " Он же. Находка в Старом Мерве омейядского фельса халифа Хишама, выбитого в Андали (-Кордове) в 107 г. х.
248. " 13.III Г. А. Пугаченков а. Штампованная керамика XII-начала XIII вв. из мервской мастерской Инойтона по материалам 1954 года.
249. " " С. Б. Лунина. Антропоморфные сюжеты на керамике XII-начала XIII вв. из Мерва по материалам 1955 и 1956 гг.
250. " " В. Д. Жуков. Две монеты Дуцентского клада 1952 года.
251. " " М. Е. Массон. О расшифровке французским ученым Р. Шмиттленом происхождения термина „кала“.
252. " 20.III. Он же. Жизненный путь академика Иосифа Абгаровича Орбели.
253. " " О. И. Исламов. Геолого-археологическая характеристика древнего рудника Кан-и Мансур.
254. " " А. Л. Троицкая. О нефти в Маргеланском бекстве при Худояр-хане (1866—1875).
255. " " М. Е. Массон. Кладик фулусов начала XVI в. из селения Ляшкерек Ангренского района.
256. " " Г. А. Пугаченкова. По поводу дискуссии о происхождении изображений мамонтов, лошадей и др., обнаруженных в пещерах провинции Дордонь близ Периго.
257. " 17.IV. М. Е. Массон. Некролог почетного члена кафедры и СНАК Евгения Карловича Бетгера.
258. " " Л. И. Ремпель. К вопросу о происхождении культов Шах-и Зинда и Хазрет-Хызра в Самарканде.
259. " 27.IV. Л. И. Мережин. Керамическое производство парфянского поселения Джин-депе.
260. " " Р. С. Сусенкова. Раскопки домусульманского могильника в окрестностях Мерва.
261. " 12.VI. А. П. Савицкий. Ташкент, как дореволюционный центр востоковедения.
262. " " Г. Н. Чабров. Китайский фарфор в Средней Азии в конце XVIII—XIX вв.
263. " 15.IX. М. Е. Массон. Новые картографические данные о прошлом Туркменистана XVIII века.
264. " " Л. М. Рутковская. Первая сводная работа об археологических памятниках Закаспийской области (по поводу доклада А. В. Комарова на заседании 25 февраля 1888 г. Восточного отделения Русского археологического общества).
265. " " М. Е. Массон. Фальшивая тимуридская теньга из Ташкентского клада с религиозными легендами реверсов на обеих сторонах.
266. " 22.IX. В. М. Массон. Раскопки на Джейтуне и Кара-депе весной 1957 года.
267. " " И. Н. Хлопин. Раскопки на Ялангач-депе в 1957 году.
268. " 29.IX. М. С. Мершиев. Раскопки на городище Старая Ниса в 1957 г.
269. " 6.X. Л. М. Рутковская. Парфянские керамические печи Джин-депе.
270. " " П. Г. Булгаков. Из арабских источников о Мерве.
271. " " М. Е. Массон. Находка к югу от Байрам—Али фрагмента монгольского „динара-шикесте“ первой половины XIII в.

272. 1957 г. 19.X. Он же. Куфическая надпись в так называемом мавзолее Мухаммеда Ханая в Старом Мерве.
273. " " Г. Е. Трапезников. Археолого-топографическая съемка средневекового поселения у руин Слук-кошук в 16 км к С.-З. от Старого Мерва.
274. " 16.XI. М. Е. Массон. Новые средневековые надмогильные кирпичи из Марыйской области.
275. " " В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии населения Южного Туркменистана эпохи "поздней бронзы".
276. " " Г. А. Пугаченкова. Новый вклад в историю искусства сасанидского Ирана — R. Ghirshman, Les mosaïques sassanides, Bicharoug, v. II, Paris, 1956.
277. " " М. Е. Массон. По поводу работы R. Ghirshman, Un decadrachme Koushan inédit, Paris, 1957 (в действительности вероятная принадлежность монеты к продукции персидских фальсификаторов начала XX века).
278. 1958 г. 19.II. М. Е. Массон. Памяти Николая Гурьевича Маллицкого в связи с 10-летием со дня смерти.
279. " " Он же. Научная работа кафедры археологии Средней Азии в 1957 году.
280. " " С. Б. Лунина. Зооморфные сюжеты на штампованной керамике XII-начала XIII вв. из Мерва.
281. " 4.III. И. И. Умняков. Малоизвестный источник о Тимуре.
282. " " Л. Н. Мережин. Керамика XII-начала XIII вв. из Термеза.
283. " 12.III. М. Е. Массон. Памяти профессора-ориенталиста Валентина Алексеевича Жуковского в связи с 40-летием со дня смерти.
284. " " О. В. Обельченко. К вопросу о времени сооружения районной стены бухарского оазиса "Кампыр-дувал".
285. " " М. Е. Массон. Старый Фараб.
286. " 19.III. М. И. Моложатова. Китайское бронзовое зеркало с городища Абдулла-хан-кала в Старом Мерве.
287. " " Г. А. Пугаченкова. Находка средневекового бронзового зеркала в Термезе.
288. " " М. Е. Массон. Результаты обработки остеологических материалов из раскопок неолитического поселения на Джейтуне с пересчетом на мясо.
289. " 26.III. Л. М. Рутковская. Бронзовая статуэтка из Беговата с изображением человека, сидящего на волке.
290. " " А. С. Морозова. Следы древних форм семьи у каракалпаков.
291. " " М. Е. Массон. О рисунке А. Лемана бронзового кинжала из долины Зерафшана (1841—1842 г.).
292. " " Он же. Находка в селении Ялпан Ферганской области бронзового жетона одной из пантюркистских организаций.
293. " 2.IV. Г. Н. Чабров. Художник-путешественник Павел Яковлевич Пясецкий и его работы в Туркестане (1892).
294. " " Н. И. Крашенинникова. Раскопки круглого храма на городище Старая Ниса.
295. " " М. Е. Массон. Некоторые монетные находки на Зартепе в Сурхан-Дарьинской области.
296. " 7.IV. И. И. Ноткин. Исследования хивинского мавзолея Пахлаван Махмуда.
297. " " Ю. Н. Завадовский. Расшифровка некоторых надписей, связанных с мавзолеем Пахлаван Махмуда в Хиве.
298. " " Ю. Ф. Буряков. Археологические наблюдения 1957 года на тепе Минг-Урюк в Ташкенте:

299. 1958 г. 24.IV. М. Е. Массон. Отражение научной работы кафедры археологии Средней Азии с 5-го апреля 1940 года на ее 200-х заседаниях.
300. " " М. М. Герасимов. Реставрация по черепу портрета поэта Рудаки.
301. " " Г. А. Пугаченкова. Грифон в изобразительном искусстве Средней Азии.
302. " 16.V. Я. Крикис. Стратиграфические шурфы на городище Султан-кала в Старом Мерве.
303. " " Е. З. Заурова. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала в Старом Мерве.
304. " " М. Пачос. Стратиграфические шурфы в рабде средневекового Мерва.
305. " 20.V Ш. Ташходжаев. Разрез городской стены мервского городища Гяур-кала.
306. " 30.V. Д. Вархотова. Археологические работы на территории квартала мукомольев в рабовладельческом Мерве.
307. " 28.IX. М. Е. Массон. К 75-летию историка и библиографа САГУ Александра Васильевича Панкова.
308. " " Он же. Памяти химика-реставратора Василия Николаевича Кононова.
309. " " М. С. Мерщнев. Археологические работы на Старой Нисе летом 1958 года.
310. " " М. Е. Массон. Некоторые археологические находки на Ферганском городище Ахсы.
311. " 12.X. С. Б. Лунина. Штампы-калыбы из мервской гончарной мастерской XII-начала XIII вв.
312. " " В. М. Массон. Археологические работы XIV-го. отряда ЮТАКЭ летом 1958 года.
313. " " М. Е. Массон. Парфянская глиняная двусторонняя печать из Изгант-депе.
314. " 26.X. Он же. Плоскоплиточные каменные надгробники Южного Туркменистана XVIII века.
315. " " Г. А. Пугаченкова. Кашиный орнаментированный сосуд XIV в. из Куны-Ургенча.
316. " " Н. И. Крашенинникова. Работы 1-го отряда ЮТАКЭ в октябре 1958 года.
317. " 31.X. М. Е. Массон. Обнаружение в Южном Туркменистане пальмирских скульптурных могильных плит.
318. " " П. А. Гомолицкий. Некоторые археологические наблюдения на левом берегу Сыр-Дарьи в Южном Казахстане.
319. " 2.XI. М. Е. Массон. LX-летие востоковеда-историка профессора Ильи Павловича Петрушевского.
320. " " Г. А. Пугаченкова. Миниатюры мастера Мусали в ширазском синске „Хамсе“ Эмир-Хосрова Дехлеви.
321. " " К. Адыков. Год работы Комитета по охране памятников культуры при Министерстве культуры Туркменской ССР.
322. " 8.XI Г. А. Пугаченкова. Работы VII-го архитектурного маршрутного отряда ЮТАКЭ в Ташаузском округе.
323. 1959 г. 6.I М. Е. Массон. Научная работа кафедры археологии Средней Азии в 1959 году.
324. " " Н. И. Крашенинникова. Результаты археологических наблюдений 1957—1958 гг. на исчезающих остатках древнего поселения Чаш-тепе близ Ташкента.
325. " 21.I. М. Е. Массон. Почетный член кафедры археологии Средней Азии академик Василий Васильевич Струве в Средней Азии.
- ~26. " " З. И. Усманова. Новые находки фрагментов древних тканей из Эрк-калы в Старом Мерве.

327. 1959 г. 21.I. Г. А. Пугаченкова. Античная скульптура Узбекистана.
328. " 10.II. М. Е. Массон. Изучение в 1958 году итальянскими археологами некрополя Тарквинии с применением электро-разведки и предварительной фотоэлектрической фиксации внутренности склепа с помощью ручного бурения.
329. " " В. Д. Жуков. Из Самаркандской археологической хроники работ 1958 года.
330. " " М. Е. Массон. Новый оттиск штампа мервского керамиста XII века Инойятона.
331. " " Он же. Обнаружение на городище Гяур-кала в Старом Мерве фрагмента крупной тихоокеанской раковины *Surgaea tigris*.
332. " 18.III Он же. Памяти профессора САГУ Александра Александровича Семенова.
333. " " Б. В. Лунин. Александр Александрович Семенов как историк материальной культуры Средней Азии.
334. " 25.III. А. П. Савицкий. О сооружении памятника Улугбеку в Самарканде по архивным данным.
335. " " Н. И. Крашенинникова. Раскопки на городище Старая Ниса осенью 1958 года.
336. " " М. Е. Массон. Обнаружение в Намангане металлического сосуда с изображениями египетского бога Гора, фараона и с греческой надписью.
337. " 25.IV. Г. А. Пугаченкова. Пленум ИИМК по археологическим работам 1958 года.
338. " " З. И. Усманова. Бронзовые наконечники стрел из Эрк-калы в Старом Мерве.
339. " 6.V. Г. А. Пугаченкова. Древние мервские терракотовые фигурки, изображающие мужчин.
340. " " Н. Ф. Левицкий. О книге Мухаммед Насир Мирза Агаси "Памятники Персии".
341. " " М. Е. Массон. О кушанских монетах, присланных из города Ферганы, как якобы найденных на бугре Сим-тепе.
342. " 16.V. Он же. Памяти археолога Сергея Николаевича Замятнина.
343. " " М. Н. Федоров. Сасанидская крепостная стена городища Гяур-кала в Старом Мерве.
344. " " М. И. Филанович. Разведочный стратиграфический раскоп в Эрк-кале.
345. " " М. Е. Массон. Некоторые результаты раскопок О. В. Обельченко курганов на правом берегу Зерафшана в 30 км к северу от Самарканда.
346. " 27.IX. Он же. Обнаружение и опознание руин средневекового селения Шавваль.
347. " " Т. Атабаев. Две легенды об основании селения Нухур и другие материалы по туркменскому фольклору.
348. " " М. Е. Массон. Еще о пяти кушанских монетах, полученных из города Фергана.
349. " 11.X. В. М. Массон. Древний Афганистан.
350. " 11.X. **Академик А. Н. Самойлович** Неопубликованные материалы по фольклору туркмен.
351. " " А. Я. Цетенко. Результаты работ Братской археологической экспедиции
352. " " М. Е. Массон. Намогильный средневековый кирпич из Кушмейхана.
353. " 25.X. Он же. Прошлое северной части Байрам-Алийского района и городище у Кур'тлы-депе.

354. 1959 г. 7.XI. Г. А. Кошеленко. Городской строй полисов западной Парфии: Дура-Европос, Селевкия, Сузы.
355. " " Е. З. Заурова. Раскопки средневекового жилого дома на городище Новая Ниса в 1959 году.
356. " " М. Е. Массон. О хранящемся в Эрмитаже кладе арабских дирхемов VIII—IX вв., найденном близ станции ж.-д. Репетек.
357. 1960 г. 13.I Он же. Научная работа кафедры археологии Средней Азии в 1959 году.
358. " " Б. В. Лунин. О назначении сфероконических сосудов в связи с данными иллюстрированной рукописи XVI века.
359. " " М. Е. Массон. О разборе на средневековом мавзолее в селении Тим даты 367 г. х. (997/8 г. н. э.).
360. " 27.I Г. А. Пугаченкова. По поводу группы так называемых греко-бактрийских чаш.
361. " " И. Ахраров. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы.
362. " " М. Е. Массон. О руинах крепости Сарвада в связи с поступлением в археологический кабинет САГУ от П. А. Гомолицкого собранных там фрагментов керамики.
363. " " Он же. Новые аспекты в познании истории Ляшкерера в связи с доставкой Р. Л. Дуниным-Барковским археологических материалов из его древних выработок.
364. " 24.II С. Б. Лунина. Гончарное производство Мерва X—начала XIII вв.
365. " " М. Е. Массон. Находка "черной тени" Убайдулла хана (1701—1711) при археологических работах у мавзолея Ахмеда Ясеви в г. Туркестане.
366. " " Он же. Обнаружение в окрестностях Кисловодска на поселении с "аланской керамикой" хорезмшахского дирхема домусальманского чекана VII века.
367. " 9.III Г. Н. Чабров. Дмирий Иванович Эварницкий в Туркестане в 1882—1885 гг.
368. " " Н. И. Крашенинникова. Раскопки средневекового здания на Старой Нисе в 1958 и 1959 гг.
369. " " С. Б. Лунина. Обнаружение остатков селения XV—XVI вв. на левом берегу Бозсу близ Ялангача.
370. " 30.III М. Е. Массон. Кафедра археологии Средней Азии за XX лет ее существования.
371. " " З. И. Усманова. Раскопочные работы в Эрк-кале в Старом Мерве осенью 1959 года.
372. " " Г. А. Пугаченкова. Научная информация по командировке в Москву и Ленинград весной 1960 года.
373. " " М. Е. Массон. О постановке по линии ЮТАКЭ археологических работ в районе поселений бронзового века у Геоксюра со взятием проб для пыльцевого анализа.
374. " 20.IV Б. В. Лунин. Василий Алексеевич Городцов.
375. " " Г. А. Пугаченкова. Археологическая рекогносцировка в селении Халчаян в 1959 году.
376. " " М. Е. Массон. О приобретаемой Музеем истории АН УзССР тетрадрахме греко-бактрийского царя Гелиокла.
377. " 2.X. Он же. Научная работа ЮТАКЭ 1959 года по изучению памятников родового и рабовладельческого общества.
378. " " А. М. Мандельштам. К вопросу об Абуе и Абокагане.
379. " 16.X. М. Е. Массон. Академик Василий Васильевич Латышев.
380. " " Г. А. Кошеленко. Значение научных трудов академика В. В. Латышева,

381. 1960 г. 16.X. М. Е. Массон. Находка на городище Старая Ниса датированной парфянской тетрадрахмы Митридата 1.
382. " " Г. А. Кошеленко. Архитектура жилищ греческих городов Парфии.
383. " " С. С. Орлов. Воспоминания о В. В. Латышеве бывшего студента Петербургского историко-филологического института в период 1904—1908 гг.
384. " 30.X М. Е. Массон. Научная работа ЮТАКЭ 1959 года по изучению памятников феодального периода.
385. " " З. И. Усманова. К вопросу о древнем поселении на городище Эрк-кала в Старом Мерве.
386. " " М. Е. Массон. Реконструкция общего вида оссуария с зороастрийского кладбища близ Мунондепе.
387. " 6.XI. О. Оразов. Великий туркменский поэт Махтум-кули.
388. " " Д. М. Овезов. Туркменские легенды о некоторых памятниках старины в предгорьях Копет-дага.
389. " " В. Г. Мошкова. Родовая кала иомутов на территории Хивинского ханства.
390. " " М. Е. Массон. Представления белуджей о сказочных человекообразных водяных существах „дарья-оби“.
391. " 13.XI Он же. Жизнь и деятельность профессора историка-востоковеда Ивана Ивановича Умнякова.
392. " " Л. Н. Мережин. Обследование остатков районной стены Маргианы Шв. до н. э. в 1960 году.
393. " " В. И. Белоусов. Работы по изучению овального здания V—VI вв. на городище Гяур-кала.
394. " " С. Б. Лунина. По поводу книги Е. М. Пещеревой „Гончарное производство Средней Азии“, ТИЭ, т. XLII, М.—Л., 1959.
395. 1961 г. 3.I М. Е. Массон. Памяти Петра Порфириевича Архангельского.
396. " " Он же. Научная работа кафедры археологии Средней Азии в 1960 году.
397. " " Г. А. Пугаченкова. XXV-й Международный конгресс востоковедов (Сообщение делегата-докладчика).
398. " " М. Е. Массон. Подражания медалевидным саманидским дирхемам из Чиназского клада монет X века.
399. " " Он же. Памяти академика Иосифа Абгаровича Орбели.
400. " 10.II М. Е. Массон. К истории появления культуры риса в странах Среднего Востока.
401. " " И. И. Ноткин. Архитектурные памятники окраин Хивинского оазиса.
402. " 24.II Г. А. Пугаченкова. Средневековый мавзолей в Тиме.
403. " " В. И. Рацек. Некоторые археологические наблюдения при альпийских походах в Средней Азии.
404. " " М. Е. Массон. О находке в Старом Андижане старинной медной православной иконы-складня.
405. " " Он же. Средневековые монеты, найденные в раскопках М. И. Филанович на Афрасиабе в 1960 г.
406. " 10.III Г. Н. Чабров. Советские мемориальные медали.
407. " " С. Б. Лунина. О технике изготовления калыбов для штампованной мервской керамики XII века.
408. " " М. Е. Массон. Из прошлого тигров Средней Азии.
409. " 24.III Л. Ю. Маньковская. О времени сложения комплекса у мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви.
410. " " М. Е. Массон. Новые монетные находки в г. Туркестане восточнее мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви.
411. " " Н. И. Крашенинникова. Раскопочные работы на городище Старая Ниса в 1960 году.

412. 1961 г. 19.IV Б. Тургунов. Археолого-топографическая съемка городища Султан-кала в Старом Мерве.
413. " " Д. Сидорова. Раскопки в центре шахристана средневекового Мерва.
414. " 26.IV. Е. Пругер. Средневековые кирпичеобжигательные печи Мерва
415. " " Ю. Каширова. Раскопки раннесредневекового овального здания на городище Гяур-кала в Старом Мерве.
416. " 12.V. Б. В. Лунин. Из истории создания и деятельности первого высшего востоковедческого учебного заведения в Туркестане (до 1918 г.).
417. " " М. И. Моложатова. Древние китайские архитектурные фрагменты из Кульджи в Музее искусств Узбекистана.
418. " " С. Б. Лунина. Пленум Археологического института Академии наук СССР по работам 1960 г. (Информационный доклад делегата кафедры археологии Средней Азии).
419. " 19.V Б. В. Лунин. Из истории создания и деятельности первого высшего востоковедческого учебного заведения в Туркестане (ТВИ—Восточный факультет САГУ).
420. " " В. И. Белоусов. Раскопки 1960 г. на площади здания христианской общины в Мерве.
421. " 19.IX М. Е. Массон. Дая-Хатын-рабат.
422. " " М. С. Мершиев. Работы Чардаринской экспедиции Института археологии Академии наук Казахской ССР на Ак-тепе.
423. " " М. Е. Массон. Находка в Ахангеране гальки с древне-еврейскими письменами.
424. " 1.X Он же. Средневековый торговый путь из Амуля в Хорезм. (До начала владений Хорезма).
425. " " Г. А. Кошеленко. Проблема фронтальности в парфянском искусстве.
426. " " М. Е. Массон. Крупный клад серебряных дирхемов первых Караханидов с городища Шиш-тубе близ селения Калининского Фрунзенской области Киргизской ССР.
427. " 15.X М. Е. Массон. Средневековый торговый путь из Амуля в Кят на отрезке в пределах Хорезма до Садвара включительно.
428. " " Г. А. Кошеленко. Политическая борьба в Парфии в I в. до н. э.
429. " " М. Е. Массон. Обнаружение фальшичных саманидских дирхемов в рабаде Старого Мерва к северу от Шаим-калы.
430. " 29.X. Г. А. Пугаченкова. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна.
431. " " Е. А. Мончадская. К вопросу о парадизах в Средней Азии.
432. " " **Н. А. Наследов.** Пребывание афганского эмира Абдурахман хана в Самарканде в 1876—1879 гг. (по личным воспоминаниям).
433. " " О. Оразов. Рекогносцировка в районе Нового Фараба для выяснения местонахождения средневекового Битыка.
434. " " Д. М. Овезов. Работы ЮГАКЭ 1961 г. по изучению племени геклен.
435. " 15.XII М. Е. Массон. 250 заседаний кафедры археологии Средней Азии.
436. " " Н. И. Крашенинникова. Археологические вскрытия 1961 г. на городище Старая Ниса.
437. " " Л. И. Альбаум. Обнаружение на Абытабад-тепе документов VII в., написанных на бересте одной из разновидностей индийских писем.

438. 1961 г. 15.XII. М. Е. Массон. О расшифровке на согдийских документах с горы Муг трех терминов для обозначения различных категорий рабства.
439. " " М. Е. Массон. По поводу предложения А. Ф. Свиридова о применении метода индукции при археологических разведках.
440. 1962 г. 3.I Он же. Научная работа кафедры археологии Средней Азии в 1961 году.
441. " " Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана.
442. " " М. Е. Массон. Находка в Кисловодске дирхема Узбекхана.
443. " " Он же. Обнаружение в Байрам-Али медной тарелки с именами двух владельцев XV—XVI вв.
444. " 23.II Он же. Памяти профессора антрополога Льва Васильевича Ошанина.
445. " " А. И. Кормилицин. Экспедиционная деятельность Л. В. Ошанина.
446. " " В. Я. Зезенкова. Антропологическое определение черепов из раскопок ЮТАКЭ в Мерве.
447. " " А. П. Савицкий. Письма А. Вамбери к Н. П. Остроумову.
448. " " Г. Н. Чабров. Из истории рукописного собрания Туркестанской публичной библиотеки (1870—1917).
449. " 9.III М. Е. Массон. Кладки саманидских дирхемов конца Хв. из пригорода Старого Мерва.
450. " " Б. В. Лунин. Критико-библиографический обзор серии „Археология Средней Азии“ в „Трудах САГУ — ТашГУ“.
451. " " Д. П. Вархотова. Уникальное декоративное керамическое блюдо VII—VIII вв. из Кувы.
452. " 16.III А. П. Савицкий. Архивные данные о памятнике Ч. Ч. Валиханову.
453. " 16.III Г. А. Кошеленко и З. И. Усманова. К истории городских укреплений Древнего Мерва.
454. " " И. Ахраров. Значение слова بركه на сосудах средневековой поливной керамики Средней Азии.
455. " 30.III М. Н. Федоров. Клад сельджукидских серебряных динаров шекесте из Южного Узбекистана.
456. " " С. Х. Ишанханов. Некоторые археологические и нумизматические находки из Дукета.
457. " " М. Е. Массон. Монеты хорезмского чекана династии Джучидов с мазара около городища Яр-Бекир в 70 км к юго-западу от Ургенча.
458. " " Г. Н. Чабров. К вопросу об авторе переданного кафедре Н. П. Архангельским акварельного рисунка северо-западного минарета мечети Биби-ханым.
459. " 3.V Т. Асиров. Раскопки складского средневекового помещения в северном обводе городища Султан-калы в Старом Мерве.
460. " " Р. Сулейманов. По поводу двух кладов медных монет XV в. из Джизака и кишлака Дурмен под Ташкентом.
461. " " К. Юсвалиев. Археологическое вскрытие объекта X—III в. Халчаане.
462. " " И. Мирзакаримов. Раскопки средневекового жилого дома на городище Султан-кала в Старом Мерве.
463. " 11.V М. Е. Массон. Памяти археолога Всеволода Даниловича Жукова.
464. " " Н. И. Крашенинникова. Результаты научной ко мандировки в Москву и Ленинград весной 1962 г.

465. 1962 г. 11.V. Г. Дадабаев. Раскопки древнего здания в юго-восточном углу городища Гяур-кала в Старом Мерве.
466. " " М. Сафаров. Археологические исследования Ханакатепа II в Халчаяне.
467. " " Т. Ходжаниязов. Раскопки хозяйственного здания в центре Гяур-калы Старого Мерва.
468. " 25.V. М. Е. Массон. Выпрямление северо-восточного минарета самаркандского медресе Улугбека.
469. " " С. Б. Лунина. Археологическая рекогносцировка в мае с. г. зоны затопления в Бастандыкском районе.
470. " " М. Е. Массон. По поводу полученной кафедрой фотографии гравюры с портретом П. И. Лехра.
471. " 30.IX. М. Е. Массон. Памяти Василия Лаврентьевича Вяткина.
472. " " Он же. Еще к вопросу о времени возникновения парфянского государства.
473. " " Г. А. Кошеленко. О проникновении буддизма в Маргиану.
474. " " О. Г. Большаков. События 712 г. н. э. в Хорезме.
475. " 12.X. М. Е. Массон. Городище средневекового Кушмейхана „Койне Кишман“ (часть I).
476. " " С. Б. Лунина. К вопросу о караул-тепе Бастаныкского района.
477. " " Г. А. Кошеленко. Архитектура храмовых зданий Старой Нисы как источник для уточнения вопроса о религии парфян.
478. " " М. Е. Массон. Парфянские манеты из XVI и XX ярусов стратиграфического шурфа № 5 в Эрк-кале Старого Мерва.
479. " 21.X. М. Е. Массон. Итоги однодневного археологического обследования городища Хурмузфарра в 1962 г.
480. " " Г. Б. Никольская. Из истории уйгур Закаспийской области.
481. " " Г. А. Кошеленко. Об изображениях на оссуариях из Мунон-депе.

М. Е. Массон.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ РИСА В СТРАНАХ СРЕДНЕГО ВОСТОКА

При воссоздании истории человечества далекого прошлого в целом и особенно для восстановления картины былых общений и связей между народами, населявшими отдельные, иногда далеко отстоящие друг от друга страны, несомненно особую важность представляет выяснение подлинной истории распространения различных сельскохозяйственных культур, особенно если на основании данных естественно-исторического порядка может быть примерно локализована «родина» того или иного вида из растительного или животного мира. В отношении Среднего Востока далеко не все существующие на этот предмет научные представления отличаются достаточной точностью и определенностью¹. В частности это относится к истории разведения риса.

Как справедливо указал И. П. Петрушевский, вопрос о древности риса в Иране до сих пор не разрешен². Исходя из того, что ни в Авесте, ни у таких античных авторов, как Геродот, Страбон и Аммиан Марцелин, нет упоминаний о разведении риса именно в этой стране (что по существу относится к категории *argumentum ex silentio*), а в китайской истории Северных дворов «Бейшы», охватывающей V—VII вв., прямо говорится, что в Босы риса нет³, Б. Лауфер пришел к заключению, что культура этого злака появилась в Иране только после арабского завоевания⁴. Между тем, о рисе в сасанидском государстве есть указания в письменных источниках, некоторые из которых дали основание считать, что рис начали возделывать в Иране при сасанидах⁵, но что вместе с тем культура этого злака была тогда столь мало распространена в стране, что ее в ней «почти не было»⁶.

Прекрасную сводку по этому вопросу содержит один из капитальных трудов И. П. Петрушевского⁷, где указывается, между прочим, что рис упомянут у Мусы ибн-Исы ал Кисрави в качестве аксесуара при ритуале празднования науруза. Сам по себе этот факт говорит, разумеется, только об употреблении риса,

а не о возделывании его на месте. Известно, что этот злак под названием «сорочинского пшена» шел в старину на изготовление русской ритуальной кутии (или коливо) с медом, употреблявшейся при совершении в доме, храме или на кладбище панихиды или литии по умершим, хотя культуры риса прежде в России не было и он был привозным. Совершенно неоспоримым в этом отношении является свидетельство о существовании посевов риса в податном уставе Хосрова I Ануширвана (531—579), причем в передаче содержания этого документа в конце X в. у Макидиса говорится, что один гариб (около 2.400 кв. м.) рисового поля облагался податью в $\frac{5}{6}$ дирхема⁸, а в редакции более раннего автора, Табари, о налоге на этот злак ничего не сказано. Последнее Т. Нельдеке объяснял пропуском переводчика⁹, тогда как Б. Лауфер и И. И. Петрушевский полагают более вероятным отнести это за счет позднейшей интерполяции, допущенной арабами. Нельзя при этом не обратить внимания, что за урожай с одного гароба такой ценной, высокодоходной и следовательно экономически очень выгодной культуры, как рис, взималось меньше, чем с гароба, засеянного пшеницей или ячменем, чем с четырех «персидских» финиковых пальм или с шести «армянских» оливковых деревьев. Как известно, в Средней Азии еще в первой половине XIX столетия возделывание риса находилось в руках представителей правящих классов, преимущественно беков и других именитых людей служилого сословия, и эта привилегия, тормозившая расширение его посевов, утратила свою силу только после присоединения к России. Если допустить, что примерно аналогичное явление могло иметь место в сасанидском Ираке, то сильно заниженная такса на рис может легко найти свое объяснение, исходя из классовых интересов у законодателей.

Больше сомнений вызывает правомерность слишком буквального понимания текста трактата по агротехнике «Китаб-и ильм-и фалахат у зира'ат», в котором приведено следующее: «Известно, что риса в Иранской стране не было и его привезли из Хиндустана во времена Ануширвана (т. е. в VI в. М. М.); его раздобыл врач Барзува (знаменитый уроженец Мерва, известный более под именем Барзуй и Барзубе, М. М.) вместе с (поэмой) «Калила и Димна».¹⁰ Едва ли эти слова безусловно дают достаточно оснований делать заключение, что рис является для Ирана сравнительно поздней сельскохозяйственной культурой, которой не было ни при Ахеменидах, ни при Аршакидах, ни при первых сасанидах, как предполагает ряд авторов. Из них только И. П. Петрушевский вносит оговорку — «кроме, быть может, окраинных восточных районов (например, Гургана), поскольку не так далеко к востоку, в Фергане рис уже возделывался», что подразумевает китайское сообщение II в. до н. э. о возделывании риса в Давани. У восточных средневековых авторов, утративших четкие представления о действительном положении в той или иной стране за период существования рабовладельческого общества, от

которого их отделяла, длительная упадочная пора его кризиса, часто встречаются такого порядка безапелляционные высказывания с неточностями хронологического порядка. Как на типичный пример можно указать на неверное утверждение Наршахи, будто первым в Бухаре серебряную монету стал чеканить Кана Бухархудат в пору правления халифа Абу-Бекра,¹¹ т. е. в начале 30-х годов VII в. На самом деле, как удалось выяснить путем районного изучения находок среднеазиатских нумизматических объектов, Бухара с конца III в. до н. э. и не позднее начала II в. до н. э. на протяжении нескольких столетий выпускала разного чекана серебряные монеты, исчезнувшие из рыночного употребления в пору кризиса рабовладельческой формации. После же выхода из него в VII веке был только впервые восстановлен чекан местной серебряной монеты и при этом с явными признаками зависимости по внешности от ранее обращавшихся тут типов. По-видимому, такое же заблуждение нашло отражение и в приведенном тексте из «Китаб-и ильм-и фалахат у зира'ат». Вероятно здесь запечатлен факт первого после длительного перерыва привоза в Персию в середине VI в. зерен одного из лучших тогдашних сортов индийского риса, культура которого вообще в Иране или резко сократилась или даже совершенно прекратилась после того, как вслед за правлением первых сасанидов страна с IV века как то отдала дань поро кризиса рабовладельческого общества, протекавшего может быть слабее, чем в Средней Азии.

О значительно более раннем разведении риса в странах Среднего Востока есть кое какие достаточно определенные сведения в письменных источниках. Древние греки до походов Александра Македонского на Восток как будто не были знакомы с самой культурой этого растения. Во всяком случае, участник вторжения македонской армии в Индию в 327 г. до н. э., Аристобул, счел нужным сообщить некоторые подробности о тамошнем разведении этого видимо мало знакомого его соотечественникам злака. Им же засвидетельствовано, что он «растет также и в Бактрии».¹² Легко допустить предположение, что он был занесен туда из Индии. Таким образом, для IV в. до н. э. налицо письменное свидетельство о наличии рисоразведения в одной из стран Среднего Востока, откуда оно и могло проникнуть в соседние области. Китайский посол Чжан Цян, путешествовавший с дипломатическими целями по распоряжению императора У-ди по «западным странам», включая Среднюю Азию, на протяжении 136—126 гг. до н. э., а затем отчасти еще в 115—104 гг. до н. э., сообщил, что в то время, т. е. во II в. до н. э. рис уже разводился в Анси (Ансак-Аршак), соответствующей Парфянскому государству, которое тогда еще не успело прочно завоевать Арию и Маргиану. Это произошло несколько позднее после отъезда Чжан Цяня из Средней Азии, уже в правление Митридата II (124—87), при котором была присоединена также часть тогдашней Армении, а по договору с Римом границей между этими мировыми державами был

признан Евфрат.¹³ Из отчета Чжан Цяня, использованного при составлении Шицзы в конце II в. до н. э. Сыма Цзян'ом (умершим в 99 г. до н. э.), явствует, что рис тогда уже сеяли и далеко к северо-востоку от Персии в Фергане (Давани) и в нескольких тысячах ли к западу от Парфии во владении Тяочжи, находившемся близ Срезидемного моря.¹⁴ Из этого можно заключить, что во II в. до н. э. культура риса получила уже достаточное распространение не только в странах Среднего, но даже отчасти Ближнего Востока. Во всяком случае, в I в. н. э. Страбон прямо уже пишет о разведении риса в таких странах Ближнего Востока, как Вавилония, Сузиана и верхняя Сирия. Поскольку рисоводство засвидетельствовано для поры рабовладельческого общества в ряде стран, с нескольких сторон, окружавших Персию, нужно полагать, что и в ней самой эта культура едва ли не была распространена.

Труднее с полной ответственностью решать на основании одних и при этом скудных письменных известий, откуда шло это распространение. Как известно, китайцы считают рисоразведение очень старой сельскохозяйственной культурой их страны. В доказательство приводили давно бытовавшую традиционную церемонию, установленную якобы за 2.800 лет до н. э. и заключающуюся в ежегодном выполнении торжественного весеннего земледельческого обряда, при котором царствующий император сам лично должен был первым посеять рис, тогда как другие четыре вида растений (в том числе два сорта проса) могли быть посеяны принципами императорской семьи. Во всяком случае, как любезно указала мне М. И. Моложатова, для эпохи Шан 1766—1122 г.г. до н. э.) документально установлено наличие иероглифа «дао» для обозначения риса.¹⁵ Думается, однако, что если бы даванский рис II в. до н. э. имел признаки китайского происхождения, Чжан Цян и Сыма Цзян не приминули бы отметить такой факт, как это было сделано в отношении двух товаров на рынках Бактрии (Дахя). Там китайский посол собственными глазами видел хорошо ему знакомые посохи, из особого вида бамбука Цюн или Цюн-чжу, растущего в Я-чжеу-фу на горах Хюншань, и вытканные из волокна водяного тростника холсты из Шу (позднейшая китайская провинция Сычуань), которые, как это выяснилось из расспросов купцов, попадали туда кружным путем из Индии (Шеньду).¹⁶

Современная наука считает, что, наряду с Китаем, крупными и совершенно самостоятельными очагами рисоводства могли явиться Индия и территория полуострова Индо-Китая с достаточно древними культурами. Во всех этих странах налично несколько видов дикорастущего риса, латинское название которого *oryza* происходит от греческого ὄρυζα. Некоторые из этих диких видов и послужили в глубокой древности основой для выведения культурного посевного риса *oryza sativa*, который систематиками делится на два подвида: короткозернистый, распростра-

ненный главным образом в Индии, Индо-Китае и на Филиппинских островах, и обыкновенный (с более длинной зерновкой), к которому относится большинство возделываемых сортов. Длительная и упорная селекционная работа многих поколений людей различных народов в ряде стран привела к тому, что в XX столетии насчитывается уже свыше полутораста разновидностей и свыше 10.000 сортов культурного риса. Они сводятся в группы и по ним предлагаются различные классификации в зависимости от принятия их авторами за основу того или иного признака. Совершенно естественно, что в древности и даже в средние века количество разновидностей было во много раз меньше, как несомненно и то, что ряд прежде распространенных сортов, названия которых отчасти известны по историческим источникам, с течением времени оказались практически безвозвратно утраченными, хотя археологи при своих раскопках работая и будут встречаться с их безжизненными зёрнами, давно потерявшими свою всхожесть.

Для выяснения истории распространения культуры риса на Среднем Востоке будущим исследователям предстоит проделать весьма трудоемкую работу по комплексному изучению проблемы, включив в ее разрешение представителей ряда дисциплин. Лингвистам предстоит собрать и проанализировать как употребляемые термины, которыми у разных народов обозначается рис (растение, неочищенное зерно, крупа, остатки шелухи и солома), так и сохранившиеся еще на Среднем Востоке и в сопредельных странах названия сортов, считающихся местными, а не завезенными, на памяти коренного населения. Одновременно историкам востоковедам необходимо осуществить выборку названий старинных сортов риса, упоминаемых для указанных областей в исторических письменных источниках. Биологам с биоботаническим и биохимическим уклоном предстоит, пока не поздно, сплошное локальное изучение бытующих еще так называемых «местных сортов» риса по всем районам рисоразведения на Среднем Востоке. Наконец, археологам нужно будет впредь уделять особое внимание к возможному получению из вскрываемых археологических слоев, могущих оказаться заключенным в них зерен и шелухи риса, находки которых явятся особенно важными вещественными материалами и по которым после соответствующего изучения должны быть установлены те или иные непреложные документальные факты по истории рисоводства для разных эпох. Поскольку сама проблема имеет международный характер, все сказанное лучше всего может быть осуществлено в порядке сотрудничества коллективов ученых всех упомянутых стран Среднего Востока и отчасти сопредельных с ними. На долю советских специалистов в первую очередь падает доля проведения исследований в этом направлении на территории всех среднеазиатских республик.

Следует не упускать из виду, во-первых, что до присоединения Средней Азии к России никто специально не занимался вопросом

о сортах здешнего риса, а во-вторых, что хотя введение селекционных сортов и вытеснение ими местных особенно интенсивно стало проходить здесь уже при советской власти, примерно с 30-х годов, но начало этому, правда не в столь больших масштабах, было положено уже в 70-х годах прошлого столетия. Вот почему имеют значения даже краткие высказывания о здешнем рисе, приводимые путешественниками, посещавшими Среднюю Азию до вхождения ее в состав Российской империи. Так отмечалось, что в Бухарском ханстве, в основном в долине Зеравшана, в 1841 году зерна риса были мельче и не так белы по сравнению с возделывавшимися тогда в Европе и в Персии.¹⁷ В 60-х годах указывалось, что произрастающий в Средней Азии в изобилии рис много хуже хератского и превосходного ширазского, известного под названием «чампа» или «амбербуй» («запах амбры»). Больше всего он казался похожим на египетский, называвшийся тогда в Турции «дамиетским рисом». Лучшим признавался культивировавшийся в Гурленском бекстве Хивинского ханства.¹⁸ В Фергане, в Наманганском районе до падения Кокандского ханства и позднее высевался какой-то ранний рис, созревавший в июле. Подобные сведения далеко не единичны, а собранные вместе далеко не безразличны для выяснения состояния рисоводства более ста лет назад. Известно, что тогда в более или менее обеспеченной среде местного оседлого населения рис шел в пищу и из него готовили несколько сортов парадного кушанья «палау», имевшего районные отличия. Мелкая рисовая сечка «акшак» употреблялась между прочим на приготовление особого вида «бузы», принадлежавшей к категории слегка опьяняющих напитков типа браги.

После прихода русских в Туркестанском крае, без включения территорий Бухарского и Хивинского ханств, среди местных сортов отличали как лучший «ак-шалы» (белый), затем «арпа-шалы» (ячменный), «кзыл-шалы» (красный), а в Самаркандской области еще и «кара-калтык» (черноостый). Было обращено внимание на сходство зерен арпа-шалы и китайского суходольного риса, что натолкнуло на мысль о происхождении первого из Китая.¹⁹ В Бухаре особо выделяли «афганский рис», имевший мелкие зерна.²⁰ После продолжавшегося с 1881 г. по 1883 г. массового переселения из Кульджи в Семиречье дунган и таранчей вскоре появился сорт «дунган шалы», явно принесенный ими из Синьцзяна. В отдельных районах были в употреблении и другие названия: «курама-шалы» — в Ахангеране, «казахлы-шалы» — по Сыр-Дарье севернее Ташкента.

Наряду с этим почти 90 лет назад русская администрация начала и с некоторыми перерывами продолжала проводить опыты по введению привозных как европейских, так и китайских сортов суходольного риса в разных областях (в частности в Ходженде) вплоть до таких высокогорных районов, как Пянджикент.²¹ В ряде случаев опыты не дали положительных результатов, что связывалось с малым количеством осадков в те или иные годы.

Наиболее интересными для истории распространения являются наблюдения М. И. Уклонской, осуществленные ею до 1931 г., когда местные сорта не были еще вытеснены селекционными. Кроме некоторых из вышеупомянутых сортов, она указывает в своей работе интродуцированный из Китая «Ходжа-Ахмад», «кырмызы-шалы» и «кара-шалы», причем все произраставшие тогда в Средней Азии сорта риса объединяет в две группы: мелкозернистые и крупнозернистые. Мелкозернистые отмечены ею по Мургабу, Сурхан-Дарье, Кашка-Дарье, в дельте Аму-Дарьи, в Ангрене, в верхнем Чирчике и по Нарыну. Крупнозернистые были распространены в районе Чарджоу, по Зеравшану, в долине Среднего и Нижнего течения Чирчика, в низовьях Ангрена, по Сыр-Дарье, в Исфаре и в более северных районах Киргизии и Южного Казахстана.²² Г. Г. Гушин все местные сорта риса Средней Азии относил по своей классификации к «японской группе» и тем самым приписывал среднеазиатскому рису исключительно дальневосточное происхождение.²³ К другим выводам пришел за последние годы обучавшийся в Ташкентском сельскохозяйственном институте молодой вьетнамский агроном Дао Тхе Туан, изучавший результаты фотопериодической реакции местных мелкозернистых и крупнозернистых сортов, а также заведомо интродуцированных из Китая и Японии, которые все имеют равную длину вегетационного периода. Обратив внимание на большую отзывчивость к короткому дню мелкозернистых сортов, он пришел к заключению о более южном их происхождении. Это положение подкрепляли и данные М. И. Уклонской, что в Средней Азии крупнозернистые и скороспелые сорта из Японии и Китая могут прорасти при более низкой температуре, чем мелкозернистые. Учитывая, что в Афганистане существует две формы риса — «маин» (длиннозерная, происшедшая из индийского риса и близкая к персидско-азербайджанской) и «локк» (мелкозерная, схожая со среднеазиатской), а в Синьцзяне распространена только крупнозернистая, несомненно китайская и близкая к таковой же среднеазиатской), Дао Тхе Туан сделал вывод, что крупнозернистые среднеазиатские сорта происходят из Китая, а мелкозернистые — из Индии, где очень много сортов мелкозерного риса, схожих со среднеазиатскими по морфологическим особенностям. Проанализировав разные признаки, он установил, что крупнозернистые среднеазиатские сорта приближаются к китайскому «чэндао», а мелкозернистые — к индийскому «сяньдао». Конечный его вывод, что эти две формы среднеазиатского риса, занесенные из разных географических районов (с востока и с юга) и возделывавшиеся первоначально в разных климатических условиях, представляют две разные экологические группы, позволившие ему предложить и новую классификацию сортов риса Средней Азии. В ней он в числе стародавних местных культур различает группу южных мелкозернистых сортов *Convarietas paleomeri dionale* Dao и группу северных крупнозернистых сортов *Convarietas paleoseptentrionale* Dao.

Возможность проникновения риса в Среднюю Азию Дао Тхе Туан связывает с наличием в ней уже действующих ирригационных систем и определяет временем не ранее VII в до н. э.²⁴

Выводы воспитанного в СССР вьетнамского агронома, столь важные для решения проблемы об истории появления культуры риса на Среднем Востоке и в первую очередь именно из Индии, находят подкрепление в применявшейся и применяющейся в его странах широко распространенной терминологии для обозначения риса.

	Р и с	
	Растение, неочищенное зерно	Крупа
Санскрит	шалы	бхири, брише
Афганистан	шалы	берендж
Таджикистан	шалы	бириндж (биринг)
Узбекистан	шалы	гурундж (грунч)
Персия	шалтук	бириндж

Ни китайское (дами), ни арабское (арузз) названия риса в странах Среднего Востока в разговорных языках не употребляются.

Когда в 1957 году Дао Тхе Туан заходил ко мне консультироваться по вопросам исторического порядка по своей теме о рисе и спрашивал, в частности, когда могли начаться сношения народов Средней Азии с Китаем и с Индией, мной было указано, что ни в письменных источниках, ни среди археологических фактов нет пока документальных данных о наличии каких либо связей с Китаем ранее II в. до н. э. Самые ранние находки подлинно китайских объектов (предметов и монет), сделанные до настоящего времени на территории среднеазиатских республик, относятся к эпохе правления династий Старшего и Младшего дома Хань. Что же касается Индии, то Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией для периода рабовладельческого общества, особенно поры существования Парфянского государства, отмечено довольно много находок морских раковин из Индийского и прилегающей части Тихого океанов, в том числе нескольких видов группы «ужовок» (*Cypraea moneta*, *Cypraea tigris* и др.), а также *Sonchus miliaris* (от мелких особей), *Triton variegatus* (крупных размеров) и др. Все это служит наглядным доказательством каких то, может быть опосредствованных, очень ранних сношений Средней Азии с Индией. Кроме того, прямо по истории

риса в 1957 г. ЮТАКЭ установила интересный факт. При раскопках XVIII отрядом на мервском городище Эрк-кала парфянского замка начальник площадки археолог-ассистент З. И. Усманова заметила, что в одном из помещений в глиняной штукатурке, покрывавшей ее внутренние стены, в качестве самана замешана рисовая солома с шелухой от самих зерен риса. Это впервые убедительно раскрыло нам, что в древней Маргиане первых веков н. э. при Младших Аршакидах в обиходе безусловно была уже местная культура этого завезенного для Средней Азии злака. Для возможного определения сорта и установления самого происхождения по моему указанию Дао Тхе Туану было выдано некоторое количество образцов из упомянутой находки. В начале 1958 г. он уже дал ЮТАКЭ заключение, что рисовая шелуха из Эрк-калы принадлежит мелкозернистому рису с длинной остистых и среднего опушения колосков не более 7 мм. По внешнему виду они оказались сходными с сортом «кырмызы-шалы», распространенным и в настоящее время в долине Мургаба.²⁵ После того в 1959 г. последовала вторая аналогичная находка рисовой соломы с шелухой в том же парфянском замке, но в другом помещении (XIV) и на этот раз не в штукатурке, а в глиняном растворе самой кладки. Поскольку в Маргиане рисовая солома в самом начале I тысячелетия н. э. находила уже успешное применение в строительном деле в качестве замены обыкновенного самана из мелкоизмельченной пшеничной соломы и в глиняном связующем растворе и в глиняных штукатурках, нужно полагать, что рисоразведение появилось там еще до н. э. и возможно даже задолго.

Теперь не только совершенно очевидно, что Средняя Азия является самым древним очагом рисосеяния в СССР, но и что индийский рис из Бактрии проник севернее в Мавераннахр и Фергану, а через Маргиану, кроме Хорезма, распространился еще в западном направлении — по Персии, Азербайджану и другим областям. Уточненные даты процесса этого продвижения должны быть получены археологически при раскопках в странах Среднего и Переднего Востока. В отношении же Южного Туркменистана попутно встает вопрос, не являются ли некоторые виды такырных поверхностей в предгорной полосе Копет-дага, в частности около древнего вала Мерз, в известной мере и антропогенными и не отмечают ли они места былых рисовых полей той поры, когда на территории нынешней Туркмении был иной режим в распределении наземно текущих вод? Что же касается дальневосточных сортов, то они, по-видимому, позднее стали проникать в Среднюю Азию из Китая, который, как теперь отмечается, сам заимствовал его культуру из Индии²⁶ или из Индо-Китая.

Точное выяснение истории происхождения местных сортов риса или других культурных растений, равно как и выяснение правильного понимания в историческом аспекте происхождения местных пород домашних животных, имеет не только теоретическое,

но и практическое значение для обоснованного выбора направления дальнейшей работы по поддержанию того или иного сорта или породы и по выведению на их базе новых. Участие историка с археологической специализацией в комплексном разрешении такого рода проблем, имеющих как практическое, так и хозяйственное значение,— это только выполнение почетного долга каждого подлинного ученого, а тем более советского историка материальной культуры, который не имеет права оставаться в стороне от прикладных задач археологии²⁷.

Примечания

1. В одной из моих публикаций мне удалось показать, что, вопреки распространенному в науке мнению, будто в Среднюю Азию шелководство проникло с юга из Персии, перейдя в области Мавераннахра через Мерв, в действительности процесс шел в обратном направлении: из Китая разведение так называемых «шелковичных червей» бабочки *Bombyx mori* уже в IV—V вв. проникло в Восточный Туркестан, а затем вскоре, еще до арабского завоевания, через долину Зеравшана, Мерв, Джурджан и Табаристан распространилось в коренных областях Персии и в Византии (VI в). См. Массон М. Е., Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда *Bombyx mori*, Белек С. Е. Малову», сборник статей, Институт языка, литературы и истории Кир ФАН СССР, Фрунзе, 1946, стр. 47 и сл.
2. Петрушевский И. П., Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.-Л., 1960, стр. 185.
3. Бичурин И., Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, к. III, СПб., 1851, стр. 167 (новое изд. часть II, стр. 261).
4. Lauffer B., Sino-Iranica, Chicago, 1919, 272—273.
5. Пигулевская Н. В., в книге «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века», Ленинград, 1958, стр. 7.
6. Петрушевский И. П., в той же книге, стр. 131.
7. Петрушевский И. П., ук. соч., стр. 185—186.
8. Макдиси, ВСА III, 452.
9. Noldeke H., Geschichte der Perser und Araber zur Zeit des Sasaniden, Leiden, 1879, s. 244.
10. Персидский текст и перевод приведены в указанном труде И. П. Петрушевского «Земледелие и аграрные отношения...», на стр. 186 и в приложении 7.
11. История Наршахи, литография на таджикском языке, Бухара, 1904, 43—44; Мухаммад Наршахи, История Бухары, пер. С. Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 48.
12. Страбон, География, XV, 1, 18.
13. Подробнее см. Массон М. Е., Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства, «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955, стр. 12—13.
14. Бичурин И., Ук. соч., стр. 4 и 7 (в новом издании, стр. 149 и 151).
15. Фань Вэнь-Лань, Древняя история Китая, М., 1958, стр. 50.
16. Бичурин И., ук. соч., стр. 10 (нов. изд., стр. 153).
17. Ханыков Н., Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 148.
18. Вамбери А., Очерки Средней Азии, М., 1868, стр. 216 и 222.
19. См. примечания М. Вирского к статье К. М. Афрамвича, Рисовые поля и лихорадки. Справочная книжка Самаркандской области, VII, Самарканд, 1902, стр. 179. Мнение, что зерна местного

красного и белого риса были некогда вывезены из Китая см. в работе этого же автора, *Зерновые хлеба Самаркандского уезда*, «Справочная книжка Самаркандской области», в. VI, Самарканд, 1899, стр. 266.

20. Логофет. Д. Н., *Бухарское ханство под русским протекторатом*, т. II, СПб., 1911, стр. 98.

21. Об опытных посадках в северных городских окрестностях Пянджикента, а также в Яны-Казан-арыкской волости в 3 верстах южнее Самарканда французского суходольного риса в 1876 г. и следующем см. Арендаренко Г. А., *Заметка по сельскому хозяйству в Зеравшанской долине*, «Досуги в Туркестане 1874—1889», СПб., 1889, стр. 310—317. Известны и имена первых шалькёров, согласившихся стать новаторами в разведении суходольного риса. Это были пянджикентцы Мулла Карим Разаков и Мулла Абдухалык Халимбаев.

22. Уклонская М. И., *Изучение сортов и форм риса в Средней Азии*, Ташкент, 1938.

23. Гуштин Г. Г., *Рис*, М., 1938.

24. Дао Тхе Туан. Происхождение среднеазиатского риса, «Узбекский биологический журнал», Ташкент, 1958, № 6.

25. Рисунки колосков риса парфянского времени из Эрк-калы см. в указанной работе Дао Тхе Туана на стр. 45.

26. Wernner E. G. C., *A History Chinese Civilization*, v. I, Shanghai, 1940, p. 146.

27. Массон М. Е. *Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии*, Ташкент, 1937.

Р. М. Рахманова

ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО АНТИЧНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Введение. К числу проблем, требующих глубокого и тщательного изучения, относится и вопрос о хозяйстве древней Средней Азии. Следует особо отметить, что, за единичными исключениями, ни дореволюционная русская¹ и зарубежная, ни современная зарубежная историческая наука специально этим вопросом не занималась. Лишь археологические работы последних лет на территории советской Средней Азии начали приоткрывать завесу над этой неисследованной областью науки. Появляются ценные работы советских ученых² по вопросам хозяйственной жизни отдельных областей Средней Азии и смежных с ней территорий изучаемого нами периода (V—IV вв. до н. э.). В центре нашего внимания также стоит выяснение неизученных еще вопросов экономики в оседлых областях древней Средней Азии: Согде, Бактрии, Хорезме, Маргиане и Парфии, которые и ныне входят в состав советской Средней Азии (лишь Бактрия и Парфия частями отошли к соседним странам). Из соседних со Средней Азией областей мы рассматриваем Гирканию, Арию, Паропамисады и Северо-западную Индию, так как условия их экономической жизни очень близки среднеазиатским (так, Гандхара, например, с ее развитой городской жизнью близка Бактрии).

Основные источники — труды древних историков и географов. Геродот³ отражает в своем труде сложный мир Греции и Востока V в. до н. э., природные условия, прошлое, обычаи и памятники искусства различных стран. Поэтому мы находим у него некоторые сведения и по нашей теме.

У Полибия⁴ встречаются разрозненные данные о хозяйстве соседней со Средней Азией Персии, но и они очень важны для нас. Отдельные, но весьма ценные сведения, сообщает Страбон⁵, крупнейший географ своего времени.

Трудами же, непосредственно касающимися вопросов политической и хозяйственной жизни Средней Азии и сопредельных с нею стран в IV в. до н. э., являются произведения Арриана и Курция Руфа. Флавий Арриан⁶ — не только греческий историк, но

и крупный военный деятель. Его труд, посвященный походам Александра Македонского, создан на основании дневников самого Александра и его полководцев. Правда, Арриана больше интересуют факты и события военного характера. Поэтому для выяснения вопросов хозяйственной жизни более важны для нас сведения римского историка Квинта Курция Руфа⁷. Хотя его труд написан на основании тех же источников, что и у Арриана, ценность его снижается тем, что Руф писал по латыни и переводил термины, в связи с чем в известной мере у него утрачивается точность определений.

Чрезвычайно интересны и ценны данные Панини⁸ — древнеиндийского ученого-брахмана. Хотя его труды посвящены грамматике санскрита, но вместе с тем содержат сведения также и о культуре, ремесле и торговле древней Индии с соседними странами и ее непосредственным соседом — Средней Азией.

Некоторые сведения, правда, весьма эпизодические, можно получить в трудах Ксенофонта⁹, Ктесия Книдского¹⁰, Плутарха. Некоторый материал дают и китайские летописи — достоверный источник по истории древней Средней Азии (правда, начиная только со II века до н. э.), отрывки из которых переведены на русский язык замечательным русским востоковедом XIX в. Н. Я. Бичуриным.¹²

Земледелие. В IV в. до н. э. греческий мир, в результате походов Александра Македонского на Восток, узнал о новых, до того неведомых землях, в том числе, о цветущих оазисах Средней Азии. Греки пришли в области, где была развита городская жизнь и различные отрасли хозяйства: земледелие, скотоводство, ремесло и торговля. Завоеватели были поражены богатством и всесторонним развитием хозяйства у древнего населения Средней Азии, ее природными условиями. Поэтому в источниках неоднократно встречаются специальные замечания о «тучности земли» и «плодородии почвы».¹³ Действительно, климатические и почвенные условия Средней Азии и в те далекие времена были благоприятны для развития сельского хозяйства: непродолжительная, а в южных широтах и мягкая зима, с небольшим количеством снега, длительное, очень жаркое и солнечное лето, благоприятные почвенные условия¹⁴ — все это позволяло возделывать самые разнообразные сельскохозяйственные культуры. Археологические работы позволили установить, что в Средней Азии античного периода возделывались зерновые и садовые, бахчевые и технические культуры.

Основой земледелия в Средней Азии было зерновое хозяйство. Об этом неоднократно упоминают источники, согласно которым мы можем установить наличие зернового хозяйства в Бактрии, Согдиане, Гиркании, Паропамисадах, Индии и Фергане. Курций Руф, описывая Бактрию, сообщает, что там «на умеренном прунте (видимо, на богаре — Р. Р.) сеют хлеб».¹⁵ В хозяйстве Согдианы, по свидетельству Арриана, хлебопашество также играло пер-

венствующую роль, так как представители местной знати обладали большими запасами хлеба.¹⁶

Зерновое хозяйство было развито и в соседних со Средней Азией областях, близких ей, как отмечалось выше, по природным и экономическим условиям. Так, Страбон, описывая обширную и плодородную Гирканию (область в Северном Иране), сообщает, что там хлеб родится от выпавшего из соломы зерна.¹⁷ Курций Руф посвящает довольно много места описанию хозяйства в Паропамисадах (Гиндукуш и район Афганского Туркестана). Автор отмечает, что воины Александра находили у местных жителей очень мало пшеницы. Дело в том, что в суровых условиях Гиндукуша у жителей его выработались особые способы хранения урожая. Курций Руф подчеркивает, что жители Паропамисад очень искусно скрывали хлеб в специальных ямах («*sigos*»).¹⁸ Можно предполагать, что в Паропамисадах так же, как и в горных районах Средней Азии, почвенно-климатические условия были благоприятны для развития там богарного земледелия. И в настоящее время Афганский Туркестан является житницей страны: на неполивных землях здесь возделываются ячмень, пшеница, просо, рис.¹⁹

Помимо разведения пшеницы в Средней Азии, древние авторы сообщают и о некоторых других зерновых культурах. У Геродота говорится о посевах проса, также, видимо, на богаре («под дождь»).²⁰ Страбон, рассказывая о разведении риса в Индии, мимоходом замечает: «Впрочем, он растет также и в Бактрии»²¹. А китайский путешественник II в. до н. э. Чжан-Цань сообщает о разведении риса, наряду с пшеницей, в Давани (Фергане) и в Аньси (Парфии).²² Мы можем с полным правом предположить, что рис культивировался в этих областях и в более раннее время.

Благоприятные природные условия и огромный труд, который вкладывали местные народы в освоение природы, создали высокую земледельческую культуру в оседлых областях Средней Азии. Наряду с хлебопашеством здесь процветали и такие виды земледелия, как виноградарство и садоводство, отмеченные источниками в Бактрии, Маргиане, Согдиане, а также в Паропамисадах и Гиркании. Прекрасные сады, превосходное качество винограда и фруктов, ароматное среднеазиатское вино не могли не поразить воображение греков. Курций Руф на основе личных впечатлений участников похода не скупится на восторженные описания Бактрии, некоторые районы которой «покрыты виноградом и деревьями (*arbor et vitis*), произносящими в чрезвычайном изобилии прекраснейшие плоды».²³ Это сообщение перекликается с данными Страбона о том, что ствол виноградной лозы в Маргиане достигал такой толщины, что его обхватывали двое мужчин, а грозди достигали длины в два локтя (локоть=52,5 см.).²⁴ Эти сведения, разумеется, преувеличенные, прямо-таки фантастические, имели, конечно, реальную почву. Естественно, что на базе виноградарства было развито и виноделие. Греки подчеркивали

даже тот факт, что представители высшей верхушки общества Средней Азии (например: Бесс) пили неразбавленное вино («тегит»),²⁵ а Хориев, вместе с другими продуктами, раздавал воинам Александра и вино.²⁶ Греки не могли не заметить, каких трудов стоило жителям отдельных районов Средней Азии и соседних областей выращивание винограда и садовых деревьев. Так, в Паропамисадах, по свидетельству Руфа, «виноградники и деревья... зарывают они в землю и хранят во все зимнее время».²⁷ Укрытие виноградной лозы на зиму практикуется в некоторых районах Средней Азии и в настоящее время.

О наличии садов в Согдиане можно судить по сообщению Арриана о разгроме Спитаменом одного из отрядов завоевателей на р. Политимет (ныне Зеравшан). «Македоняне, — пишет автор, — попали в засаду, сделанную скифами в саду (ἐν παραδείσῳ)»²⁸ От внимательных глаз любознательных и любящих земледельческое хозяйство греков не ускользнула, конечно, урожайность садов и виноградников. Видимо, довольно тщательно вникали они в быт и хозяйство местного населения, если могли определить, что, например, в Гирджании, где «родится в достаточном количестве яблок, ягод»²⁹ и других фруктов, «виноградная лоза дает метрет вина (около 39 литров), а фиговое дерево — 60 медимнов плодов»³⁰ (медимн равен 52,5 л.).

Кроме отмеченных выше культур, население Средней Азии было знакомо и с техническими культурами. Еще Геродот отмечал, что народы Средней Азии, наряду со злаковыми, выводили и технические культуры, а именно сезам³¹ (кунжут). Это подтверждает и Курций Руф, сообщая, что во время перехода через Паропамисады «македоняне, вместо масла, мазали тело соком, выжимаемым из сезама («ex sesama»)».³² Данных о разведении хлопка в Средней Азии того времени нет, но в отмеченном выше отрывке Геродот говорит о наличии хлопка в северно-западной Индии. В числе товаров, вывозимых в V—IV вв. до н. э. из Индии, Панини³³ называет хлопок и бумажную материю. Не исключена возможность, что эта культура существовала и в Средней Азии, особенно в ее южной части, близкой по природным условиям и экономике областям Северо-западной Индии.

Естественно, что основой и существеннейшим условием процветания всех отраслей земледелия в Средней Азии являлось, как и в настоящее время, искусственное орошение. К сожалению, источники донесли до нас очень незначительные сведения о состоянии и уровне развития ирригационных сооружений, и наши знания о них базируются, в основном, на данных археологии. Для примера можно привести археологические данные о наличии каналов в древнем Хорезме. Здесь археолого-топографическими изысканиями выявлены,³⁴ наряду с кангюйско-кушанской оросительной системой в бассейне Кырк-кыза, каналы архаического периода (VII—IV вв. до н. э.). Кроме низовьев Аму-Дарьи, для орошения использовались воды ее притоков Кафирнигана (в об-

ласти сев. Бактрии), а также реки Мургаб (в древности Марг), Теджен (Ох, Акес, или Герируд) и Зеравшан (Политимет). Страбон, основываясь на данных Ариостоула, сообщает, что р. Политимет, «оросивши страну (или буквально «напоив» — ἀρδόντα τῆν χώραν), изливается в песчаную землю, где и поглощается песками».³⁵ Здесь, видимо, имеется в виду тот факт, что Зеравшан как водная артерия питал оросительные каналы древних согдийцев и терялся в песках после того, как удовлетворялась потребность в воде местностей, по которым он протекал.³⁶

О строительстве специальных ирригационных сооружений в Средней Азии мы знаем еще в период Ахеменидов. Так, у Геродота есть сведение о том, что на р. Акес (Теджен) «горные ущелья царь велел закрыть и перед каждым из них поставить плотины («πόλας» — буквально. «ворота»)³⁷. Больше о плотинах упоминания в источниках мы не находим, вероятно, потому что господство персов в конце концов превратилось в номинальное, выражавшееся лишь в сборе податей, господство же греков было недолговечным и не ознаменовалось никакими мероприятиями в области ирригации страны. На основе данных источников, мы можем прийти к выводу, что народы Средней Азии в древности в различных районах и различных природных условиях знали и применяли те или иные методы искусственного орошения. Кроме отмеченных способов — устройства каналов и плотин — Полибий рассказывает о наличии в Персии, особенно в ее северных областях (а вероятно, и в Средней Азии), способа орошения земель с помощью «кяризной» системы³⁸ (использование подземных вод). Важны были в ирригационном отношении также родники и ключи, что подтверждается свидетельством Курция Руфа: «...там (в Бактрии) обильные источники (crebri fontes) поят тучную землю».³⁹

Скотоводство. Немало было в Средней Азии и земель, непригодных для земледелия, но с успехом использовавшихся для скотоводства (в Бактрии «прочие поля оставляются для пастбищ»)⁴⁰. Земледелие и скотоводство, как отмечает Ф. Энгельс, с глубокой древности были неразрывно связаны между собой.⁴¹ Наличие степных и предгорных пространств, благоприятные климатические условия, позволяющие держать скот круглый год на подножном корме, способствовали развитию в Средней Азии скотоводства, одной из важнейших отраслей которого являлось коневодство. Средняя Азия с незапамятных времен славилась своими прекрасными лошадьми, о чем свидетельствуют китайские летописи. В них есть повествование о том, что в конце I тыс. до н. э. Фергана славилась породистыми лошадьми, особенно охотно покупавшимися императорами древнего Китая.⁴² Важность коневодства определялась тем обстоятельством, что лошадь, будучи основным средством передвижения (особенно необходимым во время военных предприятий), давала в то же время пищу и питье (особенно кочевым народам). Наряду с ослами, лошади использовались и как вьючные животные (Jumenta)⁴³. Источники свидетель-

ствуют о развитии коневодства в Бактрии, Согдиане, Хорезме. Курций Руф пишет о Бактрии: «...где земля пригодна, там живет множество людей и родится много лошадей».⁴⁴ Согдиана, которая по определению Курция Руфа, «по большей части пустынна»,⁴⁵ также имела условия для занятия в ней скотоводством, так как «почти на 800 стадий (стадий=177,6 м.) в ширину в ней лежат дикие степи». И действительно, Согдиана — это область, для которой отмечено в источниках большое разнообразие домашнего скота. И, в первую очередь, это — лошади («Александр пополнил свою конницу найденными лошадьми»)⁴⁶. Видимо, и в скотоводстве Хорезма коневодство занимало существенное место, если хорезмийский правитель Фарасман смог привести Александру полторы тысячи лошадей, как явствует это из сообщения Арриана.⁴⁷

Немалое место в скотоводстве занимало, видимо, разведение крупного рогатого скота, который, очевидно, имел преимущественно значение рабочей силы. Это следует из того, что в источниках обычно крупный рогатый скот обозначен термином «аргента» — «рабочий скот». Так, Курций Руф сообщает, что один из представителей местной знати пригнал Александру, наряду с другими домашними животными, и крупный рогатый рабочий скот («аргента»)⁴⁸. Видимо, в пищу говядина употреблялась редко, ибо (как и теперь) местные жители Средней Азии предпочитали говядине баранину, а подчас и конину. Косвенное сообщение о разведении домашнего скота мы черпаем у Арриана, в упомянутом отрывке о поставках Хориеном воинам Александра наряду с прочими продуктами и мяса⁴⁹ (правда, неизвестно какого). Наличие скотоводства отмечено и в Паропамисадах, где пасется много овец и домашнего скота (*πρόβατα πολλά καὶ κτήνη ἐνέροντο*).⁶⁰ Видимо, под термином «домашний скот» здесь подразумевается крупный рогатый скот. Разведение верблюдов представляло также весьма важную отрасль животноводства. Верблюд являлся по своей силе и выносливости главным средством перевозочным в степях и пустынях Средней Азии. Неслучайно Александр, наряду с другими животными, получил от местной знати и верблюдов⁵¹ (2000 голов), которых преки, видимо, признали одним из средств передвижения в их дальнейших походах на Восток. Овцеводство тоже было существенной отраслью животноводства. В приведенном выше отрывке из Курция Руфа мы находим упоминание о мелком рогатом скоте (ресога). Овца давала мясо, жир, молоко, шкуру и шерсть, из которой вырабатывалось множество самых разнообразных ремесленных изделий (ковры, ткани, кошмы, веревки и т. п.), чрезвычайно необходимых в быту.

Ремесло. Плутарх рассказывает о споре Калисфена и Анаксарха (участников похода) по поводу сурового климата Средней Азии, из чего мы узнаем, что греки зимой вынуждены были укрываться дорогими коврами («σαπίδα») ⁵². Вполне возможно, что эти ковры изготовлялись в Средней Азии.

Древние жители Средней Азии знали добычу и обработку полезных ископаемых. У Плутарха есть сведение о маргеланском железе, применявшемся (в I в. до н. э.) парфянами для изготовления шлемов и лат.⁵³ Так как в самой Маргиане залежей железа нет, то установлено, что магианским называлось железо, добывавшееся в соседних горах (в области Туса), но обрабатывавшееся в самой Маргиане.⁵⁴ Можно полагать, что жители Маргианы, видимо, могли обрабатывать железо и в более раннее время.

Источники единогласно говорят о находимой на территории Средней Азии нефти: Арриан, Курций Руф и Плутарх местом ее нахождения считали р. Оксус (Аму-Дарья),⁵⁵ а Страбон — реку Ох (Теджен).⁵⁶ В результате работ советских геологов обнаружено, что правобережье Аму-Дарьи — богатый нефтью район,⁵⁷ а в районе р. Теджен признаков нефти не обнаружено. Итак, по-видимому, были правы Арриан, Курций Руф и Плутарх. Но о сколько-нибудь значительной эксплуатации нефти в древности и в более поздние времена письменных известий нет. В результате исследований, было обнаружено,⁵⁸ что добыча нефти местным населением производилась первобытным способом вплоть до наших дней. Употребляли же ее, главным образом, в качестве лекарства при ревматических болях, как средство от чесотки и для приготовления асфальтовой массы, применяемой в сапожном деле.

Торговля. Деньги. Некоторые, правда, очень скудные сведения донесли до нас источники о торговле Средней Азии с соседними странами. Но данные эти настолько бледны, что часто приходится лишь догадываться. Так, Курций Руф, сообщая о взятии Паропамисад, говорит, что преки вступили в страну «неизвестную соседям, ибо жители ее никакой торговли с ними не отправляют».⁵⁹ Видимо, это был исключительный случай, когда народ целой области не был связан торговлей с соседями. И, наоборот, в описании Индии, как характерная черта выделена «торговля (сommercium) с другими народами».⁶⁰

Ктесий в утерянном окончании истории Персии давал подробные указания о дороге из Персии в Бактрию и Индию.⁶¹ Эта дорога, по сообщению Ктесия, была тщательно вымерена в парасапгах (парасапг=5940 м.) и служила не только для царских курьеров и движения царских войск, но также и для торговли. Панини упоминает древнюю дорогу из западной Индии в Гандхару и отсюда дальше на запад,⁶² т. е. путь из Индии до Оксуса и дальше — по Каспию.

Развитие торговли стимулировало введение денежной системы. В Персидской монархии, куда в VI в. до н. э. входила Средняя Азия, уже существовала чеканка золотой монеты (дарика), которая находилась в обращении, в основном, в западной части империи Ахеменидов. В Средней Азии же в ходу было золото весовое, но это не исключало возможности обращения здесь и дариков. Свидетельства античных авторов по этому вопросу очень незначительны. Так, Геродот, сообщает, что за открытие шлюзов на

р. Акес царь сверх подати (*ἡ φορά*) взимает большие деньги (*τὰ χρήματα*).⁶³ Этот термин означает, видимо, непосредственно деньги, тогда как из подати в 660 талантов в год,⁶⁴ которые выплачивала Средняя Азия в казну Ахеменидов, основную массу составляли поставки натурой и частично лишь, видимо, денежные взносы. О наличии денег («*ресипи́а*») у согдийских воинов упоминает Курций Руф.⁶⁵

Заключение. Таким образом, на основе анализа сведений античных авторов, можно сделать некоторые выводы.

I. Земледелие и скотоводство были основным занятием населения Средней Азии в древности, причем в зависимости от природных и экономических условий в отдельных районах преобладала та или иная отрасль.

II. Земледелие отмечено источниками для всех областей Средней Азии, за исключением Хорезма, но здесь доказательством наличия земледелия служат остатки каналов, выявленных в ходе археологических работ.

III. В древнейших земледельческих оазисах Согда, Бактрии, Маргианы процветало многоотраслевое земледелие с использованием зерновых, садовых и технических культур, а также скотоводство с разведением различных видов домашнего скота. В Хорезмском оазисе, видимо, преобладало скотоводство. То же самое, очевидно, можно предположить и в отношении Парфии.

IV. Развитие ремесла и торговли, начало денежного обращения свидетельствовали о товарности хозяйства, хотя трудно судить, в какой мере касалось это продуктов земледелия.

Такие социально-экономические отношения засвидетельствованы ко времени вторжения в Среднюю Азию преко-македонских завоевателей.

Примечания

1. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914.
2. Толстов С. П. Древний Хорезм, М., 1948, его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, и др;
- Тереножкин А. И. Согд и Чач. Автореф. дис. на соиск. ст. канд. ист. наук. КСИИМК XXXIII, 1950;
- Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана. Автореф. дис. на соиск. ст. канд. ист. наук. Л. 1954;
- Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957;
- Массон В. М., Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, СССР, № 73. Изд. АН СССР. 1959;
- Дьяконов М. М., Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
3. Herodoti Historia, Lipsiae, 1894.
4. Polibii Historiae, Berolini, 1872
5. Stravonis Geographica, Lipsiae, 1877.
6. Fl. Arriani Alexandri anabasis, Lipsiae 1876.
7. Q. Curt. Rufi Historiarum Alexandri Magni Macedonis, Leipzig 1875.
8. Agrawala V. S. India as known to Panini, Lucknow, 1953.

9. Xenophons Anabasis, Leipzig und Berlin 1900.
10. Сочинения Ктесия до нас дошли лишь в отрывках. Для данной статьи использован в издании The Cambridge Ancient History, vol. IV, 1926. Bury J. V. The Persian Empire and the West.
11. Plutarchi Vitae parallelae, Lipsiae, 1880.
12. Биचурин Н. Я. (И акинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—III, М.—Л., 1950.
13. Curt Ruf, VI, IV, 3; VII, IV, 26; VIII, II, 14.
14. Так как лёсс и лёссовидные глины, на которых расположено большинство культурных оазисов Средней Азии, не уступают по плодородию чернозему.
15. Curt. Ruf, VII, IV, 26.
16. Arr, IV, 21. 10. Хорниен, перешедший на сторону Александра, разлавав его воинам хлеб. Arr, IV, 18,8. "...в укреплении Оксиарта было приспесено много хлеба."
17. Strabo, XI, 7, 2.
18. Curt. Ruf, VII, 4. 24. („sirus" — от греческого „σῖρος" — яма для хранения зернового хлеба. A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, II bd, Heidelberg, 1954, s. 547.)
19. Пикулин М. Г. Афганистан (экономический очерк). Ташкент, Изд. АН УзССР, 1956, стр. 229.
20. Herod. III, 117.
21. Strabo. XV, I, 18.
22. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений..., т. II, стр. 146—151.
23. Curt Ruf. VII. IV, 26.
24. Strabo, XI, X, 2.
25. Curt. Ruf, VII, IV, 7.
26. Arr, IV, 21, 10.
27. Curt. Ruf, VII, IV, 24.
28. Arr, IV, 61. „ὁ παράδεισος" — слово, перешедшее в греческий язык из персидского, означает „зверинец", „парк", „сад". Е. А. Моччадская (ст. „О царском городе" или „второй столице" Согдианы". ВДИ, 1959, № 2) склонна рассматривать этот термин в значении парка, где разводят животных для охоты. Но не исключена возможность, что Арриан имел в виду в данном случае именно сад, так как долина Зеравшана на протяжении веков была и поныне является районом развитого садоводства и виноградарства. Ксенофонт (Anab. I, 2, 7) сообщает, что Кир имел во Фригии большой парк („παράδεισος μέγας"), полный диких зверей, на которых он охотился. (Здесь „παράδεισος" — в значении заповедника со зверями). В другом месте (Ксен. „Домострой" гл. 4) „παράδεισος" — в значении парка, поражавшего красотой деревьев, посаженных прямыми рядами.
29. Curt. Ruf, VI, IV, 21.
30. Strabo, XV, II, 10.
31. Herodot, III, 117.
32. Curt. Ruf, VII, IV, 23.
33. Adrawala V. S. India as known to Pānini, p. 245.
34. Андрианов Б. В. Археолого-топографические исследования на землях древнего орошения Каракалпакской АССР. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 1, М., 1959, стр. 145.
35. Strabo, XI, XI, 5.
36. Это было замечено Гайдукевичем В. Ф. в ст. „К истории древнего орошения Средней Азии". ВДИ, 1948, № 3, стр. 203.
37. Herodot, III, 117.
38. Polyb, X, 28, 3.
39. Curt. Ruf, VII, IV, 26. Ключи, родники и кяризные воды использовались для орошения вплоть до Октябрьской революции (Масальский В. И. Туркестанский край, СПб, 1913, стр. 417). Только в эпоху социализма народу под силу сооружение грандиозных ирригационных устройств, о которых веками мечтали труженики Средней Азии.
40. Curt. Ruf, VII, IV, 26.
41. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. т. II, М. 1949, стр. 293.

42. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собр. сведений...т. II, стр. 149.
 43. Curt. Ruf, VIII, IV, 19.
 44. " VII, IV, 30.
 45. " VII, X, 1.
 46. Arr, III, 30, 6.
 47. IV, 15, 4.
 48. Curt. Ruf, VIII, IV, 19.
 49. Arr, IV, 21, 19.
 50. " III, 28, 6.
 51. Curt. Ruf, VIII, IV, 19.
 52. Plut. Alex. vita, 52. В одном из курганов Пазырыкской группы (на Алтае), датирующихся V—IV вв. до н. э., найден ворсовый ковер, по предположению исследователей, иранского или среднеазиатского происхождения. (Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 348., Грязнов М. П. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в 1 тыс. до н. э. Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 138.).
 53. Plut., Crass, 24.
 54. Массон М. Е., Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955, стр. 31.
 55. Arr, IV, 15, 7, Curt. Ruf, VII, X, 8. Plut. Alex. vita, 57.
 56. Strabo, XI, XI, 5.
 57. Варенцов М. И. Проблема нефтеносности Туркмении. В кн. „Геология и полезные ископаемые Средней Азии“. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 180.
 58. Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Материалы Таджикско-памирской экспедиции АН СССР. Вып XX, М.—Л. 1934, стр. 44—45.
 59. Curt. Ruf, VII, III, 5.
 60. Curt. Ruf, VIII, IX, 19.
 61. The Cambridge Ancient History, vol. IV, p. 193.
 62. Agrawala V. S. Cit. opit, p. 244.
 63. Herodot, III, 117.
 64. " III, 91—93.
 65. Curt. Ruf, VII, XI, 29.: После взятия „петры“ Аримаза Александр всё покорившееся войско с найденными у него деньгами раздарил жителям вновь основанных городов.
-

Г. А. Пугаченкова

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ЧАГАНИАНА

В 1959—60 гг., в процессе исследования древних памятников и современного народно-прикладного искусства в Денауском и Байсунском районах УзССР, проводившихся в Узбекистане искусствоведческой экспедицией Института искусствознания АН УзССР встали на разрешение некоторые общие вопросы исторической топографии области наших работ. В частности, возникла проблема определения местонахождения главного центра данной историко-культурной провинции в древности и в средневековьи, какое до последнего времени оставалось неразрешенным.

В пору, предшествовавшую арабскому завоеванию, и в средние века область верховьев и среднего течения р. Сурхан-Дарьи (одного из главных притоков Аму-Дарьи) именовалась Чаганианом, или Саганианом, столица ее носила то же наименование, а река вплоть до XV в. называлась Чаган-Руд., В. В. Бартольд, исходя из расстояний, указанных в арабских средневековых дорожниках, полагал, что город Чаганиан располагался на месте современного Денау¹ или близ него.² М. М. Дьяконов, совершивший проезд из Кобадияна в Денау, отметил в районе последнего некое «огромное городище», которое якобы спрошенный им колхозник назвал «Шаганианом», но топографического местонахождения этого городища он, к сожалению, не указывает.³ При наших расспросах нам было сказано, что место «Чаганиан» находится на землях колхоза им. Калинина, однако ни один из обследованных здесь археологических памятников не дает оснований ни в одном из них видеть остатков крупного средневекового столичного города.

По-видимому самым ранним упоминанием Чаганиана пока остается дневник Сюан-Цзана (VII в.).⁴ Однако археологические памятники красноречиво свидетельствуют о значительно более ранней дате культурного освоения этого района.

Стратиграфический шурф, заложенный на Халчаянском городище, дал интересную картину. Оказалось, что культурные слои уходят более чем на 5 м. ниже уровня современных хлопковых полей. Лишь на этой глубине их подстилает материк — песчано-галечное дно древних русел Сурхан-Дарьи и ее притоков, работавших еще в доисторические времена обширную долину



Илл. 1. Сина. Кафир — кала

Чаганиана. Прямо над материком следует накопление культурных остатков, в составе которых имеется крупная зернотерка, курант, фрагменты разнообразной, изготовленной на гончарном круге керамики, в частности — характерные сосуды с подковошненным дном. Последние широко известны в среднеазиатской археологии по находкам в нижних слоях древнего Самарканда (Афрасиаб),² Мерва (Эрк-кала и Гуяр-кала),⁶ Кобадияна,⁷ где они датируются VI—IV вв. до н. э. Таким образом, в эпоху вхождения Бактрии (в широком понимании термина включавшей и область Чаганиана) в состав Ахеменидской державы уже проходил процесс культурного освоения бассейна Сурхан-Дарьи.

Подтверждением наличия развитых форм культурной жизни в этих районах являются некоторые эпизоды походов Александра Македонского. При продвижении последнего из Бактрии в Согд, т. е. на север от Аму-Дарьи, он осуществил подчинение нескольких укреплений в районах Припамирской горной системы. Историки именуют их термином «petra», т. е. «скала». Такова была «скала Сизимитра» в Бактрии, которая располагалась на высоте 15 стадий, вверху достигала в окружности 80 стадий и была покрыта плодородной землей, так что посевы на ней могли обеспечить пропитанием большой контингент;⁸ именно здесь находилась красавица Роксана, на которой женился македонский завоеватель.

Возможно, что следы одной из таких бактрийских petra хранятся у горного кишлака Сина (в 30 км к западу от Денау). В 1960 г. маршрутный отряд нашей экспедиции обнаружил здесь остатки горной крепости, прилежащая территория которой с одной стороны ограничена бездной, с двух других — горами, а с юго-востока, откуда донныне свершается въезд, имеются остатки очень разрушенной ограждающей каменной стены, которая змеится, взбегая на холмы и опускаясь в низины. Последняя сложена из рваного камня различных размеров, имеет по ширине до 3 м. и протяжение в 5 км. Среди населения она известна под названием Кафир-кала — «Укрепление неверных». Для уточненного определения возраста стены потребуются специальные археологические работы, но несомненность ее существования в античную пору подтверждается находкой керамики античного облика, в крепости же была поднята монета чеканки Хувишки (II в. н. э.).

Появление мощных защитных районных стен в эпоху рабовладения (валы Мерз в Южном Туркменистане, Дивари-Киямат вокруг Бухарского оазиса и др.) отмечено советскими археологами почти по всей Средней Азии.

Именно со временем развитых рабовладельческих отношений связан подъем Чаганианской области. Несомненно, что уже в ту пору большую роль играли здесь особенности взаимоотношения населения прибрежного оазиса и гор. В хозяйственном быту одних преобладало поливное земледелие, развитие которого требовало хорошо налаженной системы ирригационных устройств, а в силу

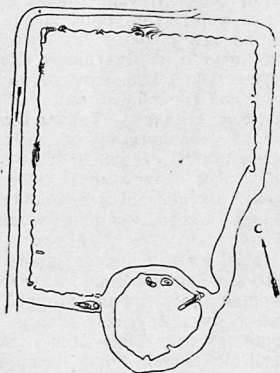
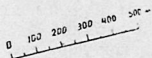
этого — централизации власти и организованных форм государственности. Байсунская горная система была уже в ту пору местом разработки полезных ископаемых, в частности железной руды. Экспедицией установлено, между прочим, что крепость — каля в самом Байсуне возникла в античную пору, о чем свидетельствует крупноразмерный квадратный сырцовый кирпич в нижних обрезах калы и типичная для эпохи Кушан керамика с мелким штампованным орнаментом. Однако

основная часть горцев, обитавших в горных селениях, занималась скотоводством и возделыванием мелких нагорных участков; в их среде более стойко сохранялись патриархальные формы социальной организации. И если оседло-скотоводческое хозяйство еще до недавнего времени преобладало среди жителей далеких горных селений, путь к которым лежал по векам протоптанным обрывистым тропам, то в долине уже в домакедонские времена протекал процесс формирования античной городской цивилизации.

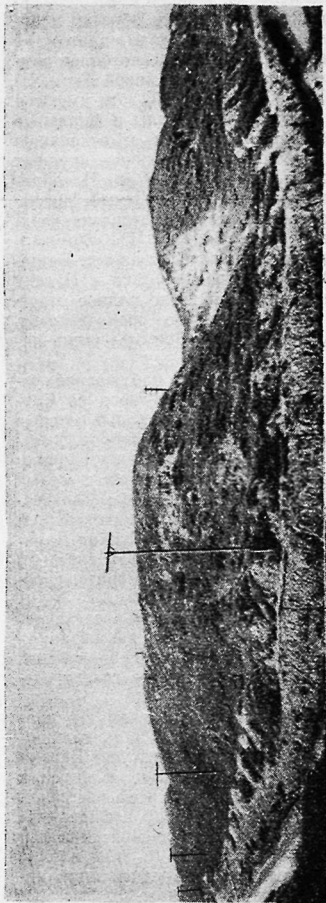
Расцвет последней охватывает время с III в. до н. э. по III—IV вв. н. э., о чем свидетельствуют много-

численные бугры — тепе, достигающие порой значительных размеров, причем распаханные поля вокруг них также усеяны керамикой античного облика.

Самым грандиозным среди этих тепе является Дальверзин-тепе, лежащее в 30 км к югу от Денау.⁹ Это остатки крупного города, имевшего регулярный план и мощные культурные отложения. Многогранная цитадель площадью до 7 гектаров достигает по высоте 20 м (первоначально стены ее вздымались, очевидно, метров до 30 от подошвы) и была обведена рвом. Въезд располагался в юго-восточной части; рядом, по-видимому, были и главные городские ворота. С юга к крепости примыкает собственно город прямоугольного плана (1000×800 м), расположенный с некоторым склонением к странам света. Культурные толщи здесь достигают до 5 м. Он также был обведен рвом и стенами, причем по микрорельефу можно заключить, что они имели вздымающиеся над гребнями, но не выступающие за внешнюю линию башни.



Илл. 2. Дальверзин — тепе: Схематический план



Илл. 3. Дальверзин-тепе

Такой архаизм приема крепостной обороны указывает на раннюю дату возведения стен, которая восходит по крайней мере к III в. до н. э. Аналогию дают ограждения Джанбас-калы в Хорезме,¹⁰ но особенно Гяуркалы Старого Мерва. Последняя сходна и по планировке — квадратный город, с примыкающей и выступающей во вне многогранной цитаделью Эрк-калой.¹¹ Совпадает также формат сырцового кирпича $40 \times 40 \times 12$ см, из которого выведены твердыни Дальверзин-тепе. Стены по гребню достигают 3—4 м. ширины, в основании мощь их, несомненно, была значительно большей. К северу и северо-западу за рвом тянутся еще гряды бугров, очевидно заключающие остатки пригородных строений — может быть усадеб и сельских угодий богатых рабовладельцев.

Л. И. Альбаум на основе подъемного археологического материала полагал, что городище Дальверзин-тепе «существовало до VI—VII вв., хотя в своей основе оно, несомненно, более древнее — отдельные фрагменты керамики определенно можно отнести к кушанскому времени. Предметов, датируемых более ранним периодом, пока не найдено».¹²

Эта характеристика требует известного пересмотра. Керамика VI—VII вв. в общем весьма малочисленна, а подъемный керамический материал, собранный в разных участках, в обрезах и оплывах тепе, дает преимущественно античные даты, притом не только кушанской поры (I—III вв.), но и значительно более ранней. По внешнему облику он перекликается с керамикой Термеза-Айрытама, с одной стороны, Кобадияна — с другой, хотя имеются и некоторые локальные отличия. Характерны бокалы и фиалы на небольшой, с узким перехватом, расширяющейся к основанию ножке, горловины одноручных кувшинов, плоские донья крупных сосудов на трех налипных полуовальных ножках и др. Преобладает красноватое, плотное тесто, нередок ярко-красный ангоб, иногда с лощением, но наряду с тем широко представлена керамика сероглиняная, имевшая распространение с III в. до н. э. вплоть до начала н. э., когда она постепенно сходит на-нет. Встречаются каменные зернотерки, которые в Средней Азии к II веку уже вытесняются ручными жерновами. Характерно полное отсутствие на городище керамики эпохи развитого средневековья, когда, как показано будет ниже, Денауский район был очень интенсивно обжит.

Таким образом, весь круг предварительных наблюдений характеризует Дальверзин-тепе, как самый крупный город по Сурхан-Дарье, становление и расцвет которого укладываются в пределах рабовладельческой эпохи, а постепенный заброс, имевший место с IV—V вв., связан был, очевидно, с кризисом рабовладельческой формации, отраженным на всех крупных и малых античных городах Средней Азии. Грандиозные размеры Дальверзин-тепе и мощь его культурных отложений, за исключением древнего Термеза не имеющие себе равных по всей Сурхан-Дарьинской области, позволяют с полной определенностью видеть в нем столицу древнего Чаганиана, резиденцию правителя области.

Характерно, что и в народе глубоко укоренилось представление о чрезвычайной древности городища. Легенда, рассказанная нам секретарем Денауского райкома партии т. Ишниязовым, большим знатоком местного фольклора и старины, гласит следующее.

Наименование Дальверзин якобы связано с именем его правителя — Даля (итак, перед нами эпический Даль-Заль таджикских сказаний, вошедших в свод «Шах-наме» Фирдоуси; Варзин по старосогдийски и старобактрийски — «Великий»). Жил он в своей неприступной для врага столице и правил всей обширной областью по Сурхан-Дарье, где обитали в ту пору кяфиры — неверные. И вот от Термеза на завоевание этих владений двинулся главнокомандующий арабских войск Хазрет-Али (с этим вполне реальным историческим лицом, который сам в Средней Азии никогда не бывал, здесь сплетена масса всевозможных легенд). Однако, он вынужден был остановиться у низины Дарваза, где

расположено Дальверзин-тепе, так-как вся она вокруг города была заполнена водой. Три месяца Али безуспешно пытался атаковать Дальверзин, но перейти этот водный рубеж оказалось невозможным, а препрадить доступ воды не могли потому, что никто не знал — откуда она пополняется, не иссякая.

Наконец, Али задумал пуститься на хитрость. Узнав, что у Даля есть красавица дочь, он решил привлечь ее внимание. С этой целью на берегу рва натянули канат, а так как Али был искусным канатоходцем-дарбазом, он стал демонстрировать свое искусство. С крыши дворца дочь Даля увидела Али и вспыхнула к нему любовью, послав вслед за тем письмо с признанием в чувствах. Завязалась переписка, в которой Али запросил ее — откуда берется вокруг города неиссякающая вода. Девушка ответила: — «Поезжай к Тупалангу (крупный арык, приток Сурхан-Дарьи), брось в стремнину два мешка с саманом и следи за потоком. Там, где вода завихрится, мешки перекроют ток уходящей под почву воды, которая вновь появляется у Дальверзина». Али последовал совету, вода вокруг крепости стала убывать, и когда ров пересох, он вступил в крепость. Каково же было удивление арабов, когда кроме дочери Даля они не встретили здесь ни одного человека, но лишь множество животных — баранов, ослов, коров и т. п. Али объяснил, что кяфиры силой волшебства обратились в скот и потому нужно всех их прикончить. Началась резня, которая продолжалась целый день. Все были утомлены, и Али предложил закончить побоище, как вдруг заметил маленькую, паршивую собачонку. «Пусть живет, — подумал Али, — наверное это оборотень бедного, ничтожного человека, от которого не будет вреда». Собачка, скуля, пробежала в ворота и скрылась. Между тем это был сам Даль, который бежал в неприступную крепость Гисара. Узнав об этом, Али стал размышлять, как захватить его там. Дочь Даля и тут подала совет, сказав, что к Гисару местами подступают непроходимые камыши, которые необходимо срубить и сжечь, чтобы подойти к самому городу. Али так и поступил, но до того предал смерти свою осведомительницу, сказав, что если она смогла предать родного отца, она способна также предать когда-нибудь и его. Город был взят, Даль убит, вся область от Денау до Гисара обращена в ислам.

Эта красочная легенда показывает, что и в местных представлениях Дальверзин-тепе являет собою древний укрепленный город, погбиший с пришествием арабов, основание и обжитие которого восходит в эпоху мифических царей.

В период рабовладения в подчинение верховного правителя — чаган-худдата входила обширная, освоенная земледелием область, в которой были разбросаны города и селения, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники. Характерный объект этого рода являет археологический комплекс у сел. Халчаян.

Это целая группа взаимосвязанных тепе, разбросанных в ра-

диусе от одного до двух км., причем как сами бугры, так и распаханная под хлопковые поля площадь между ними насыщены обильным археологическим материалом. По высоте наиболее значительно среди них Карабаг-тепе, являющее род укрепленного форпоста, прямоугольное в плане, обстроенное по периметру внутренней пониженной площади, с возвышенным в одном из углов главным строением. Восточнее находится Ханака-тепе, главное поселение, имеющее прямоугольный план, с плотной былой застройкой, бугры которой вздымаются от 5 до 8 м.

Здесь в центре расположено парадное здание, послужившее объектом археологических раскопок. Постройка включает обширный 16-метровый айван, деревянные колонны которого были основаны на профилированных каменных базах, центральный зал и группу прилежащих комнат и коридоров. Строительным материалом служит сырцовый кирпич $40 \times 40 \times 12$ и $35 \times 35 \times 12$ см, в декоре были использованы белые штукатурки, живопись и глиняная скульптура. Воздвигнутое около начала н. э., здание претерпело периоды заброса и перестройки, имевшие место в пределах кушанской эпохи (II—III вв.) после чего было покинуто вплоть до XIV в., когда руины его, как и вся группа прилежащих бугров, были использованы под мусульманское кладбище.

Закладка стратиграфического шурфа показала, что культурные слои, как уже было упомянуто выше, уходят до 5 м. ниже уровня современных полей. Они заключают в основании материалы с IV по I вв. до н. э., в то время как на поверхности бугров попадают кушанские монеты, среди которых особенно значительно число монет чекана «Безымянного царя», т. е. Кадфиза I, правившего в самом конце I в. до н. э. — первой половине I в. н. э.¹³ Многочисленна и разнообразна как полученная в раскопе, так и подъемная керамика — красноглиняная и сероглиняная, порой исключительно тонких и изысканных форм, в частности — бокалы и вазы на тонкой, расширяющейся книзу ножке.

К северу от Ханака-тепе сохранились еще Маслахат-тепе и Кой-Турябек-тепе, где помимо находок описанного типа следует упомянуть античного вида каменную профилированную базу и карниз.

Очевидно, города и крупные поселения такого рода находились в административном подчинении столичному Чаганиану — Дальверзин-тепе.

Кризис рабовладения сказался на судьбе этих населенных пунктов столь же роковым образом, как и на огромном Дальверзин-тепе. В Халчаяне попадают изредка монеты IV—V вв. (чекана династии Гупта), но затем наступает не только полный заброс всех обжитых пунктов, но также процесс долговременного заболачивания территории — результат упадка ирригационной системы и ухода населения в пригодные для обитания места.



Илл. 4. Стены денауской калы,

Возрождение жизни в районе отмечается лишь к VI—VII вв., ко времени выхода Чаганиана, как и всей Средней Азии, из состояния кризиса и начала становления новой феодальной формации. Этот процесс запечатлен появлением новых населенных пунктов, причем лишь изредка — на развалинах старых городищ, но преимущественно на новых местах. Возникают укрепленные феодальные замки, вокруг которых разрастаются небольшие сельскохозяйственные поселения.

Примером может служить крепость Денау, которая еще до недавнего времени не привлекала внимания археологов, так как считалась поздним памятником, связанным с порой Денауского бекства. Это многогранная, высоко приподнятая на естественном останце над поймой реки Кизыл-су кала. Здесь в пору летнего половодья происходят оползни, которые сбрасывают археологические слои, заключенные под поздними напластованиями. В 1960 г. во время такого обвала на глубине 4 м от дневной поверхности были обнаружены керамические печи и собран керамический комплекс. Он дает характерную группу грубоватых по технике крупных сосудов VI—VII вв. — горшков, чаш, мисок и особых вазообразных «сафаль-каса» на высокой, расширяющейся книзу ножке. Это — дальнейшая

трансформация изящных бокаловидных и вазовидных форм античной керамики. Характерно, что денауские гончары до сих пор изготавливают «сафаль-каса» — род крупных чаш на устойчивой, приподнятой ножке, которые широко распространены в быту местного населения.

По свидетельству Сюан-Цзяня (VII в.) область Чаганиана была богата, многолюдна. Здесь имелось четыре буддийских мо-



Илл. 5. Керамика VI—VII вв. из денауской калы.

настыря, хотя, вероятно, наряду с буддизмом сосуществовали и иные вероисповедания (в частности религия Авесты), удержавшиеся и в пору внедрения ислама. Еще в середине X столетия в Чаганиане протекало местное религиозное движение антимусульманского характера, подавленное по распоряжению Саманидов правителем этой области Абу-Али.¹⁴

Где располагалась накануне арабского завоевания столица Чаганианского княжества, в которой пребывал чаган-хундхатт — по-прежнему ли на Дальверзин-тепе или уже в ином месте? Во всяком случае вопрос о местонахождении того средневекового Чаганиана, о котором упоминают арабские географы IX—X вв., решается теперь вполне определенно.

Согласно показанию дорожников, город Чаганиан располагался в четырех днях пути или 24 фарсах (т. е. в 120—130 км) от Термеза и в трех днях пути (до 90 км) от Кобадияна. Эти расстояния, как уже отметил В. В. Бартольд, локализуются близ Денау. При выяснении вопроса о наличии в ближайшем радиусе

крупного городища мы узнали от местного уроженца инженера М. Тураева о наличии такового в колхозе «Ленинизм».

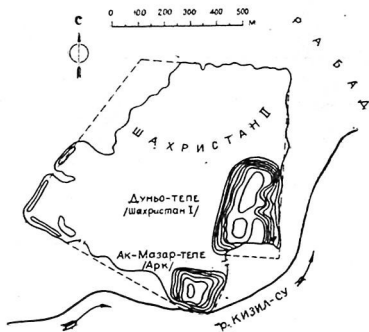
Здесь, в шести км к юго-востоку от Денау, в дельте впадения р. Кизыл-су в Сурхан-Дарью, имеется огромное городище, известное в целом под названием Бедрач. В его юго-восточной части возвышается два очень крупных, разделенных седловиной бугра — Ак-Мазар-тепе и Дуньо-тепе, вздымающихся до 12—15 м. Видимо первый из них (площадью до 3 га) играл роль цитадели-арка, второй же (9 га) включал основной жилой и административный комплекс, но несомненно, что оба осуществляли систему взаимобороны. Между ними располагались ворота — их остатками являются цокольные кладки из средневекового жженого кирпича, над которыми возвышались сырцовые массивы.

С востока и с юга город обходила бурная Кизыл-су. Пойма последней перемещалась с веками и поэтому ее воды подмыли оба тепе. Здесь в обрывах видно, что первоначальное заселение их осуществлялось на лессовых останцах высотой до 5—6 м, но весь вышележащий массив составляют культурные толщи. В обресе читаются кладки из сырца и жженого кирпича, зольные отвалы, мусорные ямы и бадрабы, торчат обломки хумов и иной керамики. Первоначальный период обживания этих тепе до производства специальных исследований пока не может быть определен, но в составе находок имеется керамика ярко-красного, очень плотного черепка, явно — доарабских времен, в том числе носик сосуда, оформленный наlepными витыми рогами козла, округлые в сечении ручки, керамика светлой глины с красноватыми потеками и пятнами на поверхности ангоба и др. Однако и на тепе и на основной территории городища преобладает более поздний средневековой материал.

По-видимому после выхода страны из состояния социального кризиса здесь, на побережье Кизил-су, возникает замок феодального владетеля (Ак Мазар-тепе) и поселение — шахристан при нем (Дуньо-тепе). Но лишь в период интенсивной феодализации страны, уже после прочного вхождения ее в состав арабского халифата, начинается бурный рост этого города.

Собственно — город (обозначаем его как «шахристан—II») первоначально имел четырехугольный контур (около 900×800 м). От обводивших его стен сохранились отдельные валы в западном участке; прочие границы нарушены полями, которые за последнее время уже заняли значительную часть городища. Там, где микро-рельеф не нарушен, видны направления улиц, контуры домов и дворики. Археологический материал буквально усеивает поверхность, особенно на расханных участках. Датировка его охватывает время с IX по XII вв. Повсюду валяется женный кирпич различного формата (23×23×4 см, 24×24×4,5 см, 32×20×5,5 см, 28×28×4,5 см. и др.) и его фрагменты, колхозники издавна выбирают здесь на постройки кирпич, из которого в близлежащих кишлаках выведены целые дома. Многочисленная

глазурованная керамика — темно- и ярко-зеленая, трехцветная с расплывами «мраморовидная», голубая, белая с подглазурным процарапанным орнаментом, с росписью красноватой, коричневой, фиолетовой. Мотивы орнаментации — арабские надписи (чаще подражательные «псевдонадписи»), плетенки, вихревые розетки. Характерны миндалевидные ручки чиргагов с рельефным узором. Многочисленны серые сфероконусы со штампованным орнаментом в виде кружков, треугольничков, розеток и даже ме-



Илл. 6. Городище Бедрач. План.

дальонов с зооморфными сюжетами. Очень разнообразна и обильна безглазурная посуда, орнаментированная штампом. Небольшие корчаги-хумча, крышки, горшки и кувшины несут узорные фестоны, розетки, налпы.

На местное изготовление всей этой керамики указывают остатки керамического производств — отвалы шлака, штыри, сургучевидные кусочки плавленного лесса, получавшегося при изготовлении «каменного товара» — сфероконусов. Многочисленны на городище фрагменты стекла — бесцветного, голубого, желтого цветов.

По-видимому за пределами шахристана — II простирался и пригород-рабад, так как распространение археологического материала отмечается вне пределов территории последнего в радиусе до 300 м.

Крупные размеры городища, равного которому нет в Денауском районе; совпадение расстояний с данными арабских дорожников; обилие археологического материала IX—XII вв; наличие развитых ремесленных производств; наконец, убежденность местного населения, что это — «старый Денау»; — все это позволяет с полной определенностью утверждать, что Бедрач являет остатки

средневекового Чаганиана, столицы одноименной области, места пребывания эмиров, порой лишь номинально подчинявшихся центральной власти арабов, Саманидов или Газневидов.¹⁵⁾

В. В. Бартольд обобщил данные восточных первоисточников о средневековом городе Чаганиане. Приводим цитату, комментируя ее в скобках на основе археологических наблюдений.

«Город Саганиан имел цитадель (Ак-Мазар-тепе) и по пространству превосходил Термез (имеется в виду не только контур шахристана-II, но и ныне исчезнувшая территория пригорода), хотя уступал ему по количеству населения и по богатству (исследования Термезской археологической комплексной экспедиции 1936—1938 гг. дали реальное представление об исключительном расцвете средневекового Термеза в X—XII вв.¹⁶⁾). В городе были красивые крытые базары, хлеб был дешев, мясо продавалось в большом количестве. Среди базара была красивая мечеть, укрепленная колоннами из жженого кирпича, без арок; саганианская мечеть славилась еще в XII в. В каждый дом была проведена вода (о типе средневекового водопровода, подававшего воду в жилые дома — см. на стр. 62), окрестности города, вследствие обильного орошения, были покрыты густой растительностью; зимой здесь производилась птичья охота, трава была так высока, что покрывала лошадей (речь идет о прибрежных густых камышах и водоплавающей птице). Жители отличались правоведем и гостеприимством, но улемов среди них было мало.»¹⁷⁾

В этой характеристике вновь рельефно выступают те особенности взаимоотношения культуры равнинной и нагорной полосы Чаганиана, о которых было упомянуто выше. Скотоводы предгорий снабжали район мясом и другими продуктами скотоводства, а земледельцы долины, очевидно, использовали ее преимущественно под посевы зерновых, чем определялись дешевизна и обилие хлеба. В хозяйственном профиле края преобладало сельское хозяйство, что отразилось, несомненно, и на общих чертах городской жизни (помимо столичного Чаганиана в источниках упоминаются города Басенд, Зинвар, Бураб, Санг-гардак, Рикдешт, Кумганан и др). Малое число улемов, т. е. ученых богословов, обычно концентрировавшихся в крупных центрах политической и религиозной жизни, косвенно подтверждает известный провинциализм чаганианских городов. Во всяком случае, это наглядно видно по характеру ремесленной продукции: при сопоставлении местных гончарных изделий с великолепной керамикой средневекового Мерва, Самарканды, Термеза бросается в глаза, при всем обилии, ее несравненно меньшая художественная ценность.

Макдиси (X в) указывает, что в средневековом Чаганиане было до 16000 селений. Эта цифра едва ли преувеличена. Опромное число сохранившихся доньше тепе, (а сколько их исчезло со временем!) содержит средневековый материал, датировка которого завершается предмонгольским периодом. Во время работ на Халчаяне мы обследовали близрасположенные тепе в радиусе 5—7 км

(Гургак-тепе, Казах-тепе, Пишта-тепе, Шипан-тепе, Чимкурган, Юнус-тепе и др.); оказалось, что все они содержат остатки былых средневековых, преимущественно небольших селений. Число таких тепе по всей Сурхан-Дарье огромно.

Как и во всей Средней Азии разрушительные последствия монгольского завоевания роковым образом сказались на Чаганиане. В XIV веке бугры покинутого античного поселения в Халчаяне используются под кладбище, могилы которого врезались и в раскапывавшееся нами здание. Но подавляющее число средневековых памятников не содержит на поверхности материалов моложе XII — начала XIII вв. Красноречивую картину дает возвышенный левый берег Сары-Асийского района. Здесь, напротив Халчаяна, при подмыве берегов обнажился как-бы в разрезе дом XI—XII вв, выстроенный из жженого кирпича; к нему подходит водопровод из керамических кобуров. Этот дом погребен под почти трехметровой толщей лессовых намывов, снесенных с прилежащих холмов 700-летними дождями. Вверху же абсолютно ровная, геологически однородная поверхность, которая не может внушить даже мысли о захороненном внизу значительном культурном слое.

Некоторое возрождение сельской жизни в этом районе отмечается лишь к XV столетию; именно в эту пору впервые упоминается Денау, само название которого Дехи-Нау — «Новая деревня» свидетельствует о новом поселении, возникшем на ранне-средневековом бугре. Находки на некоторых тепе керамики с белым фоном и росписью кобальтом, отдельных монет тимуридского и шейбанидского чекана подтверждают, что область в какой-то мере оправилась от последствий монгольского ига, хотя масштабы городской жизни здесь сильно сократились и резко преобладающими становятся чисто сельские функции района.

В XVI в. может быть в связи с возрастанием в этих местах значения монголизованных узбекских племен локай и кунград, имело место разрастание Денау в небольшой городок, очевидно игравший роль областного центра в государстве Шейбанидов. Об этом свидетельствует крупное денауское медресе, архитектурные черты которого явно восходят к XVI столетию. Медресе выстроено из первосходного жженого кирпича $28 \times 28 \times 5,5$ см на ганчевом растворе. Оно включает прямоугольный двор, обведенный двумя этажами келий-худжр. Худжры второго яруса имеют по фасадам ниши-лоджии, подобно бухарскому медресе Кукульташа (1568/9 г.); сходна с этим последним и система перекрытия вестибюльной группы. Вместе с тем, угловая аудитория-дарсхана здесь почти повторяет систему медресе Мири-Араб в Бухаре (1530—1536 гг.) — подпружные пересекающие арки с промежуточными щитовидными парусами, образующими переход к сталактитовому венцу светового фонаря. Искусство возведения таких сложных конструктивных систем к XIX столетию было утрачено, и во всяком случае не могло бы возродиться в глуши Денауского бек-

ства. Характерно, что медресе было не одиночно: напротив него на оси возвышалось другое несколько меньшее, разобранный в 1935 г. ради кирпича. Подземный сводчатый ход вел из сохранившегося медресе на территорию калы: недавно он был замурован.

В XIX столетии и вплоть до революции Денау являл собою центр захудалого Денауского бекства, подчиненного бухарскому эмиру. Крепость — кала его была заново укреплена пахсовыми стенами.¹⁸⁾ С падением эмирата земли по Сурхан-Дарье вошли в состав Туркеспублики; ныне Денау являет значительный районный город Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР.

Так в основных чертах рисуется картина существования и перемещения главного центра долины Сурхан-Дарье: античный Чаганиан — Дальверзин-тепе, средневековый Чаганиан — Бедрач, позднефеодальный Дехи-Нау — Денау. Разумеется, эти историко-топографические контуры намечены пока только в самых общих чертах, так как лишь постановка широких археологических разведок и раскопок позволит со всей возможной полнотой обрисовать картину истории древнего и средневекового Чаганиана, очень скудно затронутую письменными источниками.

Примечания

1. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб, 1900, стр. 73.

2. Его же. К истории орошения Туркестана. СПб, 1914, стр. 72.

3. Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Душамбе 1956, стр. 37.

4. Julien, S. Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen Thsang, vol. I, Paris, 1857, стр. 67.

5. Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК, 33, 1950, рис. 69.

6. Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. «Материалы ЮТАКЭ», в. 1, Ашхабад, 1949, стр. 40.

7. Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирингана (Кобидиан). МИА СССР, № 37, рис. 19.

8. Страбон, XI, 11,4.

9. Первое сообщение о Дальверзин-тепе и его глазомерный план опубликованы Л. И. Альбаумом — см. его. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 12, рис. 1. На плане неточно показана ориентация, а в тексте ошибочно указаны размеры городища 1000×500 м., из которых последний не соответствует публикуемому плану.

10. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 88 сл.

11. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. «Труды ЮТАКЭ», т. VI, М., 1958, стр. 40 сл.

12. Альбаум Л. И. цит. соч., стр. 12, 14.

13. Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей великого спасителя». «Труды САГУ», вып. XI, Ташкент, 1960, стр. 11 сл.

14. Бартольд В. В. Туркестан, стр. 260.

15. Вблизи Бедрача возвышается высокая, продолговатая гряда, с первого взгляда напоминающая искусственное тепе. Она именуется Захар-тепе, т. е. «Ядовитое тепе». Название это связано с легендой о стаде драконов, которые двигались со стороны гор, и с тех пор трава здесь

стала якобы ядовитой для скота. Осмотр показал, что это геологический останец, образовавшийся в пойме древних блуждавших русел; никакого культурного слоя Захар-тепе не имеет.

16. Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН СССР, сер. 1, в. 2, Термезская археологическая комплексная экспедиция, Ташкент, 1941, стр. 92 сл.

17. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, цит. соч., стр. 72—73.

18. Описание денауской калы — см. Д. Н. Лагофет, В горах и на равнинах Бухары. СПб, 1913, стр. 211 сл.

Г. А. Пугаченкова

РЕЗНЫЕ КАМНИ АНТИЧНОЙ ПОРЫ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Памятники восточной глиптики поры развитых рабовладельческих и ранне-феодальных государств обильно представлены в собраниях различных музеев мира. Однако, изучены они значительно слабее, чем резные камни древнейших восточно-деспотических обществ. Комплексы иранских гемм после-ахеменидского времени лишь приблизительно членятся на «греко-персидские» и «саасанидские». Очень нечетко была выяснена «парфянская» группа, представленная несколькими инталиями из раскопок в Селевкии на Тигре. Лишь недавние советские археологические изыскания в Грузии¹⁾ и в южном Туркменистане, на территории коренных земель Парфиены,²⁾ позволили значительно расширить представления о резных печатях парфянского происхождения. Разворот археологических исследований в Средней Азии привел за последние годы к обнаружению ряда гемм или оттисков с них. Однако, наряду с новыми вещественными поступлениями, не менее важно введение в научный обиход и тех гемм, которые годами и десятилетиями хранятся в музейных собраниях, будучи не всегда известны даже в среде специалистов. Давно назрела потребность публикации этих предметов и предварительной их классификации для того, чтобы расширить общие представления о восточной глиптике различных эпох.

К числу таких собраний относятся и геммы музея истории Узбекской ССР. Оно составлено из двух коллекций. Первая, под инвентарным номером Н-60, возникла при основании в 1898 году Ташкентского музея и пополнялась в дореволюционное время в значительной мере благодаря деятельности Туркестанского кружка любителей археологии. Вторая (музейный шифр Н-159), принадлежавшая военному инженеру И. Т. Пославскому, поступила в Музей из Туркестанского восточного института, куда была передана в 20-х годах после смерти владельца. В дореволюционной литературе имелось лишь беглое упоминание некоторых камней из обеих собраний³⁾. В советское время одна гемма послужила

предметом изучения Н. Э. Вундцетеля⁴⁾), а за последние годы были опубликованы так называемые ахеменидские и позднесасанидские инталии этих коллекций⁵⁾).

В настоящей статье автор ставит задачей публикацию тех резных камней, которые хронологически встают между «ахеменидской» и «сасанидской» группами музейного собрания, с попыткой их типологической классификации. Оговорим, что так как исходные данные при этом основаны на сравнительном анализе, а сравнительный материал (главным образом по иранской глиптике) в большей своей части сам недостаточно определен ни по месту, ни по времени изготовления, неизбежной становится известная протяженность дат и широта локализации отдельных групп рассматриваемых резных камней.

Все объекты принадлежат к группе гемм-инталей, резанных на самоцветах. Оставляем пока в стороне металлические печати из коллекции Музея истории УзССР, хотя некоторые из них, безусловно, очень древни, подвергая рассмотрению лишь каменные резные печати. Опускаем из перечня также те геммы, подлинность которых внушает большое сомнение, и которые может быть являются собою поздние фальсификаты.

Геммы из коллекции Туркестанского кружка любителей археологии были в основном собраны на территории русского Туркестана; для коллекции И. Т. Пославского область их местонахождения локализуется главным образом Термезским районом. Закономерно предположить для некоторой части этих резных камней не привозное происхождение, но местное их производство.

Ниже приведены краткие описания рассматриваемых в данной статье гемм. Принятые обозначения: д—диаметр круглого щитка инталии; в—высота, ш—ширина овального или прямоугольного щитка; т—толщина круглых, овальных и прямоугольных камней. Описание изображений дано по оттиску, а не по самой инталии.

60/1. Овально-выпуклый сердолик. Глубокая, пластичная резьба на выпуклом щитке. Мужской профиль вправо. Короткие, прямые волосы, валиком обрамляющие лицо; низкий лоб, выпуклый глаз, прямой нос, полные губы, сильная челюсть и крутой подбородок. В ухе круглая серьга, на шее—ожерелье. Слева полукруговая надпись курсивными знаками согдийского письма. В-17 мм, ш-12 мм, т-5 мм.

60/3. Овальный плоский сердолик со скошенным гуртом. Пластично-выемчатая резьба на малом щитке. Лежащее животное (как будто-бы пес), положившее морду на лапы. В-12 мм, ш-9 мм, т-3 мм.

60/4. Овальный выпуклый сердолик. Пластично-выемчатая резьба на выпуклой стороне; сверху скол. Крылатый (?) конь с опущенной головою, шагающий вправо. В-11 мм, ш-15 мм, т-3 мм.

60/6. Круглый, плоский желтоватый сердолик, со скошенным гуртом. Объемно-выемчатая резьба. На большем щитке крылатый

конь, шагающий вправо. По верхнему краю щитка 4 штриховых знака; Д-11 мм, т-2,5 мм.

60/7. Миниатюрный овальный, выпуклый альмандин. Объемно-выемчатая резьба на выпуклой поверхности. Кисть гравой руки возле крупного, удлиненного уха с серьгой в виде двух шариков. По контуру щитка как-будто буквенные знаки. В-14 мм, ш-7 мм, т-3 мм.

60/8. Овальный, плоский со срезанным гуртом четырехслойный агат. В малом щитке на верхнем белом слое идущее вправо животное со склоненной головой (как-будто пасущийся козел); В-5 мм, ш-7 мм, т-2мм.

60/9. Овальный, плоский, со срезанным гуртом темный агат. В малом щитке, на голубоватом верхнем слое силуэтная резьба: бегущее животное (заяц?). В-6 мм, ш-7 мм, т-2 мм.

60/10. Круглый, плоский, со срезанным гуртом сердолик. Штриховая и объемно-выемчатая резьба. На большем щитке бык-зебу, идущий вправо. Д-11 мм, т-2 мм.

60/14. Овальный, выпуклый, с прямыми гуртами розоватый сердолик с тонким белым покровом на боковых и тыльной стороне. Штриховая резьба на слегка выпуклой поверхности щитка. Мужской бюст в профиль вправо. Овальная шапка до бровей. с радиальной разделкой верха и оторочкой по краю; на затылке спускающиеся концы перевязи. Лицо удлиненное, с прямым носом, рельефными контурами губ и узкой, густой бородой. На плечевой части заштрихованная одежда. В-22 мм, ш-11 мм, т-4—5 мм.

60/15. Полусферический альмандин. Объемно-выемчатая резьба на криволинейной поверхности камня. Всадник в округлом головном уборе и коротком кафтане, едущий влево верхом на двуногом животном (сайгаке?). Д-15 мм, т-7 мм.

60/16. Овальный, плоский, сердолик. Объемно-выемчатая резьба. Мужской бюст вправо. Безбородое, острое лицо, тонкая шея, гладкая прическа. По контуру щитка круговой орнамент из линейных и т-образных значков. В эксерге три буквенных знака SNI. В-18 мм, ш-12 мм т-4 мм;

60/19. Овальный, плоский, со скошенным гуртом опаловидный кварц. Объемно-выемчатая резьба. Мужской бюст вправо. Худощавое удлиненное лицо с остроконечной бородкой, крупный нос, на голове венок. По правому краю щитка 6 буквенных знаков согдийского письма. В-18 мм, ш-12 мм, т-4 мм.

60/20. Прямоугольная, со скошенным гуртом пластинка лапислазури. Крупная штриховая резьба на малом щитке. Мужская голова вправо в башлыке, повязанном у шеи, с расходящимися на плече концами. Справа вертикально 5 буквенных знаков. В-9 мм, ш-6 мм, т-2,5 мм.

60/29. Золотисто-коричневый, вываренный в меду кварц. Параболоидная заготовка геммы, на криволинейной поверхности, (а не на щитке) которой впоследствии была вырезана грубоватая

голова остробородого мужа в остроконечной шапке, в профиль вправо. В-24 мм, д-20 мм.

60/30. Полусферический красноватый сердолик. Объемно-выемчатая резьба на выпуклой поверхности: орлеvidный грифон, шагающий вправо. В-9 мм, ш-11 мм, т-4 мм.

60/32. Почти круглый, плоский красноватый сердолик. Объемно-выемчатая резьба. Греческий тип головы воина вправо; лицо обрамлено бородкой, на голове шлем; д-14—15 мм, т-3 мм.

60/37. Печать в форме ложного перстня из кварца (Д-23 мм). Штриховая резьба в овальном щитке (16×13 мм). Мужской профиль вправо; длинный нос, узкий ус, короткие, отходящие назад волосы, на голове не то венчик, не то корона.

60/41. Почти круглый, плоский красноватый сердолик. Объемно-выемчатая резьба. Голова богини в венке из колосьев и листьев (видимо Деметра-Церера) в профиль вправо. Д-12—11 мм, т-3 мм.

60/46. Овальный, плоский, молочно-кремовый цитрин. Объемно-выемчатая резьба. На щитке голова мужчины, в профиль вправо. Правильные черты, усы и небольшая бородка; на голове сходная по облику, отброшенная назад маска на завязках спускающихся с затылка. В-18 мм, ш-15 мм, т-2 мм.

60/47. Овальный, плоский, со скошенным гуртом красноватый сердолик с белым поверхностным слоем, на котором в штриховой манере вырезано изображение. Мужской бородатый профиль вправо; на голове округлая шапка, из-под которой на висок ниспадают завитки или завязки; в поле слева от затылка отходят на стерженьках три штриховых звездочки. В-16 мм, ш-13 мм, т-3,5 мм.

60/52. Миниатюрный, овальный выпуклый сердолик. Объемно-выемчатая резьба. На выпуклой стороне безбородый, с гладкими волосами мужской профиль вправо. В-11 мм, ш-8 мм, т-3 мм.

60/57. Овальный, плоский цитрин. Выемчатая резьба: две обращенные друг к другу в профиль одностипных, остробородых мужских головы. В-12 мм, ш-16 мм, т-2 мм.

60/58. Овальный, плоский сердолик с острым гуртом. Выемчатая резьба. Безбородое юношеское лицо в греческом шлеме, в профиль влево. В-13 мм, ш-10 мм, т-2 мм.

60/60. Прямоугольная пластинка почти черного стекла. Во вдавленном овальном щитке (16×9 мм) бюст бородатого воина в античном шлеме влево. В-17 мм, ш-11 мм, т-2 мм.

60/61. Овальный, плоский, красный сердолик, с заостренным гуртом. Тонкая объемно-выемчатая резьба. Справа коленопреклоненный юноша, придерживающий горшочек перед стоящим на фоне тонкого деревца мальчиком. В-12 мм, ш-17 мм, т-2,5 мм.

60/62. Тот-же материал, резьба, размеры. Возлежащая Леда и лебедь в эротической позе.

60/63. Тот-же материал, резьба, размеры. Эротическая сцена.

60/65. Круглый, плоско-выпуклый альмандин. Объемно-выемча-

тая резьба. Голова безбородого воина в греческом шлеме вправо. Д-15 мм, т-2 мм.

60/66. Плоский, овальный, голубовато-молочный цитрин. Неглубокая плоско-выемчатая резьба. Грубоватый мужской профиль в венке, вправо. По правой краю щитка+ и т-образные штриховые значки. В-16 мм, ш-12 мм, т-3 мм.

60/67. Плоский прямоугольный красный сердолик со слегка закругленными короткими сторонами и заостренным гуртом. Объемно-выемчатая резьба. Голова бородатого воина в греческом шлеме в профиль вправо. В-13 мм, ш-8 мм, т-2,5 мм.

60/68. Плоский, овальный, густо-красный сердолик. Плоско-выемчатая и штриховая резьба. Схематически намеченная мужская голова в профиль вправо. В-14 мм, ш-11 мм, т-1,5 мм.

60/71. Овальный альмандин с глубокой резьбой. Трехликое божество индийского пантеона в высоких фигурных тиарах. В поле слева буквенные знаки. В-8 мм, ш-6 мм, т-1 мм.

60/72. Печать в форме ложного перстня из светлого сердолика (Д-13 мм). В овальном щитке (12×10 мм) бюст безбородого мужчины с короткой прической валиком, в профиль вправо; в поле справа и слева по шестиконечной штриховой звездочке.

159/5. Овальный выпуклый желтоватый кварц. Штриховая резьба. На плоском щитке изображение женщины с грубоватыми чертами лица в профиль и с фигурой в фас, облаченной в платье, перехваченное под грудью, драпирующееся на бедрах. В-12 мм, ш-5 мм, т-2 мм.

159/6. Овальный, плоский красноватый сердолик. Объемно-выемчатая резьба. Мужская голова в профиль вправо, по типу сходная с Н-61/1. В-12 мм, ш-9 мм, т-3 мм.

159/7. Круглый, плоский, со скошенным гуртом светлый сердолик (Д-10 мм, т-2 мм). Силуэтная резьба. На щитке шагающий вправо двугорбый верблюд с поднятым хвостом.

159/9. Голубовато-молочный крузантин. Двусторонняя прямоугольная гемма. На обоих щитках маленькие бюсты воинов влево; на шлеме одного из них силуэт дикого гуся в позе отлета. В-13 мм, ш-10 мм, т-6 мм.

159/11. Овальный, плоский, светлый сердолик. Силуэтно-выемчатая и штриховая резьба. Артемида вправо, с поднятой к колчану правой рукой и подсогнутой левой, держащей лук. Богиня в короткой тунике и сапожках до колен; по обе стороны, у ног ее, две скачущих козочки. В-16 мм, ш-12 мм, т-3 мм.

159/14. Круглый темно-зеленый сланец (д-8 мм, т-1,5 мм). Штриховая резьба, изображение не очень четкое. Всадник, мчащийся на коне влево.

159/15. Плоский, овальный двухслойный янтарно-коричневый агат со скошенным гуртом. Резьба силуэтная на светлой поверхности щитка. Слева вставший на дыбы хищник, на которого наступает справа человек в короткой одежде, пронзающий его копьем. В-11 мм, ш-9 мм, т-2,5 мм.

159/18. Полуцилиндрический литик зеленого стекла. Глубокая выемчатая резьба. Мужской безбородый профиль с короткими прямыми волосами, влево. В-8 мм, ш-6 мм, т-3 мм.

159/22. Выпуклый скарбонд из крузантина. Объемно-выемчатая резьба на выпуклой поверхности. Две сросшихся, обращенных в профиль мужских бородатых, рогатых маски. В-15 мм, ш-10 мм, т-5 мм.

159/24. Выпуклый, овальный аметист. На выпуклой стороне— козел, скачущий влево. В-10 мм, ш-9 мм, т-4 мм.

159/25. Альмандин-кабошон. (толщина до 2 мм), вырезанный по контуру мужского бородатого лица в профиль влево, в округло-конической шапке. Резьба выемчатая и штриховая. В-11 мм, ш-6 мм.

159/29. Круглый, выпуклый белый кварц, с верхним коричневым слоем, на котором углубленно-выемчатой резьбой выполнено изображение крылатого гения влево; в поле слева буквенные знаки. Д-22 мм, т-4 мм.

159/40. Печать из агата, проверенного в меду до темно-коричневого цвета, в форме неравностороннего полуоктаэдра. В восьмигранном щитке мужской бородатый бюст вправо в венке (или чалме?); в поле справа согдийская (?) надпись. В-13 мм, ш-10 мм, т-10 мм.

159/46. Миниатюрный овальный (8×7 мм) сердолик, вделанный в металлическую оправу подвесной печати. Лежащий зебу-видный бык влево.

В рассматриваемом комплексе гемм к числу привозных созданий эллинистической и римской глиптики относятся резные камни Н-60/32, 41, 46, 52, 58, 60—63, 65—67, 68, Н-159/9, 11, 22, 19. Об этом свидетельствует их стиль, техника резьбы, образительные сюжеты, а в ряде случаев и сам подолочный камень. Так, например, светлый цитрин геммы 60/46 и крузантин геммы 60/57 и 159/9 отсутствуют в среднеазиатских месторождениях. Большинство инталий этой группы выполнено, однако на излюбленном в азиатских странах сердолике, может быть, именно как объекты торговли с Востоком, рассчитанные на соответствующий спрос.

Геммы 60/32, 58, 60 и 159/9 дают профильное изображение воинов. Черты лица, тип шлема, стиль резьбы— все это находит некоторые параллели в эллинистически-римской средиземноморской глиптике. Однако, в отношении объекта 60/65 можно предположить его азиатское происхождение поры вхождения многих областей Среднего Востока в состав селевкидских владений. За это говорит материал геммы— альмандин, проникавший сюда через Индию с Цейлона (заметим в скобках, что у среднеазиатских ювелиров, высоко ценящих этот камень, он донныне именуется «цейлони»), но почти неведомый средиземноморским камнерезам. Что касается изображения на инталии, то оно дает вариант общераспространенного в ту пору эллинизированного типа воина.

Несомненна поздне-эллинистическая или ранне-римская приро-



60/58



159/9



60/68



60/60



60/32



60/65

Илл. 1



60/61



159/11



159/29

Илл. 2

да изящной геммы 60/41, изображающей богиню плодородия Деметру-Цереру. Она представлена здесь не в традиционном облике матроны, увенчанной высоким калафом богини мистических таинств, но в образе покровительницы урожая, украшенной венком из колосьев и цветов. По типу наша гемма близка к резаной на сердолике греко-римской инталии из Смирны со сходным сюжетом.⁶⁾

Вероятно, руке одного мастера принадлежат инталии 60/61, 62, 63, очень тонкой работы, совершенно идентичные по материалу, технике резьбы, размерам. Их роднит также и характер изображений остро-эротического жанра. Это геммы, изготовленные для любителя гривуазных сюжетов. Они как нельзя более типичны для того развлекательного направления, поздне-эллинистической и римской пластики, произведения которой рассчитаны были на пресыщенные вкусы развращенной аристократической среды азиатских монархий и римской империи.⁷ Проникновение произведений античного искусства с эротическими сюжетами в ту пору в Среднюю Азию засвидетельствовано находкой в Хорезме костяной пластинки с резными миниатюрами этого жанра.⁸

Среди мифологических персонажей, встречающихся на изделиях, античной глиптики нередок образ безрукого крылатого гения,⁹ представленный нашей геммой 159/29.

Инталии 60/46 и 159/22 содержат театральные мотивы: мужской профиль с отброшенной наверх маской в одном случае и спаренные маски рогатых сатиров, видимо, связанные с дионисийскими празднествами, во-втором. Возможно, что эти печати принадлежали актерам, как эмблемы их профессии. По стилю это объекты средиземноморского круга из группы так называемых „grilles“ — причудливых, многоликих образов. Сердоликовая инталия, почти идентичная 60/46 имеется в составе южно-русских гемм из коллекции Т. В. Кибальчича;¹⁰⁾ греческая инталия на красной яшме, сходная с геммой 159/22, найдена была в Ольвии,¹¹ имеется немало и иных аналогий.¹² К той же категории резных камней относится овальный цитрин с парным портретом 60/57.¹³⁾

Вполне традиционен для классического искусства сюжет Артемиды на охоте (159/11). Образ ее на восточной почве в эпоху эллинизма был довольно популярен, сливаясь с какой-то богиней. Такое синкретическое изображение встречается, например, в греко-бактрийской нумизматике на монетах Деметрия;¹⁴⁾ образ женщины-лучницы (видимо, амазонки) имеется на серебряном медальоне эрмитажного собрания, который К. В. Тревер определяет, как произведение греко-бактрийской торевтики II в. до н. э.¹⁵⁾ На городище старого Термеза недавно найдена женская терракотовая фигурка в короткой гофрированной тунике — типичном одеянии богини-охотницы. Все это — показатели большой популярности в искусстве древней Бактрии образа Ар-

темиды-Анахит. Поскольку коллекция И. Т. Пославского собрана была в основном в Термезском районе, не исключена возможность местного происхождения инталии 159/11.

Наряду с привозными экземплярами в областях Средней Азии при дворах филэллинизовавшихся монархов — греко-бактрийских царей и старших Аршакидов могли появляться изделия здешних



Илл. 3

мастеров, следовавших манере эллинистических камнерезов. Выработывалась своя собственная школа сфрагистики, в которой участвовали и иноземные и местные специалисты. Расцвет медальерного искусства, запечатленный на великолепных монетах греко-бактрийской и ранне-парфянской нумизматики, позволяет с полным правом предположить развитие в III—II вв до н. э. и камнерезного искусства, отличного от такового-же ахеменидской поры. Исходя из достижений и принципов эллинистической глиптики, мастера Среднего Востока вырабатывают свою манеру, свой стиль, свою изобразительную тематику.

Образцом этого переходного стиля является гемма 60/19. На ней дан трансформированный на местный лад «варваризованный» образ триумфатора, увенчанного лавровым венком. Над-

пись курсивными знаками, сходными с таковыми же на ранних монетах Согда, позволяет предположить среднеазиатское происхождение этой инталии. Сходный сюжет дает гемма 159/40 с согдийской надписью, датировка которой может быть отнесена к первым векам н. э.

Три буквы в эксерге на гемме 60/16 несколько напоминают латинские SNJ, мужской профиль на ней варваризован, но в об-



Илл. 4

щем напоминает своим абрисом и гладкой прической римские образцы (как например на нашей римского типа гемме 60/52). Полагаем, что гемма эта стоит по времени около начала н. э., и связана с порою начала интенсивных сношений кушанского царства с Римом. К категории кушанских инталий, являющих стилистическую переработку римского образца, принадлежит гемма 60/66. Это также образ триумфатора. Изображение имеет огрубленный профиль, на голове схематично намеченный венчик (как на гемме 60/19), а в поле щитка+ и т-образные штриховые орнаменты, сходные с таковыми же на гемме 60/16.

Рассмотренные экземпляры музейной коллекции дают новый штрих к характеристике тех активных культурно-экономических связей между кушанским царством и Римом, которые установле-

ны археологическими исследованиями в Тохаристане (Термез, Беграм и др.).

Тематически единую группу составляют геммы № 60/1, 36, 72, 159/6, 18. Все они дают разномасштабный, но типологически сходный мужской профиль вправо, с удлинненным носом, усами, крутым подбородком, короткими волосами, валиком обрамляющими лицо, серьгою в ухе и ожерельем на шее. Надпись на гемме 60/1 выполнена знаками согдийского письма. Она расшифрована В. А. Лившицем, как akstat—«божество праведности» и по палеографическим данным может быть датирована III—IV вв. н. э.¹⁵ Тип таких инталий известен по ряду публикаций в составе так называемых сасанидских гемм (III—VII вв.).¹⁷ Аналогичные геммы обнаружены на древних городищах Восточного Туркестана (Хотан и др.).¹⁸ Гемма подобная 60/1 (видимо из северо-западных провинций Индии) с нерасшифрованной надписью знаками сходного письма хранится в Калькутском музее.¹⁹ Надпись эта по мнению Р. Гиршмана, обозначает собственное имя владельца, что вполне правдоподобно. Возможно также, что это его девиз. Вообще на геммах этой группы представлен не индивидуальный портрет, но типизированный, видимо передающий согдийско-тохарский этнический тип, а не персональный облик. Датировка данных гемм восходит к кушанской и ранне-сасанидской эпохе. Экземпляры 60/1, 159/6 и 18, характеризующиеся глубоко-выемчатой резьбой, мы считаем более ранними, геммы же типа ложных перстней 60/36, 72 со штриховую резьбой портрета—более поздними по времени (III—IV вв.); манера изображения здесь несколько напоминает позднеримские инталии из Александрии.²⁰ Датировку эту подтверждает также сходный по технике и стилю мужской профиль на гемме Британского музея, где изображены, видимо, супруги, причем мужской облик аналогичен нашим поздним образцам, и где вырезана пехлевийская (или согдийская?) надпись.²¹

К той-же категории «варваризованных» портретов принадлежит и миниатюрная гемма из лапис-лазури 60/22. Здесь представлен остробородый мужской профиль в типичном для азиатских народностей клубуке, обернутом у шеи, с ниспадающим на затылке мешком. Буквенные знаки на этой инталии напоминают ранне-согдийские письмена на монетах около начала нашей эры.

Иной рисунок мужского профиля содержит геммы 159/25 и 60/14. Различные по материалу (сердолик и альмандин), по размерам (первая крупна, вторая миниатюрна), приему мелкой штриховой обработки деталей на гемме 159/25, которого нет на другой, они сходны по типу изображения. Здесь представлен облик бородатого мужа в округлоконической шапке, перетянутой надо лбом повязкой (диадемой?) со спускающимися на затылке концами. Профили не идентичны—видимо, налицо попытка передать индивидуальный портрет. Упомянутый головной убор аналогичен головному убору царя Вимы Кадфиза из династии Ве-

ликих Кушан (I в. н. э.),²²) только концы диадемы на наших геммах короче. Печати 159/25 и 60/14 мы считаем возможным датировать поздне-кушанским временем. Нам представляется несомненным их тохаристанское происхождение. Помимо нумизматических аналогий подтверждение тому дает интереснейший памятник монументальной живописи, Балалык-тепе, открытый



Илл. 5

Л. И. Альбаумом в Сурхан-Дарьинской области: здесь, в медальонах, украшающих одеяние одного из персонажей, изображены мужские головы, сходные и антропологическим типом с портретами на наших геммах (особенно с экземпляром 159/25) и формой головных уборов, очевидно распространенных в местной среде. Датировка Балалык-тепе, по археологическим данным, восходит к V в. н. э. Близки к нашим печатям также мужские изображения в округлых медальонах на одной поздне-кушанской, на наш взгляд, чаше эрмитажного собрания,²³) профиль бородатого мужа на дне этой чаши особенно сходен с профилем на нашей гемме 159/25. Подчеркнем, что последняя найдена в Термезском районе и изготовлена из альмандина—«цейлони», завоз которого

с Цейлона имел место именно в пору Великих Кушан, поддерживавших через свои северно-индийские провинции широкие экономические связи с южной Индией.

Уникальна портретная гемма 60/47. По манере резьбы она близка к предшествующим, датировка ее стоит в пределах позднекушанской эпохи. Острый профиль мужчины очень индивидуален, своеобразен головной убор, которому в нумизматическом материале аналогий нет. Вероятно, это какой-то локальный головной убор одного из тех населявших Среднюю Азию многочисленных народностей, которые входили в конгломерат народов, слагавших крупные античные государственные образования Среднего Востока.

IV—V вв. может быть датирована и гемма 159/15. Сюжет единоробства царя со вставшим на дыбы чудовищем был широко распространен еще в ахеменидской глиптике.²⁴ встречается он и в парфянской сфрагистике.²⁵ На нашей гемме герой одет в характерный, расширяющийся книзу поколенный среднеазиатский кафтан, хорошо известный уже по кушанским монетам первых веков н. э. Характерно, что он представлен в борьбе не с фантастическим зверем и не с чуждым для среднеазиатской фауны львом, но с обитателем Аму-Дарьинских джунглей, тигром. Несмотря на миниатюрность изображения, ясно видны длинное кошачье тело хищника, его небольшая голова на гибкой шее, полосатость шкуры. Изображение тигра нередко в искусстве поздней среднеазиатской античности; напомним живопись дворца шахов Хорезма в Топрак-кале.²⁶ Почти прямую аналогию нашей инталии дает реверс особой группы согдийских монет, которые долгое время стояли в разряде неопределенных во времени.²⁷ М. Е. Массон определил их как среднеазиатскую группу V в. н. э., установив, что ареал их хождения ограничивался долиной Кашка-Дарьи и лишь с надчеканами они допускались к обращению в области Бухары. Последние по времени находки этих монет имели место именно в Кашка-Дарьинском районе, при раскопках городища Шор-тепе.²⁸ Все эти данные позволяют настаивать на локальном происхождении геммы 159/15 и датировать ее временем, близким к указанной группе монет.

Несомненно также среднеазиатское происхождение геммы 159/7, которая может быть датирована временем около IV в. н. э. Она почти пунктуально повторяет изображение бегущего вправо двугорбого верблюда с поднятым хвостом, встречающегося на аверсах особой группы среднеазиатских медных монет, на обороте которых изображен невысокий алтарь с пылающим огнем.²⁹ М. Е. Массон локализует эти монеты областью Бухары, а время их обращения IV—V веками. В китайских хрониках (История Северных дворов) говорится, что владетель Ань (области Бухары) «сидит на золотом престоле, представляющем верблюда. вышиною от 7 до 8 футов».³⁰ Двугорбый верблюд исстари считался «бактрийским» (т. е. среднеазиатским), в частности, в

рельефе на лестнице большой ападаны в Персеполе именно двугорбого верблюда ведут бактрийцы в дар ахеменидскому шахиншаху.³¹ Сердоликовая пластинка интали 159/7 тонка, техника резьбы почти силуэтная; налицо известное снижение мастерства сравнительно с объектами первых веков н. э. Датировка ее, видимо, восходит к IV—V вв. н. э., а местом изготовления является

Согд. Сходное изображение двугорбого верблюда имеется на одном эрмитажном сосуде³², сасанидском по времени и согдийском, как нам кажется, по происхождению.

Поздне-парфянской по времени и происхождению может быть признана гемма 159/2. Женская фигура, переданная в штриховой манера резьбы, близка к некоторым парфянским интالياм II в. н. э. из некрополя Михеты-Самтавро.³² Близкие аналогии дает изображение женщины на парфянской гемме из собрания Э. Херцфельда³⁴ и на гемме с пехлевийской надписью из Калькуттского музея.³⁵

Видимо парфянской является миниатюрная гемма 159/14, которая содержит традиционный в парфянском искусстве (в частности в камнерез-



Илл. 6

ном) сюжет всадника на скачущем коне. Аналогии нашему изображению дает ряд оттисков печатей из Нисы,³⁶ инталия из Селевкии на Тигре,³⁷ парфянский терракотовый рельеф Берлинского музея.³⁸ Тема скачущего всадника была популярна и в прикладном искусстве античного Хорезма, как о том свидетельствуют терракотовые фрагменты из Джанбаскалы,³⁹ из Кой-Крылган-калы,⁴⁰ хотя изобразительная манера здесь несколько отлична от парфянской. Прием резьбы и стиль изображения сближают наш экземпляр 159/14 именно с объектами парфянской глиптики II—III вв. н. э.

В коллекции музея значительна группа гемм, судя по стиле-

вым данным, местной глиптики первых веков до и после н. э., с изображениями животных — реальных и фантастических. Некоторые из них так миниатюрны (60/3, 8, 9), что трудно даже определить породу животного. Однако большинство изображений четко и выразительно по исполнению. Инталия 60/3 сходна с эллинистической геммой Парижской Национальной Библиотеки.⁴¹⁾

Комбинированная объемно-выемчатая и штриховая манера резьбы позволяет датировать первыми веками нашей эры геммы с изображением зебувидного быка — шествующего (60/10), или лежащего (159/46). Сюжет этот был настолько популярен на протяжении столетий, что сам по себе он не дает возможности предложить более утонченную дату. В нумизматике Средней Азии и северо-западных областей Индии бык-зебу известен уже на монетах II в до н. э. — Эпандра, Диомеда, Аполлодота, Маеза и др.⁴²⁾ Но тот же мотив представлен на парфянской гемме из Нисы с именем Михренака, датируемой II в. н. э.⁴³⁾ и на целом ряде еще более поздних (сасанидской эпохи) резных камней, как например, на гемме с пехлевийской надписью ADURPATAN (Азербайджан) из Калькуттского музея.⁴⁴⁾ Восточные инталии с изображением зебувидного быка имеются и в причерноморских сборах⁴⁵⁾ — показатель исключительно широкого ареала распространения этого мотива в древности.

Не менее популярен был в камнерезном искусстве античного Востока и сюжет мчащегося горного козла (159/24), который пришел еще из ахеменидского искусства, где встречается на памятниках теревтики⁴⁶⁾ и ювелирного мастерства.⁴⁷⁾ По стилю резьбы данный экземпляр может быть датирован I—II вв. н. э., а близость к изображениям на печатях Нисы позволяет считать гемму парфянской.⁴⁸⁾

Среди полиморфных существ, изображенных на наших печатях, имеются крылатый конь и грифон. Тема крылатого коня, помимо резных камней (60/4 и 6) представлена на металлических печатях музейного собрания.⁴⁹⁾

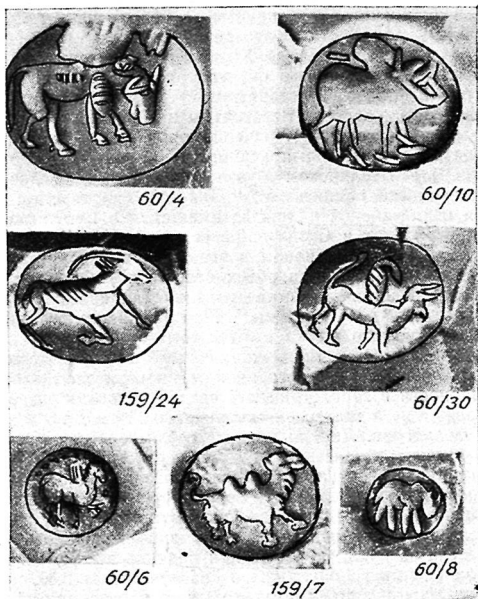
Датировка данных инталий затруднена чрезвычайной популярностью этого сюжета в восточной глиптике, где он встречается начиная с селевкидского времени (буллы из Варки),⁵⁰⁾ кончая поздне-сасанидским — временем. Но если на селевкидских печатях представлен Пегас греческой мифологии, то каково было значение крылатого коня в среднеазиатской и иранской среде? С какими культовыми представлениями он связан, какой легендарный образ в нем воплощен? Несомненно, что в него вложено какое-то местное смысловое истолкование, так как образы мифологического творчества греков, проникшие на Восток в пору его эллинизации, к началу нашей эры уже сходили на нет.

По-видимому в основе здесь лежат образы маздеизма. Крылатый конь изображает или Веретрагну, который в одном из перевоплощений являлся в виде белого коня, или Тиштрию, который вступал в борьбу с демоном засухи Апаоша «в образе белого

коня, прекрасного, златоухого», о чем, повествуется в гимнах Авесты.⁵¹⁾ Существовали-ли изображения этих принимавших конское обличье божественных героев в ахеменидскую пору — неизвестно. Но в эпоху освоения на азиатской почве художественных достижений эллинистического мира вполне правомерна попытка создания их иконографии, причем за основу был принят тип Пегаса, чуждый для местных воззрений по своему содержанию, но очень подходящий по облику. Крылья коня, которые не упомянуты в Авесте, придавали его скульптурному двойнику небытовой характер, небесные свойства (полет) и ту зримую динамику, которая передает и ярость Веретрагны и неистовство Тиштрии. Как показывают находки в Причерноморьи, сердоликовые инталии с крылатым конем были присущи именно для восточного круга глиптики.⁵²⁾ В Берлинском Музее есть гемма с крылатым конем и пехлевийской надписью MARTBUTRAST²³⁾; гемма с тем же сюжетом и пехлевийской надписью имеется и в Британском Музее.⁵⁴⁾ При раскопках в Сузах найдена была уникальная бронзовая монетка с крылатым конем, шагающим вправо, и с позднепехлевийскими надписями на обеих сторонах.⁵⁵⁾ Фигурки крылатых коней встречаются в составе изделий так называемой сасанидской торевтики⁵⁶⁾ и глиптики.⁵⁷⁾ При раскопках в Ктесифоне найдено панно резного штука с «Пегасом».⁵⁸⁾ Фрагмент фигуры крылатого коня, имеется также и резном штуке Варахшского двorca под Бухарой.⁵⁹⁾ Все это является показателем чрезвычайной популярности в зороастрийской среде данного образа, основа которого лежит не в греческих сказаниях о Пегасе, но в местном народном фольклоре. Любопытно, что среди горных таджиков до недавнего времени существовали поверья об «аспи-аби» — крылатом водяном коне. Узбеки-же полагали, что породистые жеребята чистокровного коня карабаира появляются на свет с невидимыми крылышками у передних лопаток, которые через несколько минут после рождения исчезают; по обычаю полагалось принимать жеребена на руки, чтобы он при падении этих крылышек не сломал, так как иначе он лишится способности долгой, неутомимой скачки. Несомненно, к тому-же кругу представлений о крылатом коне восходят и древне-китайские рассказы о «небесных лошадях» Средней Азии.

Стиль резьбы позволяет поставить датировку музейных гемм 60/4 и 60/6 с изображением крылатого коня по времени в первых веках нашей эры, т. е. в рамках кушанской эпохи. Известна печать Калькуттского Музея с крылатым конем и именем Хармизда, которая по стилю надписи датируется второй четвертью IV в. н. э.⁶⁰⁾ При раскопках в Беграме (кушанская Каписа) была найдена керамика со штампованной орнаментацией, где изображена пара обращенных друг к другу крылатых коней.⁶¹⁾ Если присовокупить к этому бронзовые печати из коллекции И. Т. Поставского, найденные в Термезском районе, станет очевидной широкая распространенность данного сюжета в государстве Кушан.

К той-же категории фантастических существ относится и грифон на геммах 60/30. Это не так называемый «иранский» — львоподобный, но орлевидный грифон. Области распространения этого сюжета в искусстве так обширны — от Сибири до Средиземно-



Илл. 7

морья, а хронологический диапазон так велик — от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э., что сам по себе он ничего не определяет и ничего не датирует. По стилистическим данным гемма 60/30 может быть поставлена около грани нашей эры, в круге восточной глиптики (заметим, что по представлениям древних «родиной» грифонов считалась Бактрия). Сходная гемма хорошего эллинистического стиля хранится в Парижской Национальной Библиотеке.⁶²⁾

Несомненно «восточное» происхождение геммы 60/7, хотя локализовать ее точнее пока затруднительно. Об этом говорит материал (альмандин — «цейлони») и характер мелких, трудно

различимых буквенных знаков. Изображение кисти руки возле уха с крупной двойной серьгой может быть связано с каким-то девизом вроде «Внемли!» или прутковского «Бди!». Крупные серьги такого рода были присущи для мужских украшений Среднего Востока. Небольшая сердоликовая инталия (видимо восточного производства) со сходным жестом кисти руки, придерживающей два шарика, подобных серьге на нашей гемме, найдена в Ольвии.⁶³⁾ Аналогичное изображение дает гемма Британского музея, относенная почему-то в разряд так называемых «сасанидских» (полагаем, что она более ранняя), где рука дана в обрамлении лавровых ветвей и развевающихся лент.⁶⁴⁾ По стилю и технике резьбы датировка геммы 60/7 может быть отнесена ко времени около начала нашей эры.

Весьма оригинально изображение на другом, может быть близким по времени альмандине музейной коллекции 60/15. Оно, очевидно, передает легендарный сюжет, образ сказочного народного героя, (в его одежде нет деталей царского или аристократического сана), едущего на сайгаке. Округло-коническая шапка и короткий, расширяющийся кафтан находят аналогии в кушанской нумизматике.

Коснемся попутно еще одного миниатюрного альмандинда музейной коллекции 60/71. Это привозной экземпляр, его индийское происхождение несомненно. По технике работы (может быть и по дате?) он близок к описанной выше инталии 60/7. Гемма содержит мотив «тримурти». Видимо, это трехликий Шива, подобный более поздней статуе этого божества из храма в Элефантине, но может быть также Равана, многоликий, демонический царь Цейлона, с которым бился Рама, герой «Рамаяны»; изображения Раваны имеются в рельефе Каиласы в Эллуре⁶⁵⁾ и в других памятниках позднебрахманской пластики. Стиль резьбы уводит нашу гемму еще ко времени индо-скифских и кушанских царей.

Приведенный выше предварительный анализ группы резных камней Музея истории УзССР характеризует ее, как интересный комплекс объектов древней глиптики. В ее составе устанавливаются как предметы привозного происхождения — из областей греко-римского мира и Индии, так и ряд гемм среднеазиатского происхождения, изготовлявшихся в областях Бактрии и Согда. Первые являются важными показателями культурных взаимосвязей античной Средней Азии, вторые наглядно-свидетельствуют о расцвете местной глиптики в пору развитых рабовладельческих среднеазиатских государств.

Примечания

1. Максимова М. И., Геммы из некрополя Мхеты-Самтавро (раскопки 1938-39 гг.). Вестник Государственного Музея Грузии, т. XVI—V, Тбилиси, 1950, стр. 221 сл.

2. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., Оттиски парфянских печатей из Нисы. Вестник древней истории, 1954, № 4. стр. 159 сл.

3. Описание археологических и нумизматических коллекций, принадлежащих Ташкентскому музею и Туркестанскому археологическому кружку. Ташкент, 1900, стр. 26—27. А. (Д). Калмыков, Аму-Дарьинский клад и греко-бактрийское искусство. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, г XIII, Ташкент, 1909, стр. 37, табл. после стр. 38.

4. Вундцетель Н. Э. Интересная гемма из коллекции Туркестанского Восточного Института. Сборник ТИ в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923, стр. 146—147.

5. Пугаченкова Г. А., Три ахеменидские геммы Музея истории АН УзССР, вып. 3, Ташкент, 1955; Е ÷ — же. Материалы по восточной глиптике. Труды САГУ, вып. СХI, Ташкент, 1957.

6. Marshall F., Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the Department of Antiquities British Museum. London, 1907, pl. XIII, № 422, p. 75.

7. Ср. гемму с изображением Леды и лебедя, опубликованную S. Reinach. Pierres gravées. Paris, 1895, pl. 76, № 71.

Толстов С. П., Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. Вестник древней истории, 1953, № 2, стр. 159.

9. Furtwängler A. Die Antiken Gemmen. Berlin, 1900, т. XXVI, № 72.

10. Кибальчич Т. В., Южно-русские геммы. М., 1910, табл. VII, № 241, стр. 47.

11. Там-же, № 240.

12. Furtwängler A. op. cit., т. XXVI, № 32, 48, 73, 77—81, S. Reinach, op. cit., pl. 23—25. H. B. Walters. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London. 1926, pl. XVII.

13. Reinach S. op. cit., pl. 26, № 50—9.

14. Smith V. Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta. Oxford, 1906. pl. I, № 11.

Тревер К. В. Памятники греко—бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 61 сл.

16. Лившиц В. А., Согдийский документ В—4 с горы Муг. „Советское востоковедение“. 1959, № 6, стр. 129.

17. Horn, P., Steindorff G. Sassanidische Siegelsteine. Mitteilungen den Orientalischen Sammlungen, H. IV. Berlin, 1891, № 1029.

18. Stein A. Ancient Khotan, Oxford, 1907, vol. I, p. 219; vol. II, pl. XLIX—B. D. 001 d, c.

19. Ghirshman R. Quelques intailles du Musée de Calcutta à legendes en tokharien, Pehlevi Sassanide. Orientalia in memoriam Ernst Herzfeld. New-York, 1952, pl. XXI, 9, p. 115.

20. Marshall F. H., Catalogue... op. cit., pl. XVI, № 542, 551.

21. A Survey of Persian Art (SPA). London—New-York. 1938—1939, vol. IV, pl. 255—K.

22. de Morgan J., Manuel de numismatique orientale. Paris, 1923—1936, fig. 617.

23. Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб, 1909, табл. СХХУ, № 310.

24. SPA, vol. IV, pl 123—G, L.

25. Массон, Пугаченкова. Оттиски... цит. соч., рис. 1, стр. 162.

26. Толстов С. П., По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, рис. 49.

27. de Morgan J., op. cit, p. 425.

28. Кабанов. С. А. Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши. Известия АН УзССР, 1954, № 1, стр. 92.

29. Smith V. Catalogue... op. cit., pl. XXV, 20, p. 242.

30. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена ч. III, М—Л, 1950, стр. 272.

31. Архитектура древнего мира. Т. 1, М., 1944, табл. 119.

32. Орбели И. А., Тревер К. В., Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 55.
33. Максимова М. И., Геммы из некрополя Мцхеты—Самтавро. цит. соч., №№ 13, 40.
34. Herzfeld E. Die Malerei von Samarra. Berlin, 1927, Abb. 4, s. 19.
35. Ghirshman R., op. cit., pl. XXI—7, p. 114.
36. Массон—Пугаченкова, Оттиски... цит. соч., рис-2—8, стр. 166—167.
37. Debevoise. N. Parthian Seals, SPA, vol. I, fig. 126—bb.
38. Persn Art. An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington iahouse. London, 1931, pl. 1.
39. Толстов С. П., Древний Хорезм... цит. соч., табл. 82.
40. Толстов С. П., Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—Швв. до н. э. Кой-крылган-кала. Вестник древней истории, 1953, № 1, рис. 7.
41. Babelon M. E. Intailles et camées... de la Bibliothèque Nationale, Paris, 1899, pl. IX, № 143, p. 54.
42. de Morgan J., op. cit. fig. 441, 455, 457, 470, 493.
43. Массон—Пугаченкова, Оттиски... цит. соч., рис. 17. М. М. Дьяконов. Надписи на парфяньских печатях из древней Нисы. Вестник древней истории, 1954, № 4, стр. 172.
44. Ghirshman R., op. cit., pl. XXI—8, pp. 114—115.
45. Кибальчич Т. В. цит. соч., таб. 1, № 1, 2, 15.
46. SPA, vol. IV, pl. III—112.
47. Там—же, 122—E.
48. Массон—Пугаченкова, Оттиски... цит. соч., рис. 10. 12.
49. Калмыков А. Д. цит. соч., таблица.
50. Speelers L., La collection des intailles et des empreintes de l'Asie Antérieure au Musées Royome du Cinquantenaire à Bruxelles. Wettern, 1923, p. 204.
51. Бехрам Яшт, 1—5; Тиштр—Яшт, 26—29. См. Отрывки из Авесты в пер. Е. Э. Бертельса. „Восток“, кн. 4. М.—Л. 1924, стр. 6—8.
52. Кибальчич Т. цит. соч., табл. 1— № 16, стр. 30.
53. Alotie de la Fuye. Inventaire de monnaies trouvées a Su e. Memoires de la Mission Archéologique de Perse. T, XX. Paris, 1928 p. 46.
54. SPA, vol. IV. pl. 255—AA.
55. A. De la Fuye, op. cit., p. 46.
56. Смирнов, цит. соч., табл. XXVI, 9—10.
57. Mordtman A., Studien über Geschnittene Steine mit Pehlevi-Inschriften. Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft, Bd. XVIII, Leipzig, 1864, Taf. III—V.
58. Schmidt H., L'expédition de Ctesiphon en 1931—1932. Syria, XV, 1934, pl. III—F.
59. Шишкин В. А., Архитектурная декорация дворца в Варахше. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. IV. Л., 1947, табл. XIII.
60. Ghirshman R. Quelques intailles... op. cit., pl. XXI—3, pp. 105—107.
61. Ghirshman R., Begram. Le Caire, 1946, pl. L.
62. Babelon M. E. Intailles et camées..., op. cit., pl. VIII, № 137.
63. Кибальчич, цит. соч., табл. III, № 94.
64. SPA, vol. IV, pl. 255—S.
65. Havell E. B. Indian Sculpture and Painting. London, 1908, pl. XXVII.

И. Ахраров, З. Усманова.

БУСЫ ИЗ КУВЫ

Бусы вообще представляют собой массовый материал при археологических раскопках. О бусах написан целый ряд специальных работ, посвященных их классификации.¹ Но подобных работ незначительное количество, а, между тем, прекрасных коллекций много и, в частности, собрания бус среднеазиатских музеев представляют значительный интерес.

В настоящее время сделаны первые шаги в изучении бус с территории Средней Азии. По линии Хорезмской археолого-этнографической экспедиции описаны бусы древнего и раннесредневекового Хорезма, украшения из раскопок Топрак-кала,² опубликованы бусы из собрания кафедры археологии Средней Азии ТашГУ.³ Из года в год описываются сборы бус из раскопок Мерва по линии Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. В ряде публикаций археологического материала встречаются отдельные упоминания и краткие описания разновременных бус из датированных культурных слоев.

К числу датированных относятся и бусы из Кувы, найденные в раскопках 1958 года. Кроме раскопчного материала, были использованы и подъемные бусы. Данная работа ни в коей мере не претендует на исчерпывающий всесторонний анализ бус. Задача авторов — кратко описать и датировать их с тем, чтобы ввести интересные сборы в научный обиход.

Средневековое городище Кува находится в одноименном районе Ферганской области Узбекской ССР. Изучение городища ведется с 1956 г. специальным археологическим отрядом института истории и археологии АН УзССР, возглавляемым проф. Я. Г. Гулямовым. Бусы были найдены при раскопках жилого комплекса, расположенного в северо-западной части шахристана Кувы и в ряде шурфов, заложенных на территории рабада. Рассмотрим бусы в хронологическом порядке.

Бусы X века.

В 1957 году во время рытья могилы могильщиком на современном кладбище Калын Постын были обнаружены интересные

фрагменты поливной керамики, симобкузача, медные монеты, которые по внешнему облику можно отнести к саманидскому времени, а также бусы в количестве 11 штук. Кладбище находится в 200 м. к северо-западу от шахристана Кувы и расположено на одном тепе размером 240×180 м., часть которого была разнесена местными жителями при выборке земли для хозяйственных нужд.

В августе следующего года на том месте, где были сделаны могильщиком вышеописанные находки, нами был заложен стратиграфический шурф, не затрагивающий захоронения. В результате было выяснено, что уровень, где были обнаружены находки, приходится на слои конца IX—X вв. Это примерно 1,5 м от уровня современной поверхности. Полученная стратиграфия показала, что уже в IX—X вв. данная территория рабада средневековой Кувы была густо населена. По сообщениям авторов X в. Кува предстает как большой город, наипроцветающий в области Фергана. Она по обилию садов и проточных вод превосходила Ахсыкет и, будучи столицей особого округа, находилась на главном торговом пути.⁴ Это была пора, когда государство Саманидов достигло небывалого расцвета: развиваются различные виды ремесел, торговля, отмечается подъем культурной жизни.

Бусы с кладбища Калын Постын по материалу изготовления делятся на каменные, стеклянные и керамические. Причем, в количественном отношении преобладают стеклянные бусы.

Каменные бусины представлены бледножелтым халцедоном бочкообразной и цилиндрической формы размером 1,2—1,5 см при диаметре 0,7 см. (рис. 1—1,2).

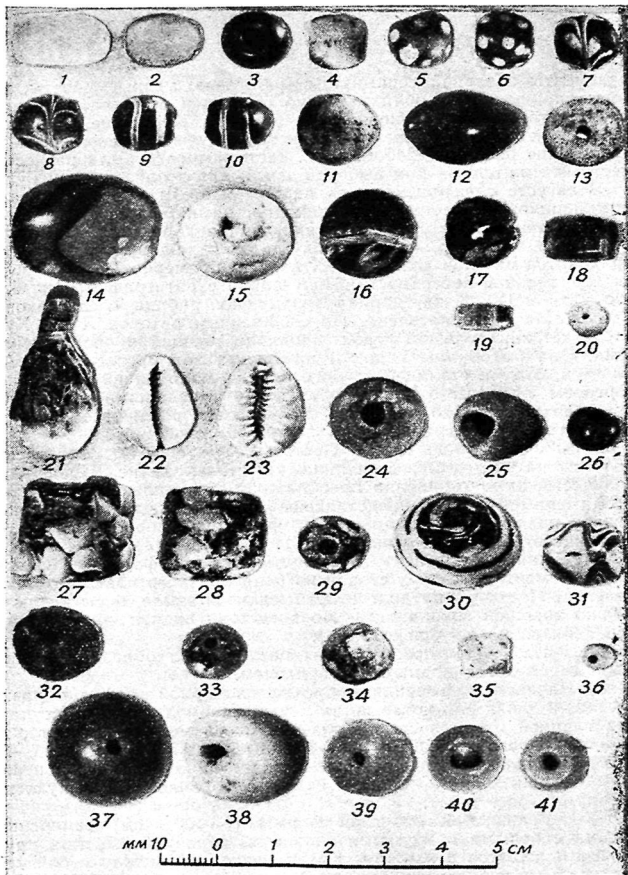
Стеклянные бусы почти все круглоовальной формы со срезанными сегментами с двух сторон из непрозрачного цветного стекла (пасты). Несмотря на долгое пребывание в земле, бусы исключительно хорошей сохранности. По внешнему виду и орнаментации они делятся на несколько типов.

Глазчатые бусы представлены несколькими образцами, отличающимися оригинальным своеобразием.

а) Плоская кольцевидная бусина из черной пасты с разноцветными глазками, которые, за исключением двух, не выступают над гладкой поверхностью. Глазочки очень мелкие красного, голубого и белого цветов. Размеры бусины 1,1 см \times 0,7 см (рис. 1—3).

б) Усеченная овальная ярко-желтая бусина (диаметр поперечного сечения 0,6 см, длина 1,1 см) с коричневыми выпуклыми глазками (рис. 1—4).

в) Неправильной округлой формы (1,1 \times 0,9 см) темносиняя бусина с белыми и желтыми глазками, образующими два круга по шесть глазков в каждом. Круги разделены между собой двумя желтыми глазками и в каждом из них желтые глазки находились сверху и внизу, так, что они оказывались расположенными по краям бусины, образуя как бы квадрат. Поверх белых глазков наносилась дополнительно прозрачная бесцветная стеклянная капля (рис. 1—5).



Илл. 1. Бусы X века: 1, 2—халцедоновые, 3—10—пастовые, 11—керамическая. Бусы XI—XII вв.: 12.—халцедоновая, 13— из известняка, 14, 19— агатовые, 15—20—каменные, 16—18, 26—сердоликовые, 21—23—подвески, 24—25—керамические, 27—33—пастовые, 34—36—стеклянные. Подъемные: 37, 39, 40—сердоликовые, 38—каменная, 41—из благородного змеевика.

г) Усеченная с двух соторон округлая бусина (1,0×0,9 см) из черной пасты с белыми глазками, которые расположены рядами по направлению оси отверстия. В каждом ряду по 3—4 неодинаковых глазка (рис. 1—6).

Другой тип бус (рис. 1—7) представлен оригинальными пастовыми бусинами с орнаментацией, расположенной поперек к направлению оси отверстия, в виде растительного побега с плодами или нераскрывшимися бутонами. Эффектно сочетание черного, желтого, голубого и розового цветов. По поверхности одной усеченной овальной бусины (1,1×0,8 см) черного цвета рельефно желтой пастой нанесен растительный стебель с отходящими в обе стороны удлиненными листьями, над которыми по обе стороны от стебля изображены плоды каплеобразной и округлой формы, выполненные многоцветной пастой. Для этого смешивали пасту разных цветов: голубой с розовым, белый с зеленовато-голубым и белый с розовым. Плоды-глазочки располагались симметрично по обе стороны стебля и один и тот же цвет повторялся через ряд.

Такого же типа (рис 1—8) остальные бусины из темно-голубой пасты сделаны менее тщательно, выбиты отдельные глазки, имеются изъяны. Если на описанной выше бусине в орнаменте бесконечного вьюнка нет начала и конца, то на остальных растительный побег начинается сбоку вдоль углубления и заканчивается на этом же уровне с противоположной стороны, образуя как бы спираль в один оборот. Стебель с листьями сделан из белой пасты, а глазки из розовой, прозрачно-зеленой и белой.

Следующий тип (рис. 1—9,10) представлен бусами неправильной округлой формы (1,1×0,9 см) из черной пасты с украшением в виде трех параллельных полос, расположенных поперек направлению оси отверстия. Орнамент занимает почти всю поверхность бусины и состоит из идущих по кругу двух широких белых полос (0,1—0,2 см), поверх которых проведена тоненькая коричневая линия, а между ними пропущен золотой ободок — украшение всей бусины. Сочетание черных и белых тонов с золотом весьма оригинально.

Керамические бусы (рис. 1—11) представлены одним экземпляром неправильной округлой формы 1,4×1,2 см.). Тесто желтовато-серого цвета, хорошей отмучки, слабого обжига, сохранились следы розового ангоба. Ось отверстия проходит не через центр бусины.

Бусы XI—XII веков.

Бусы были найдены при раскопках 1958 г. в северо-западной части шахрестана Кувы (раскоп № 1). Они связываются в основном с культурными слоями XI—XII вв., давшими характерную для того времени поливную и неполивную керамику, монеты и стеклянные предметы.⁵ По материалу бусы делятся на каменные,

керамические и стеклянные. В числе украшений имеются подвески и ракушки.

Каменные бусы (рис. 1—15, 20) из окаменелых органических остатков, из породы типа орогонитовых, представлены двумя экземплярами.⁶ Крупная бусина белого цвета с желтоватым оттенком имеет округлые очертания и представляет собой окаменелое заполнение несохранившейся ракушки, давшей на камне отпечаток в виде спирали (1,7×1,5 см). В глазке спирали просверлено маленькое отверстие.

Бусы из известняка почти все плоские, круглые (1,3×0,2 см) со следами красной краски на поверхности (рис. 1—13).

Несколько бусин сделано из агата (рис. 1—13, 14). Крупная эллипсоидная бусина из дымчатого агата (2,5×2×1 см), со светлой окрашенными участками в местах образования крупных трещин, имеет тщательно отшлифованную поверхность и очень маленькое отверстие. Меньшая бусина удлиненной цилиндрической формы (0,8×0,3 см) сделана из полосчатого или ленточного серого агата.

Из сердоликовых бус (рис. 1—16) интерес представляет красного цвета бусина полуцилиндрической формы с поперечным отверстием. Диаметр основания 1,6 см., толщина 0,8 см. Сердолик хорошего качества, тщательной шлифовки, а на одном из круглых щитков следы неудачного нанесения орнамента. Остальные бусы (рис. 1—17, 18, 26) из желтоватого, светло-розового и золотисто-оранжевого сердолика с вишнево-красными вкраплениями. Формы цилиндрические и круглые. У последних полосчатость является как бы украшением и проходит по кругу под углом к оси отверстия.

Другие каменные бусы сделаны из халцедона. Биконическая бусина (1,9×1,3 см) из зеленовато-серого халцедона, с черными естественными вкраплениями, в зависимости от освещения меняет свой цвет⁷ (рис. 1—12).

Стеклянные бусы подразделяются на изготовленные из стекла и так называемой стеклянной пасты. Последние хорошей сохранности, между тем как стеклянные имеют характерную иризацию и очень хрупки.

В количественном отношении пастовые бусы преобладают над стеклянными, среди которых есть образцы, заслуживающие внимания. Так округлых очертаний (1,1×1 см) бусина из темного стекла имеет рифленую поверхность, переливающуюся цветами радуги, в силу чего из-за сильной иризации трудно определить настоящий цвет стекла. Рифления расположены по направлению оси отверстия (рис. 1—34).

Двенадцатигранная молочно-белого цвета бусина имеет пористую поверхность вследствие сильного выветривания (рис. 1—35).

Остальные бусины, очень мелкие, из прозрачного зеленого и голубоватого стекла покрыты сплошной белой пеленой, образо-

вавшейся в результате иризации стекла. Их можно отнести к бисеру (рис. 1—36).

Среди бус имеется один круглый со срезанным сегментом в основании стеклянный глазок из зеленого прозрачного стекла для вставления в перстень. Поверхность вставки — глазка местами покрыта тонкой пленкой иризации.

Пастовые бусы делятся на глазчатые и имитирующие благородные камни. Глазчатые представлены двумя крупными и одной маленькой бусинами черного цвета цилиндрической формы (рис. 1—27, 29). Крупные сделаны из пористой пасты (1,8×1,5 см) с торчащими желтыми глазками неопределенной формы (квадратные, ромбические, вытянутые, круглые). От выпавших глазков сохранились на поверхности бусины значительные углубления. На одной бусине (половинке) глазки группируются по несколько штук и имеют округлые очертания.

На бусине меньших размеров (1,1×0,7 см) голубые глазки расположены рядами по продольной оси, введены в самую пасту и не выступают над гладкой поверхностью.

Интересна круглая бусина из непрозрачного стекла болотного цвета с орнаментацией в виде двух печеночно-красных (напоминающих плавенный лесс) глазков в желтовато-зеленой оправе, расположенных с противоположных сторон бусины и соединенных между собой рядом параллельных полос цвета оправы, идущих поперек оси отверстия (рис. 1—33).

Вторая группа пастовых бус представлена плоской, круглой темно-синей с фиолетовым оттенком (1,5×0,4 см) бусиной, явно имитирующей ляпис-лазурь и имеющей гладкую, хорошо отшлифованную поверхность (рис. 1—32). Искусственная ляпис-лазурь известна нам еще по древнему египетскому и ассиро-вавилонскому стеклу и изготовление ее продолжало практиковаться и в средние века.⁸ Темно-синий цвет искусственной ляпис-лазури из непрозрачного стекла объясняется содержанием значительного количества окиси кобальта. Нельзя не упомянуть здесь о находке египетской сини из Старой Нисы, которая представляет собой искусственный силикат меди. Из нее делали украшения, имитирующие изделия из настоящей бадахшанской ляпис-лазури.⁹

Крупная биконическая (2×2 см) черная бусина с украшением в виде ряда белых волнистых полос, идущих поперек оси отверстия, имеет тщательно отделанную поверхность и имитирует структуру природной полосчатости камня (рис. 1—30).

Другая желтая бусина имеет весьма оригинальную передачу структуры камня (рис. 1—31). Несмотря на примитивность техники изготовления пастовых бус, благодаря пластичности стекло-массы, мастер соединил несколько прутиков пасты разных цветов так, что получилась имитация естественной жилистости и полосчатости камня. На желтом фоне выигрышно сочетаются красный, черный и белый цвета: в печеночно-красном обрамлении на белом

фоне черные линии различной толщины образуют основной рисунок.

Керамические бусины имеют форму срезанного по бокам круга, тесто розового цвета, ангоб коричневый (1,4×1,1 см.) (рис. 1—24).

Бусины из кашина в форме усеченного конуса и неправильно-го круга (1,2×1 см; 1,5×1,4 см) покрыты голубой и зеленовато-голубой поливой (рис. 1—25).

На раскопе был найден также фрагмент плоского кашинного украшения (толщина 0,5 см) с рельефным изображением на одной стороне в виде двух концентрических кругов, вписанных один в другой, с выпуклыми точками между ними. От линии внешнего круга свисают на одинаковом расстоянии друг от друга украшения в виде круглых бубенчиков. Подобные бусы и подвески часто встречаются в раскопках квартала керамистов на территории рабада Султан-калы в Мерве и на ряде средневековых городищ Хорезма.¹⁰

К числу украшений относится подвеска каплеобразной формы в виде «кулона» из белого кварца в бронзовой оправе, охватывающей грани камня и заканчивающейся отверстием для подвешивания (рис. 1—21) Длина 2,9 см, ширина 1,3 см, толщина плоского кварца 0,3 см. Мастер стремился достичь выигрышного сочетания отливающей блеском бронзы с белоснежным кварцем. Украшение выглядело парадно. Такого рода подвески встречаются довольно редко, что наводит на мысль о принадлежности их представителям зажиточных слоев населения. Будучи украшением, подвеска могла быть одновременно и амулетом. Надо отметить, что подвески слабо освещены в литературе и находки их в количественном отношении уступают бусам.¹¹ Следует отметить, аналогичную подвеску XI—XII вв. из белого кварца, но покрытую ярко-голубой глазурью, с городища Шах-Сенем, а для XIII—XIV с Шемах-кала в Хорезме.¹²

К числу подвесок следует отнести и две просверленные раковины «каури» из бассейна Индийского океана (рис. 1—22, 23). Каури на территории Средней Азии встречаются гораздо чаще, чем это отражено в литературе. Уже в эпоху бронзы они, судя по археологическим данным, путем меновых отношений завозились на территорию Средней Азии и высоко ценились.¹³ В Ак-Тамском могильнике на пруди покойников находились также украшения из каури.¹⁴ В позднеантичных памятниках Хорезма просверленные каури встречаются в качестве подвесок, расположенных в середине ожерелья.¹⁵ Большой спрос на каури был в средние века, когда они продолжали служить амулетами, и встречаются очень часто по нескольку штук в погребениях караханидского времени в Киргизии.¹⁶ Небезынтересно отметить также, что в Мерве на средневековом городище Султан-кала раковины каури встречаются очень часто как подъемные, так и в раскопках. Использование каури в качестве украшений указывает на

большую ценность такого вида ракушек на территории Средней Азии как в древности, так и в средние века.¹⁷

Подъемный материал с городища Кува представлен несколькими фрагментами коралловых подвесок¹⁸ и каменными бусами, в числе которых одна белая подтреугольной формы сделана из окаменелых органических остатков. (рис. 1—38). Вторая полуцилиндрической формы бусина сделана из зеленовато-желтого благородного змеевика (рис. 1—41). Остальные бусины все сердоликовые круглых очертаний, красного, розового и желтоватого цвета с розовыми едва заметными прожилочками (рис. 1—37, 39, 40). На одной бусине сделан небольшой щиток для нанесения изображения — может быть это заготовка для геммы.

Каменные бусы особенно ценились в древности, так как камням-самоцветам приписывалась чудодейственная сила, в которую верили древние люди и которая, по их верованиям, помогала тем, кто обладал такими камнями. Люди эмпирически познавали целебные свойства многих камней, которым приписывали волшебную силу. Каждый камень имел свои достоинства. Считалось, например, что бирюза приносит счастье в любви и, если смотреть на нее, исчезает утомленность глаз; сапфир излечивает всякие вредные наросты; яшма исцеляет все болезни и т. д.¹⁹

Бусы из самоцветов были излюбленным украшением и амулетами на протяжении почти всей истории человечества. Материал бус самый распространенный и обычный для Средней Азии, на территории которой украшения из халцедона, агата, сердолика, кварца и благородного змеевика встречаются очень часто, начиная уже с эпохи бронзы.²⁰ Все эти минералы как включения встречаются в среднеазиатских горных разработках и поэтому есть основание считать исходный материал местного происхождения, а бусы — местного производства. Поскольку камень — материал вечный, то и сделанные из него бусы могли быть в употреблении на протяжении долгого времени, переходя из рук в руки. Кроме того, бусы из благородных камней, найденные в средние века на памятниках античного времени, еще больше ценились и считались амулетами, оберегавшими от злых духов, болезней и несчастий. Поэтому при датировке каменных бус, если они не из культурного слоя, следует быть несколько осторожными. Каменные бусы встречаются часто при археологических раскопках на территории Средней Азии и особенно в погребениях.²¹

Круглая, биконическая и цилиндрическая формы бус были довольно распространенными.²² Близкие аналогии бусам из Кувы находим в детских и взрослых погребениях караханидского времени в Киргизии. Вместе со стеклянными бусами они были разбросаны по всему костяку, а в некоторых погребениях сосредоточены около кистей.²³ Детские нашейные украшения с городища Сукулук состояли из кораллов, раковин каури, кварцевых, сердоликовых, бирюзовых, стеклянных и керамических бус шаровидных, цилиндрических и биконических форм, аналогичных бу-

сам из Кувы.²⁴ Следует также упомянуть, что среди каменных бус с городища Кават-кала И. В. Пташниковой отмечен амулет из необработанного «камня животного происхождения».²⁵ Эти находки указывают, что в средние века на территории Средней Азии окаменелые органические остатки часто использовались для выделки бус.

Что касается техники изготовления каменных бус, то этот вопрос достаточно хорошо освещен в литературе.²⁶ Обычно бусы сверлились алмазным сверлом с двух сторон и часто ось отверстия не получалась строго горизонтальной.

Вопрос техники изготовления стеклянных бус также затрагивался в литературе. Еще египетским и ассиро-вавилонским стеклоделам была известна вязкая стеклянная масса, пригодная для изготовления бус и других украшений.²⁷ Бусы делались путем навивания стекла в размягченном состоянии на кусок проволоки и затем вторичного нагрева для устранения неровностей и округления поверхности. Эта примитивная в своей основе техника прошла через тысячелетия и в средние века мастера поистине достигают шедевров в производстве бус из непрозрачного стекла, имитирующих благородные камни. Несмотря на то, что к этому времени стеклоделы научились получать прозрачное цветное и бесцветное стекло, изготавливать круглое оконное стекло, высокохудожественные образцы стеклянной посуды, все же продолжалась традиция делать украшения из непрозрачного стекла, именуемого в литературе пастой.²⁸ Ярким примером могут служить бусы из Кувы. Техника изготовления бус оставалась попрежнему примитивной. Паста представляла собой вязкую стеклянную массу, получаемую при низких температурах. Пасту наматывали на керамический или медный стержень, окатывали на каменной доске и продольный шов на полученной трубочке заглаживался окончательно при повторных разогревах. Заготовка разрезалась на отдельные бусины, которые подправляли от руки. При изготовлении глазчатых бус глазки вводились, в одном случае, перед окаткой при вторичном подогреве так, что глазки плотно входили в массу бусины и не выступали над ее поверхностью, в другом — после окатки вставляли нарезанные кусочки пасты и подогревали для закрепления торчащих глазков. Таким способом изготовлены черные бусы с желтыми вставками из Кувы.

Бусы, имитирующие камни, делались каждая в отдельности и здесь проявлялось мастерство и фантазия стеклодела. Чтобы нанести на бусину полосчатость, концентрические круги, брали стеклянные прутки разных цветов, раскатывали заготовку в лепешку, наносили рисунки, затем рукой накатывали ее на стержень и подогревали. Часто и после этого оставались следы соединения пасты (например, желтая бусина с имитацией естественной жилы камня). После вторичного подогрева поверхность бусины становилась гладкой и блестящей. Иногда требовалась дополнительная шлифовка и заточка от руки. Тут же следует

упомануть найденные на Афрасиабе бусины, еще не снятые со стержня, находящиеся в коллекциях кафедры археологии Средней Азии. Они раскрывают нам картину техники изготовления стеклянных бус в средние века на территории Средней Азии.²⁹

Необходимо подвергнуть химико-технологическому анализу стеклянные и пастовые бусы из Кувы, что позволит установить качественный состав стекла и количественное соотношение компонентов, могущих стать указателями локальной и хронологической особенности кувинского стекла. Очевидно, среднеазиатское стекло не является одинаковым по составу для всех районов Средней Азии. На этот вопрос точный ответ могут дать только анализы химического состава древних стекл и бус из раскопок разных территорий.

Средневековое стекло XI—XII вв. из Узгента частично было подвергнуто анализу и М. А. Безбородов высказался за их местное производство. Если в самом Узгенте изготавливали для широкого потребления стеклянную посуду в форме прафинов, кувшинов, пиал, рюмок и др., то, безусловно, эти же стеклоделы умели делать и бусы. И если в раскопе Ю. А. Заднепровского не были встречены бусы, то это еще не дает основания М. А. Безбородову считать отсутствие бус явлением характерным для Узгента и других районов Средней Азии.³⁰ При этом следует учесть, что стеклянные бусы на территории Средней Азии встречаются повсеместно³¹ и в Ферганской долине известны еще с эпохи бронзы. В Ак-Тамском могильнике эпохи поздней бронзы и раннего железа в детских и взрослых погребениях были встречены бусы из белой пасты, синего стекла и мелкий бисер.³² В катакомбных захоронениях I—IV в. н. э. украшения также представлены пастовыми, стеклянными и каменными бусами.³³ В караханидских погребениях Киргизии количество стеклянных бус увеличивается, а пастовых попрежнему мало и они очень просты по сравнению с кувинскими бусами этого же времени.

Прямые аналогии некоторым стеклянным и пастовым бусам находим на средневековых городищах Кават-акала, Шемаха-кала³⁴ и античных памятниках в Хорезме, давших глазчатые и черные бусы с белым орнаментом.³⁵

Безусловно, в средние века кувинские мастера в какой-то мере подражали античным бусам, и вместе с тем создавали новые образцы, которые по своей оригинальности характерны именно средневековой школе ремесленного производства. Особенно проявилось мастерство и фантазия в изготовлении пастовых бус. Малое количество подъемных бус в городище Кува объясняется тем, что в настоящее время местное население часто посещает развалины специально в поисках древних бус и монет, которые используются ими как амулеты.

Бусы в средние века в качестве тумаров-оберегов от несчастий и дурного глаза носили дети, женщины и мужчины. А как украшение бусы из соединенных между собой бусин различных

форм и цветов использовались в основном женщинами и детьми. Они были в широком употреблении и у духовенства. Не исключена также возможность ношения некоторых крупных бус в качестве подвесок на конце женской косы.³⁵ Эта характерная для Востока мода известна по изображениям на античных резных камнях³⁷ и сохранилась у некоторых племен до настоящего времени. Возможно трещины на агатовой бусине дымчатого цвета можно объяснить постоянным соударением бусин при ходьбе.

Таким образом, рассмотренные нами средневековые бусы из Кувы позволяют сделать следующие выводы. Как показал сравнительный анализ, среди кувинских бус есть широко распространенные экземпляры, имеющие сходство с бусами других территорий Средней Азии, между тем, основная масса пастовых бус аналогий в публикациях пока что не находит и остается характерной только для Кувы. Особо выделяются бусы с растительным мотивом, вносящие своеобразие и оригинальность в коллекцию бус из Кувы. Отсутствие подчас точных аналогий в литературе указывает на недостаточную изученность бус Средней Азии поры средневековья.

Анализ кувинских бус показал, что несмотря на примитивность техники изготовления, мастера умели создавать оригинальные образцы бус, которые указывают, с одной стороны, на общий уровень развития ремесленного производства, с другой — на культурный уровень и эстетические потребности того времени.

При специализированном ремесленном производстве X—XII вв. и керамист и стеклодел, наряду с основной продукцией, безусловно, изготавливали также и бусы. Но, учитывая большой спрос на бусы у населения, при том уровне развития производительных сил, нам кажется, что уже в то время выделяются группы ремесленников, которые специально занимались производством различных бус на рынок.

Примечания

1. Леммлейн Г. Г., Опыт классификации форм каменных бус, КСИИМК, в. XXXII, 1950; Гуревич Ф. Д., Древнейшие бусы Старой Ладogi, СА, XIV, 1950; Шапова Ю. Л., Стекланные бусы Древнего Новгорода, МИА, 55, 1956; Деопик В. Б., Классификация бус Северного Кавказа IV—Увв., СА, 1959, № 3.

2. Пташникова И. В., Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции т. 1, М., 1952, стр. 105—118; Там же, Трудновская С. А., Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала, стр. 119.

3. Боброва А. С., Бусы из Афраснаба, КСИИМК, XXX, 1949.

4. Худуд-ал-Алем, рукопись Туманского, Л., 1930, стр. 96; Бетгер Е. К., Извлечение из книги „Пути и страны“ Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля, Труды САГУ, в. CXI, Археология Средней Азии IV, Ташкент, 1957, стр. 26.

5. Ахраров И., Средневековые стекланные бокалы из Кувы, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1960, № 4 стр. 24.

6. Швецов М. С., Петрография осадочных пород, 2 изд., М.—Л., 1948.
7. Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность Нине Тимофеевне Уклонской за любезное определение породы камней, из которых сделаны бусы.
8. Качалов Н. Н. Стекло, М., 1959, стр. 47.
9. Леммлейн Г. Г. Фрагменты каменных изделий из раскопок в Старой Нисе, Труды ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 386.
10. Рапопорт Ю. А., Раскопки городища Шах—Сенем в 1952 г., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 415.
11. Леммлейн Г. Г., Опыт классификации форм каменных бус, КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 164, рис. 542.
12. Рапопорт Ю. А., Цит. соч., стр. 415; Вактурская Н. Н., О раскопках 1948 г. на Шемаха-кала, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 189, рис. 16, в, г, д.
13. Массон В. М., Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73, М.—Л., 1959, стр. 203, табл. XXXVI, 3.
14. Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г., Ак-Тамский могильник, КСИИМК, в. 69, 1957, стр. 80.
15. Трудновская С. А., Украшения позднеантичного Хорезма... цит. соч., стр. 125.
16. Бернштам А. Н., Раскопки городов Сарыга, Баласагуна и Якальга, Труды Семиреченской археологической экспедиции „Чуйская долина“, МИА, 14, М.—Л., 1950, стр. 46, табл. XIII, 2 3.
17. Дьяконов М. М., Работы Кафирниганского отряда, Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. 1, МИА, 15, М.—Л., 1950, стр. 170; Беленицкий А. М., Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг., Труды Таджикской археологической экспедиции, МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 35.
18. В средние века на территории Средней Азии широко использовались в качестве украшений коралловые подвески. См. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки центральной Тянь—Шаня и Памиро—Алая, МИА, 26, М.—Л., 1952, стр. 168; Пташникова И. В., цит. соч., стр. 117.
19. Безбородов М. А., Стеклоделие в Древней Руси, Минск, 1956, стр. 14.
20. Массон В. М., Цит. соч., табл. IV.
21. Дьяконов М. М., цит. соч., стр. 162, 169; Беленицкий А. М. цит. соч., стр. 34, 35, рис. 13.
22. Большинство бус из Пянджикентского храма А. Ю. Якубовский связывает с декоративной скульптурных изображений идолов, а не с украшениями, живых людей. Якубовский А. Ю., Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. 1, МИА, 15, М.—Л., 1950, стр. 43, табл. 50, 1, 2; Давидович Е. А., Раскопки замка Калаи-Бало, Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 88, рис. 14.
23. Бернштам А. Н., Раскопки городов... цит. соч., стр. 46, 47, табл. XIII, 1, 5.
24. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки... цит. соч. стр. 168.
25. Пташникова И. В., Цит. соч., стр. 117.
26. Леммлейн Г. Г., Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе, КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 22—30; Его же, Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя, Доклады АН Азерб. ССР, V, 1949, стр. 83—86; Его же, Каменные бусы Самтаврского некрополя, Материалы по истории Грузии и Кавказа, XXIX, 1951, стр. 183—209.
27. Flinders Petrie, Glass in the early ages, Journal Society of Glass Technology, vol. X, № 39, 1926, стр. 229, 234; В эпоху Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.) китайцы выработывали стекло только в виде „пасты“, см. Salmony A., Chinese glass Han and Tang periods, Journal of American ceram. Society, 1930, vol. 13, № 5, part I, p. 330.
28. Качалов Н. Н. цит. соч., стр. 48.

29. Боброва А. С., цит. соч., стр. 121—123.
30. Безбородов М. А. цит. соч., стр. 80—81.
31. Бентович И. Б., Находки на горе Муг, Труды Таджикской археологической экспедиции, т. III, МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 371; Там же, Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б., Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., стр. 313; Неразник Е. Е., Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 39, рис. 11.
32. Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г., цит. соч., стр. 80—84, рис. 29.
33. Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г., Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг. История материальной культуры Узбекистана, в. 1, Ташкент, 1959, стр. 19, рис. 6; Пастовые бусы были найдены и в гунских захоронениях Памиро—Алая, Бернштам А. Н., Раскопки памятников... цит. соч., стр. 300, 314.
34. Толстов С. П., Древний Хорезм, М., 1948, табл. 2; Вактурская Н. Н., О раскопках 1948 г., цит. соч., стр. 191, рис. 16.
35. Пташникова И. В., цит. соч., табл. 1; Трудновская С. А. цит. соч. стр. 124, табл. II.
36. Леммлейн Г. Г., Фрагменты каменных изделий... цит. соч., стр. 387 рис. 8.
37. Книпович Т. Н., Греко-персидские резные камни Эрмитажа, Сборник Гос. Эрмитажа, вып. 3, 1926, табл. III, рис. 5.
-

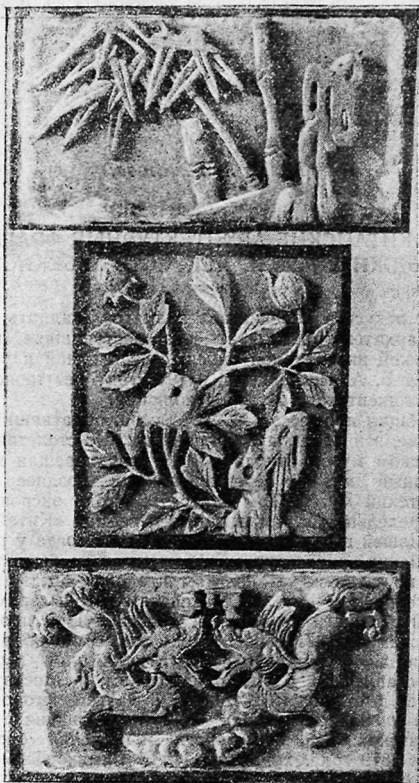
М. И. Моложатова.

ДРЕВНИЕ КИТАЙСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ФРАГМЕНТЫ ИЗ КУЛЬДЖИ В МУЗЕЕ ИСКУССТВ УЗБЕКИСТАНА

В Музее искусств Узбекистана хранятся двадцать три древних китайских архитектурных фрагмента, поступившие в музей, согласно краткой инвентарной описи, составленной научным работником музея Б. А. Пестовским, в 1937 году без точной паспортризации из Ташкентского Музея революции.

Как сообщил профессор М. Е. Массон, обративший на них наше внимание, эти объекты с конца прошлого столетия находились в Ташкентском музее, откуда в 1919 году перешли в Туркестанский народный музей, переименованный позднее в Главный среднеазиатский музей. Там они с 1924 года экспонировались в отделе сопредельных стран, в так называемой «Китайской комнате», отражавшей в основном Синьцзян. Уже тогда у рассматриваемых китайских архитектурных фрагментов не было точной документации, но удалось установить, что они были вывезены из Кульджи генералом Г. А. Колпаковским в годы временной оккупации этой отпавшей от империи династии Цин провинции царскими войсками с 1871 года по 1881 год. Было обращено внимание, что они не фигурировали среди коллекций Кульджинского района, доставленных Г. А. Колпаковским в Москву на Политехническую выставку 1872 года.¹⁾ С другой стороны участник Самарской ученой экспедиции для исследования направления Среднеазиатской железной дороги и изучения бассейна реки Аму-Дарья 1879 года, художник Н. Е. Симаков имел возможность зарисовать некоторые из этих архитектурных элементов осенью этого года в числе других объектов, находившихся тогда в Туркестанском музее.²⁾ Очевидно в получающемся семилетнем промежутке они и были вывезены из Кульджи.

Китайские архитектурные фрагменты представляют собой замечательные образцы искусства народов, живших на территории древнего Синьцзяна. В эту коллекцию входят: 6 обожженных кирпичей с барельефными изображениями; 2 веерообразно расположенные плиты с нанесенными на них иероглифами; 4 узких



Илл. 1 Кирпич с барельефным изображением ветки бамбука около старого камня. 2. Кирпич с барельефным изображением «Цветущей ветки у старого камня». Кирпич с барельефным изображением «львообразных драконов» Эпоха Сун. XII в.

лентообразных настенных барельефа; 2 вертикальных панно с иероглифическими надписями; 3 скульптуры (терракоты), изображающие головы драконов; 2 небольших куска орнаментированного кирпича; маленькую розетку; скульптурный орнамент с иероглифом «юэ»; архитектурный фрагмент с черепахой и меандром.

Материалом для всех фрагментов послужила лёссовая глина в соединении с алебастром, под влиянием обжига давшим большую плотность материалу и светлосерый цвет.

В этом небольшом собрании архитектурных фрагментов большую художественную ценность представляют собой шесть орнаментированных кирпичей с оттиснутыми в высоком рельефе изображениями, детали которых выполнены с необычайной четкостью, тщательностью и выразительностью.

На первом кирпиче ($32 \times 18 \times 5,5$ см³) орнамент представляет собой «ветку бамбука». Тема взята из традиционной китайской живописи «гохуа». Бамбук, который называют «другом Китая», является символом благородства, твердости и долголетия.

Орнамент второго кирпича ($35 \times 30 \times 5,5$ см³) изображает цветущую ветку у старого камня. Здесь приемы китайской живописи перенесены в орнамент, который оттиснут в высоком рельефе и вдобавок снабжен внутренним рисунком, причем на листочках жилки нанесены резьбой.

На третьем орнаментированном кирпиче ($32 \times 18 \times 5,5$ см³) представлены «два львообразных дракона в облаках». Народный мастер с большой экспрессией изобразил их стоящими друг против друга с раскрытыми пастьями и с развевающейся гривой. Львообразные драконы являются символом львов Будды «Шицзы» — хранителями буддийских храмов. Такие кирпичи обычно окаймляют пьедестал статуи Будды.

На поверхности оставшихся трех кирпичей (29×18 см², 29×18 см² и 38×24 см²) оттиснут сложный рельефный узор, изображающий листья лотоса и листья аканта. Четыре узких настенных барельефа состоят из отдельных частей, на которых оттиском нанесен растительный орнамент в виде вьющихся листьев аканта и стилизованных цветов, имеющих симметричную композицию. Настенные барельефы поражают благородством форм и четкостью рельефного узора. Настенные барельефы имеют аналоги в фресках пещерных храмов Дуньхуана.³⁾

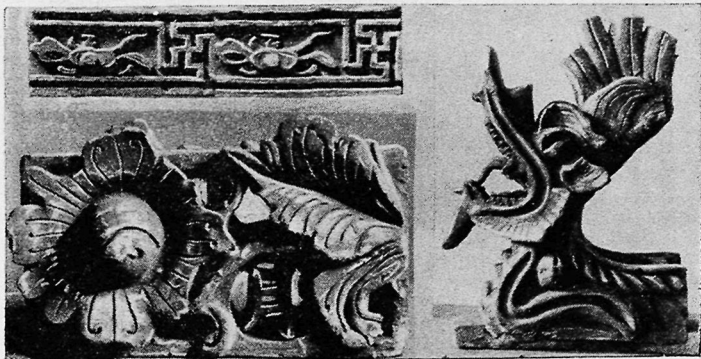
Большой интерес представляют два вертикальных панно (дзуйцы). Каждое панно составлено из трех частей. На каждой части оттиснуто одинаковое количество иероглифов: в четырех случаях по два иероглифа и в двух — по три. Надписи буддийского содержания. На первом панно надпись имеет следующий текст: Цзюйбу цясы жу и лу — «Когдаходишь (сюда), как будто вступаешь на путь истины». На втором панно помещена заключительная фраза: Цзюйгун южу чу ли мынь — «А когда выходишь (отсюда), низко поклонись».



Илл. 4. Настенный барельеф с вьющимися листьями аканта. Эпоха Сун. XII в.
 5. Первое панно; „Когдаходишь(сюда),какбудтовступаешьнапутьистины“.
 6. Второе панно; „Акогдавыходишь(отсюда),низкопоклонись“.
 7. Фрагменты скульптурного украшения с иероглифами „свещающаяся звезда“.

В состав описываемого небольшого собрания фрагментов входит две веерообразно расположенных плиты с приподнятыми полями. В центре каждой из них нанесен иероглиф: на первой, иероглиф «чжао»=«освещать», «светиться»; на второй «син»=«звезда». Перевод этих двух иероглифов означает—«светящаяся звезда...» Текст не закончен, так как не хватает еще, по крайней мере не менее, одной, плиты.

Китайские орнаменты всех приведенных архитектурных элементов поражают, прежде всего, своим многообразием, отража-



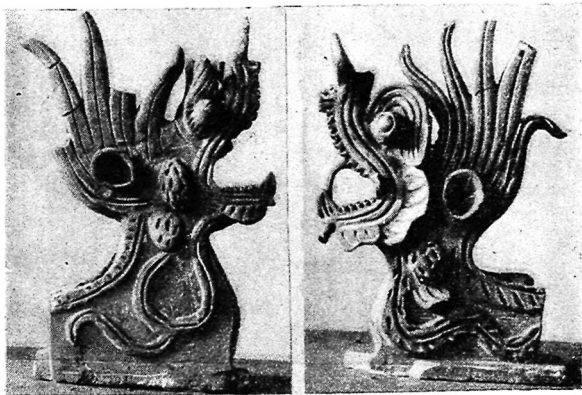
Илл. 8. Двухсторонний скульптурный орнамент с иероглифом „Луна“. 9. Плиты с меандром и черепками „биси“ !1. Скульптурная голова дракона.

ющим национальные особенности и богатую фантазию народных мастеров.

Архитектурный фрагмент с иероглифом «юэ»—«луна» представляет собой двухстороннее скульптурное украшение, выполненное сквозной резьбой (55×20×10,5 см³). Композиция орнамента состоит из большого листа с рельефными жилками и стилизованного цветка с выпуклой яйцевидной серединой, которая разделена волнистой чертой на две части с углубленной точкой в каждой, что является символом, отражающим философские идеи в художественных формах. Деление на две части символизирует дуализм в природе, взаимодействие двух космических сил «ян» и «инь», силы света и тьмы, мужского начала и женского, неба и земли и др. В их взаимодействии, по философским воззрениям древних китайцев, рождались все вещи и явления мира. Лист и цветок расположены параллельно с двух сторон, прикрепляясь к керамическому прямоугольнику. У основания между листом и

цветком вписан круг, в центре которого находится иероглиф «юэ» = «луна». Орнамент имеет аналогии в росписях восточно-туркестанского пещерного храма № 45 в Безекликте.⁴)

Очень интересным является также двусторонний орнамент трех одинаковых архитектурных фрагментов (38×19×13 см каждый), изображающей мифическую черепаха «биси» и меандр, который в местах переплетения образует буддийскую эмблему, называемую также свастикой. Этот же знак является символом

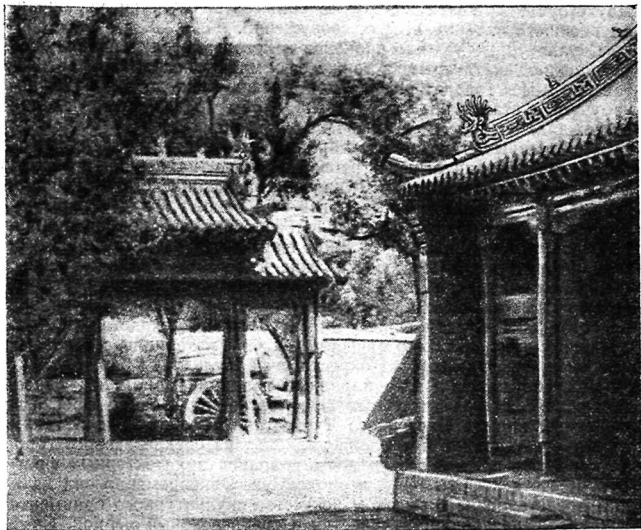


Илл. 10. Скульптурные головы драконов.

китайского иероглифа «вань» = «десять тысяч». Орнамент отснут по частям в высоком рельефе. Двухсторонний орнамент может служить оформлением ребра крыши.

Особое внимание привлекают три скульптуры из обожженной глины, изображающие головы драконов. Две скульптурные головы драконов высотой 65 см и 53 см обращены друг к другу. Свириное выражение широко открытых зубастых пастей, выпуклых глаз под изогнутыми надбровьями, с пятью волнообразными рогами на голове, напоминающими хвост рыбы—все порождает своей необычайной четкостью в выполнении деталей. Третья скульптурная голова дракона меньших размеров (высотой 46 см) с открытой пастью и с жаловидным языком выполнена в другой манере. Пять ее рогов на голове выступают вверх и в основании плотно прижаты друг к другу. Скульптура имеет темносерый цвет.

В результате изучения этого небольшого собрания древних архитектурных китайских фрагментов можно сделать вывод, что фрагменты принадлежали культовому сооружению буддийского толка, очевидно кумирни. На это дают прямое указание иероглифические надписи, содержанием которых является изречение из буддийских канонов. Прямую аналогию мы находим в фототипии



Илл. 12. Ворота кумирни оазиса Са — Чжоу

ворот кумирни из оазиса Са Чжоу в окрестности Дуньхуана, приведенную В. И. Роборовским в трудах экспедиции по Центральной Азии.⁵⁾ Кумирня из Са Чжоу дает ясное представление, как размещались скульптурные украшения на крыше. Ребро ската крыши кумирни закрыто двухсторонним орнаментом, заканчивающимся скульптурной головой дракона, аналогичной ташкентским объектам. Конек крыши ворот кумирни на фототипии заканчивается двумя скульптурными головами драконов, обращенных мордами друг к другу, что также находит явное соответствие с архитектурными скульптурами из коллекции Музея искусств Узбекистана.

Вместе с тем, собрание древних китайских архитектурных фрагментов на Кульджи неоднородно, и возможно они принадлежат нескольким сооружениям. Орнаментированные обожженные кирпичи в одном из культовых сооружений могли служить для pedestалов и платформ, а также облицовочным материалом внутреннего помещения в другом. Настенные барельефы могли окаймлять фрески как в кумирнях, так и в пещерных храмах. Двухсторонние же скульптурные орнаменты служили украшением внешнего вида культовых сооружений.

Скульптурные головы драконов «Чювэнь» неслучайно служат украшением ската крыш и также оформляют концы коньков. Китайские мифы говорят, что дракон Чивэнь очень любит воду, почему его и ставят на коньки крыш, чтобы предохранять здание от пожара.

Три головы драконов из собрания архитектурных фрагментов имеют прямую аналогию с головой дракона, найденной в 1956 г. в раскопках, предпринятых Тувинской экспедицией МГУ в урочище Дён-Терек на реке Эгелест, где был открыт город второй половины XII века, который являлся центром северной провинции государства кара-китаев (Си Ляо). Кара-китаи были прекрасными гончарами, они знали алебастр, гипс и местные лёссовые глины, могли делать крепкий кирпич и обожженную скульптуру. Голова дракона из открытого раскопками города кара-китаев, сделанная из серой обожженной глины, имеет большое сходство как по внешнему виду, так и по качеству и цвету материала с головами драконов, вывезенными из окрестностей Кульджи.⁶⁾

Высокохудожественные народные традиции орнамента древних китайских архитектурных фрагментов, их связь с фресками пещерных храмов Восточного Туркестана эпохи Сун, а также сходство с терракотой «Голова дракона» из средневекового города кара-китаев дают возможность собрание архитектурных фрагментов отнести к XII веку, периода Сун. Одновременно они дают нам представление о высоком искусстве скульптурного орнамента у народов, населявших Туркестан в средневековый период. Сама же оригинальная техника оттисков рельефных рисунков и резьба по сырому тесту лёссовой глины и алебастру позволяют думать, что народные мастера были не китайцы, а тюрки.

Описанная небольшая коллекция древних китайских архитектурных фрагментов в экспозиции Музея искусств Узбекистана является оригинальными образцами высокого народного искусства средневекового Синьцзяна, в свое время несомненно спасенными Г. А. Колпаковским от полной утраты их для науки. Как известно, в пору так называемого «дунганского восстания», вспыхнувшего в середине XIX столетия и приведшего в 1865 году к отпадению от Китайской империи Чжунгарии, Кашгара и прилежащих районов, сопровождалось не только истреблением цинских властей и их приспешников, но также уничтожением массы памятников, связанных с буддизмом. Это охватило и Кульджу. Как

отмечал Л. Ф. Костенко, после указанного восстания в течение многих лет «большие многолюдные города, особенно густо расположенные в долине верхней Или, лежали в развалинах, среди которых бродили хищные звери. Арыки были заброшены, вследствие чего прежние пахотные места обратились в пустырь... Велик был погром...».⁷⁾ Наглядные следы последствий этого восстания даже еще в начале 90-х годов прошлого столетия наблюдал В. И. Роборовский, который писал: «Дома, кумирни—все быстро было уничтожено... Масса развалин фанз и кумирен, всюду бросающихся в глаза и ныне еще, рисуют наглядную картину того разрушения, которое принес сюда известный Бэ Ян-ху со своими дунганями».⁸⁾

Есть все основания надеяться, что по мере развития и расширения археологических изысканий в Китайской Народной Республике, которые несомненно захватят и Синьцзян, окажется возможным опознать и руины той средневековой кумирни, элементы архитектурной декорации которой бережно хранятся в Музее искусств Узбекистана.⁹⁾

Примечания.

1. Коллекции из Кульджикского района, доставленные генералом Г. А. Колпаковским. Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки, М., 1872, стр. 73—76.

2. Симаков Н. Е., Искусство Средней Азии. Сборник среднеазиатской орнаментации, СПб., 1883, лист 12. «Кирпичи взяты из развалин старых построек в Кульдже».

3. Чжен Чжень-до, Дуньхуанские фрески, (альбом, на китайском языке). Пекин, 1952, листы 14, 15 и 16.

4. Ольденбург С. Ф., Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г., СПб., 1914 табл. XIV.

5. Роборовский В. И., Труды экспедиции Русского географического общества Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг., ч. 1. СПб., 1900, после стр. 214.

6. Кызласов Л. Р., Средневековые города Тувы, СА, 1959, № 3, стр. 77.

7. Костенко Л. Ф., Чжунгария, СПб., 1887, стр. 94.

8. Роборовский В. И., ук. соч., стр. 217.

9. Как явствует из показанной нам М. Е. Массоном фотографии экспозиции 1924 года в Главном Среднеазиатском Музее фрагментов кульджинской кумирни, среди последних имелись тогда еще два объекта, теперь не числящиеся в собрании Музея искусств УзССР. Они представляют собой два фрагмента полуцилиндрических черепиц. Черепицы заканчиваются круглой лицевой стороной, которая украшена штампованным орнаментом, изображающим лицо духа хранителя дверей «Хуфашэна» — защитника буддийского учения.

Н. И. Крашенинникова.

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗДАНИЯ В СЕВЕРНОМ КОМПЛЕКСЕ СТАРОЙ НИСЫ

Старая Ниса, отстроенная как дворцово-храмовый заповедник при старших Аршакидах, включает два основных комплекса сооружений: южный—дворцово-храмового характера и северный. Последний впервые подвергся археологическому изучению в 1935—36 гг. Результатом закладки А. А. Марущенко многочисленных узких и неглубоких траншей явилось выявление шести маленьких комнат.¹ Планомерные раскопки широким фронтом, начатые ЮТАКЭ в 1948 году, привели к почти полному вскрытию северного комплекса². Он состоит из трех планировочных групп помещений разного назначения. Главное место занимает Квадратный дом с рядом однотипных замурованных помещений, заполненных различным инвентарем. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова предположили, что это особый комплекс хранилищ, связанных с ритуальным обслуживанием усыпальниц парфянских царей старшей ветви. К востоку от него расположена вторая группа помещений—винохранилища. Третья группа представлена целым комплексом маленьких комнатушек хозяйственно-жилого назначения.

Пониженное пространство между возвышающимися буграми развалин былых сооружений южного и северного комплексов Старой Нисы долгое время не привлекало к себе взора археолога. Лишь поздней осенью 1951 г. после обильных дождей профессору М. Е. Массону удалось по молодому растительному покрову выявить и снять на план схему планировки какого-то крупного многокомнатного объекта, расположенного вдоль южного фаса Большого квадратного дома, выходящего за его пределы вплоть до северо-западной крепостной стены и вытянутого с запада на восток на протяжении свыше 100 м.³

Раскопками ЮТАКЭ, наблюдение над которыми осуществлялось в 1952 г. Г. В. Шишкиной, в 1954 г. С. Б. Луниной и в 1957—58 гг. М. С. Мерцлиевым на площади к югу от Большого дома была выявлена планировка одного ряда комнат парфянского времени, пристроенных к его южному фасау и повторяющих

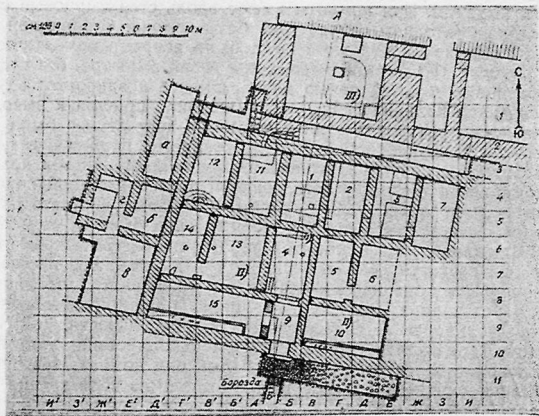
своим обликом соответственно все помещения последнего. Этот ряд включает 4 больших комнаты разного размера и небольшой коридор—выход из Большого дома. Комнаты соединены между собой проходами, одна из них сообщается также переходом со средней комнатой южного фаса Большого дома, фактически являясь, может быть, в последний период функционирования его—вторым выходом. Три комнаты имеют вдоль стен сырцовые суфы и по четыре (в одном случае три) базы колонн. С западной стороны от выхода из Большого дома была вскрыта комната меньшего размера (6,1 м×7,35 м) с одной базой в центре, без суф, но со сдвоенной открытой печью на постаменте и закомом в углу. На основании наличия печи Г. В. Шишкина пришла к выводу о производственном назначении комнаты. К югу от нее была расширена часть коридорообразного пространства шириною в 1,4 м., образованного сильно разрушенной сырцовой стеной так называемого «производственного» помещения и пахсовой стеной хорошей сохранности ряда небольших комнат, о которых в отчете автора раскопок сказано всего лишь несколько слов. Исходя от раскопа Г. В. Шишкиной, мы начали свои работы с зачисток вскрытого ею до уровня верхнего пола помещения 1 и намеченного в северной части шурфом помещения 3, сразу же убедившись, что нанесенный ею без полных раскопок на план один ряд помещений к югу от «коридора» не соответствует действительности. Так, в помещении 1 оказалась еще не вскрытой южная стена, хотя по ее местоположению нанесен на план целый ряд комнат; неверно показаны размеры комнат, совершенно выпали из поля зрения нижние полы, неверна датировка их парфянским временем.

Раскопочные работы по вскрытию центральной части здания производились в течение двух осенних полевых сезонов в 1958 и в 1959 г. нами при участии коллекторов В. Белоусова, И. Мирзакаримова и З. Мамаджанова. В общей сложности за 70 рабочих дней с участием рабочей силы была подвергнута вскрытию площадь в 497 м². Она охватила 18 комнат пахсового здания, часть пространства между ним и парфянскими комнатами, трактованными другими исследователями и нами ранее, как коридор, часть дневного пространства к югу от него, а также борозду, длиною в 56 м, соединяющую северный комплекс с южным. Три комнаты вскрыты неполностью (10, «а» и «в»). Судя по микрорельефу, наше здание имело в длину 102 м. Ширина восточной части здания 16 м, западной—свыше 19 метров.

Западная часть здания, длиною около 40 м., отделена сплошной пахсовой стеной, выходящей за пределы северной стены восточной части вблизи от ю.-з. угла парфянского комплекса. Стены западной части стоят под несколько большим углом по отношению к планировке Большого дома. В направлении же стен восточной части нашего комплекса заметна попытка путем сооружения нескольких трапециевидных комнат выровнять планировку, согласно южному фасу Большого дома. Полностью, однако, сде-

лать это не удалось; если внешние стены юго-западного угла парфянских построек были частично срублены для подготовки места, то у юго-восточного угла здание отступило на 2,9 м.

Планировка обеих частей, хотя и дает по три ряда комнат, не идентична. Восточная часть имеет более регулярную планировку,



Илл. 1. План центральной части дома XI в. у ю. — з. угла
Большого дома парфянского времени.

1. Место находки серебряной драхмы Синатрука, П—место находки
медных фельсов, битых в Абиверде, III—место находки серебряной
тетрадрахмы Митридата I

выраженную двумя рядами почти одинаковых по размеру комнат (преимущественно 2,7 м—3 м×5 м) и третьим рядом длинных узких комнат, вытянутых не вглубь здания, как первые два ряда, а вдоль него, занимая по длине ширину двух и более комнат. Планировка западной части менее ясна. Однако, судя по микрорельефу, здесь мы должны встретиться с большими по размерам комнатами. Из предполагаемых 9—10 комнат в западной части здания нами вскрыты были здесь две совсем крохотных комнатки и длинное узкое коридорообразное помещение («г», «б» и «а»). Одна же из больших комнат, идущих вдоль южного фасада здания, лишь начата вскрытием (комната «в»).

Таким образом, во всей планировке здания чувствуется некоторая разобщенность между западной и восточной частями, связанная с неодновременностью возведения их, а возможно и с несколько иным назначением их использования.

Стены комнат сложены из пахсы. Швы блоков едва заметны в виде трещин. Длина блоков 0,9—1,3 м, высота —0,5 м. В пахсе довольно часто, особенно в северной стене, попадаются мелкие фрагменты парфянской керамики. Структура и сохранность стен северного ряда комнат значительно лучше стен второго и третьего рядов комнат.

Для стен первого ряда характерна монолитность и хорошая сбитость лёсса, для последних—рыхловатая, комковатая структура, коричневого цвета, без примеси керамики. Объяснение этому явлению при одновременности возведения всех трех рядов комнат, мы находим в использовании при возведении первого ряда комнат срубленных парфянских стен, для которых добывался чистый желтый лёсс, а для стен второго и третьего рядов комнат в использовании местного коричневого комковатого старонисийского материкового прогипсованного грунта. Этим объясняется также большая насыщенность гипсовыми солями слоев разрушения в южных комнатах здания.

Одновременно возведенными и наиболее массивными являются в восточной части здания—северная и южная стены, имеющие ширину от 0,9 до 1,1 м. Северная стена сплошная, тянется на расстояние в 67,5 м.—от разделительной стены западной части здания до хумханы III. Южная лицевая стена разделена проходами. Нами вскрыт лишь один из них, ведущий в маленькую комнатку 9, играющую роль вестибюля. Из нее ведут входы в две другие комнаты—15 и 4.

Внутренние стены более узкие и короткие. Ширина их колеблется от 0,55 до 0,72, преимущественно 0,55—0,65 м. Над полами стены сохранились на незначительную высоту—0,1—0,5 м. и при этом сильно оплыли.

Комнаты соединяются между собою проходами, объединяясь по несколько помещений. Ширина их различна—1,72 м.; 0,95 м.; 1,15 м.; 1,34 м и др. В проходах прослеживаются глинобитные пороги высотой в несколько см, или в один-два ряда сырцовых квадратных кирпичей со стороныю 29—30—31—33 см при толщине 5—6 см. В небольшом количестве сырцовый кирпич использовался и в некоторых второстепенных деталях: при выравнивании вогнутости северной пахсовой стены путем подкладки вертикально стоящих рядов кирпича; выкладке каркаса суф из половинок кирпича вдоль южных стен помещений 10 и 15 (ширина суф 0,65 м), заполнявшихся чистой землей; выкладке западной стены комнаты 9 и т. п. В тесто сырца подмешивался иногда в небольшом количестве саман.

Стены комнат покрыты глиняной штукатуркой толщиной 1,5—2 см с примесью большого количества рубленой соломы. Штукатурка стен выкружкой переходит в смазку пола толщиной в 2,5 см. Лишь в комнате 14 и 11 полы сохранили участки грязно-белой алебастровой промазки зернистой структуры толщиной 0,5—1 см вокруг жаровен в виде ямок, обмазанных глиной с але-

бастром и прокаленными докрасна на 2—3 см. стенками, заполненными золой и древесными углями. Диаметр ямок 22 см, глубина 14 см, дно скругленное. Еще меньшего размера ямку обнаружили в глиняном полу комнаты 13. Сжигать топливо в таких ямках было невозможно, поэтому они фактически выполняли функции жаровен: в них насыпали готовые раскаленные угли для обогрева человека. Никаких других печей на территории всего раскопа не обнаружено, также как и кухонного инвентаря. Алебастровая штукатурка имеется на стенах лишь одного еще не вскрытого обнаруженного шурфом в 1953 г. помещения (к западу от комнаты «г»). Говорить о роли данного помещения преждевременно.

Полы комнат, как правило, имеют прогиб в центральной части и подъем к стенам и углам. В северном ряду комнат восточной части здания прослежены по два уровня полов. Расстояние между ними 25—30 см. В южных комнатах из-за гипсовых солей уровни полов читаются с большим трудом. Характерен общий подъем уровней полов с севера на юг, что находит объяснение в небольшом подъеме материкового грунта.

Уровни полов в западной части (в комнатах с буквенным наименованием «а», «б», «в», и «г») несколько ниже уровней полов комнат восточной части здания (с цифровыми обозначениями — от 1 до 15), что также является показателем более раннего времени их возведения.

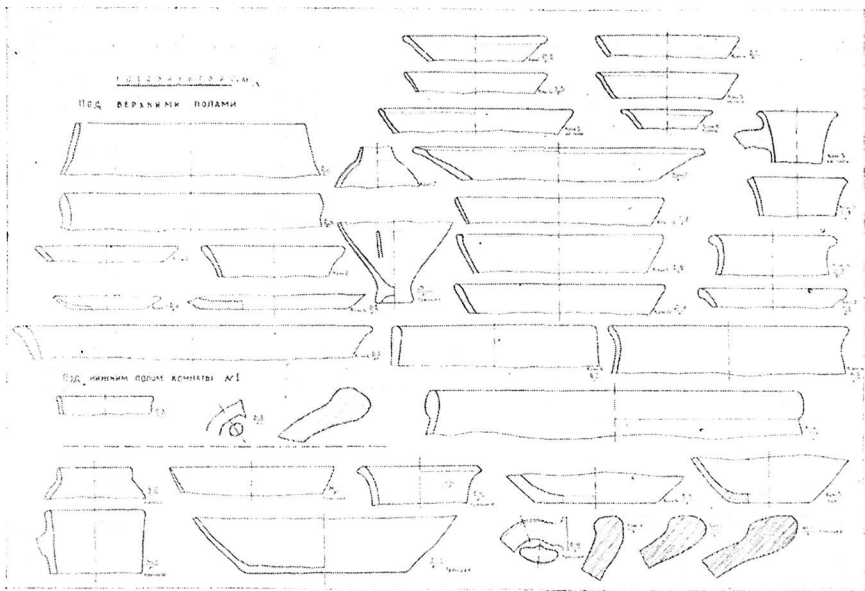
Пахсовые стены уходят под полы до 0,5 м. Пространство под полами заполнено сырцовыми парфянскими завалами в северном ряду комнат и белесой от гипсовых солей однородной землей в двух южных рядах.

В северной стене комнаты 11 под уровнем пола имеется сквозное отверстие шириною в 27 см, оформленное внизу в виде желобка, хорошо заглаженного и выходящего за пределы дома.

В комнате 12 у южной стены сохранился горообразный 40-сантиметровый пахсовый наплыв неизвестного назначения, переходящий плавно в смазку пола. Для выяснения характера перекрытий у нас немного данных: лишь в комнате 10 на полу в направлении с востока на запад лежали куски полуистлевших жердей диаметром 6—7 см. Вероятно, внутри комнат перекрытие было накатным, снаружи земляным.

Все находки, сделанные при раскопочных работах, можно разделить на три хронологических группы: а) парфянского времени, встречающихся в стенах, под полами, над полами, а также в дерновом слое над нашим зданием, б) средневекового времени, встречающихся чрезвычайно редко под полами, чаще на полах и выше, в) керамику, связанную с завалами стен здания.

Вся керамика парфянского времени найдена в мелкофрагментарном, переотложенном состоянии. Формы сосудов, восстанавливаемые из них, типичны для керамики Старой Нисы. Это чаши типа каса, небольших (14 см) и крупных (до 20 см) диаметров,



Илл. 2. Парфянская керамика с территории средневекового дома.

тарелка (28 см), бокал, кувшины, широкогорлые горшкообразные сосуды, хумы. Керамика изготовлена на гончарном круге, тесто красного цвета, внешняя поверхность чаще всего покрыта светлым ангобом. Имеется несколько фрагментов качественной серо-глиняной посуды с черной залощенной поверхностью.

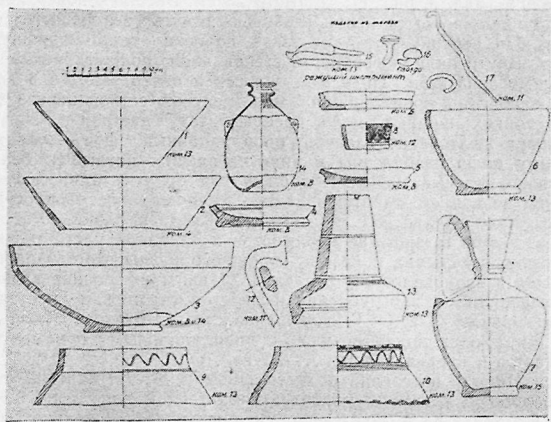
Из других находок этого же времени выделяются три шара из алебастра, известных нам уже по находкам в парфянских сооружениях Старой Нисы в предыдущие годы. Пустоты внутри их содержали семена дикорастущего растения катрана, обладающего большим содержанием крахмала и бродильными качествами, по поводу чего М. Е. Массоном была высказана мысль о возможном использовании стеблей этого растения в качестве сырья для изготовления священного у зороастрийцев напитка хаомы. Подобные шары были найдены в количестве около двух десятков в Круглом храме Старой Нисы и несколько — в Северном комплексе.

Наиболее интересной находкой является серебряная драхма парфянского чекана, хорошей сохранности, обнаруженная в промазке верхнего пола комнаты 4. В момент нахождения она представляла собою сильно окислившийся распухший зеленый кружок от содержания в серебре лигатуры меди. После очистки монета предстала в следующем виде: неправильных очертаний кружок размером 20,5×18 мм при неодинаковой толщине от 0,75 до 1,5 мм. Неодинаковая толщина получилась за счет сдвига основной силы удара с центра в сторону. На аверсе в неполностью получившемся точечном круге помещено погрудное высокорельефное изображение государя влево, в высокой округлой тиаре, обозначенной тремя рядами точек. В центре поля тиары помещена восьмилучевая звезда с точкой посередине. Изображению лица присущ реализм в передаче черт, величавость и спокойствие. Нос крупный, крючковатый, усы и клиновидная борода переданы небольшими слегка волнистыми прядями волос. От тиары на ухо опускается языкообразное точечное забрало, сзади развеваются две ленты от диадемы. На шее изображено нечто в виде гривны. Плечо, задрапировано одеждой. Изображен уже немолодой, внушающий впечатление силы государь.

Изображение на реверсе расположено несколько косо по отношению к аверсу. В четырехугольном поле, образованном семью строками надписи, изображен Арсак вправо, сидящий на троне, в низком клобуке, с развевающимися за спиной от вершины клобука лентами и держащий в вытянутой вперед правой руке небольшой сложный лук. Легенда на греческом языке и алфавите, буквы читаются хорошо, хотя и утяжелены точками: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ [ΑΥΤΟ] ΚΡΑΤΟ [ΡΟΣ] ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ ΕΠΙΦΑΝΟΥ [ΦΙΛ] ΕΛΛΑΝ [ΟΣ] — „Царь великий Арсак, самодержец, благодетель, славный филэллин“.

От слова ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ не поместились на кружке следующие буквы ΑΥΤΟ и ΡΟΣ; от слова ΦΙΛΕΛΛΑΝΟΣ — ΦΙΛ и ΟΣ.

Аналогия нашей монете имеется в публикации Е. Т. Ньюелла.⁴ Опубликованная им монета Синатрука (77—70 гг. до н. э.) почти идентична нашей, но на ней изображен более молодой государь с характерным крючковатым носом, не имеющим себе аналогий среди других парфянских монет, с более короткой бородой. Все атрибуты и легенда те же. По мнению Ньюелла легенда Синатрука содержит редкий титул „самодержец“ [ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ], внушающий, якобы мысль о восшествии на трон, согласно его собственных усилий. Мы имеем полное основание отнести нашу



Илл. 3. Керамика, стекло и изделия из железа с полов комнат дома XI—н. XI. вв.

драхму к позднему чекану Синатрука. К сожалению, эта монета не может датировать наше здание, попав сюда случайно, но является интересной находкой для истории Нисы парфянского времени.

Датирующим материалом служат немногочисленные находки на полах комнат. К ним относятся керамика, стекло и сырцовые кирпичи.

Среди керамики имеются глазурованные и неглазурованные формы. К глазурованным относятся крупные чаши типа касы и шакасы с характерными выступающими в стороны утолщенными, скругленными поддонами. От тулова поддоны отличаются четко. Нижняя плоскость их почти прямая, лишь к центру слегка вогнута, либо имеет концентрическую выбранную неглубокую бо-

роздку, создающую впечатление намечающегося кольцевого поддона. Диаметр дна близок к 10—12 см. Венчики либо прямые со слегка волнистыми стенками чаш, либо загнуты в 3 см от края вверх, что характерно для более крупных открытых сосуды-шакаса. Излом стенки сосуда хорошо читается как с внутренней, так и с наружной стороны. Изготовлены из теста красноватого цвета, на гончарном круге. Глазурь по белоснежной ангобной основе покрывает всю внутреннюю и значительную часть внешней поверхности, несколько не доходя до дна. Приводим описание некоторых наиболее характерных керамических находок.

Чаша (илл. 3, рис. 1). Диаметр 23 см. Внешняя поверхность почти до дна покрыта белой глазурью, с чуть зеленоватым оттенком. По венчику проходит узкая полоска темно-коричневой краски. Внутренняя поверхность стенок чаши покрыта четырьмя большими завитками. Поле между ними и центр завитка в виде круга заполнены процарапанной под глазурью сеткой пересекающихся тонких линий. Глазурь расплывчатая, нечеткая. Завитки покрывает желтоватая глазурь, процарапанный фон — зеленая; по всему полю разбросаны в виде небольших пятнышек белые и темнокоричневые мазки. Подобный тип орнаментации, известный под названием «мраморовидной» имел широкое распространение с X до начала XII вв. по всей Средней Азии. Работы С. Б. Луниной в квартале керамистов в западной части рабада средневекового Мерва показали хорошие образцы этого типа посуды для второй половины X-начала XI вв. и ухудшение качества, выразившееся в огрублении формы и ухудшении цветовой гаммы к концу XI в. О. Г. Большаков считает будто в Мавераннахре «мраморовидная» посуда с процарапанным орнаментом встречается в пределах лишь X—XI вв.⁵

Для Нисы и поселений области Нисы Б. А. Литвинский считает подобную керамику наиболее характерной для X и XI вв., затем в течение XI в. постепенно уменьшающейся в количественном отношении и в XII в. уступающей, наряду с другими полихромными изделиями, керамике более грубых форм, с покрытием голубой глазурью по черепку без предварительного ангобирования.⁶ Последняя считается продукцией более массового производства. И действительно, Новая Ниса со второй половины XII в. и в XIII в. дает ее в огромном количестве.

Чаша (илл. 3, рис. 2), диаметр 26 см. Обе стороны покрыты по белому фону чуть зеленоватой, прозрачной глазурью. По внутреннему краю венчика под глазурью идут мазки выполненные темнокоричневой краской в виде точек. На другом фрагменте подобного типа этой же краской сделаны косые длинные мазки по наружному краю венчика чаши — в виде гребенки. Дно не сохранилось. Значительная часть поля сосуда оставлена чистой. Сочетание орнаментации темно-коричневой краской по белому фону под прозрачной, с чуть зеленоватым оттенком глазурью, также характерно для Нисы XI в.

Шакаса (илл. 3, рис. 3). Диаметр 30 см. Наружная поверхность покрыта белой, с чуть зеленоватым оттенком глазурью. Внутренняя орнаментирована темно-коричневой и светло-коричневой красками по белой грунтовке. Орнамент несложен — один круг по венчику, два в месте излома венчика. От них до середины поля сосуда отходят свисающие гирляндами, подчеркнутыми дополнительными линиями, чечевицеобразные фигуры, делящие верхнее поле шакасы на 4 части. Эти фигуры заполнены шестью повторяющимися элементами орнамента в виде трех вертикальных палочек и завитков, с точками между ними. Некоторые из палочек имеют на концах утяжеления. Орнаментированные участки покрыты желтой глазурью, незаметно переходящей в белую, с чуть зеленоватым оттенком на чистом поле. Желтый цвет получился от расплыва коричневой краски. Все линии имеют несколько расплывчатые очертания. Дно чистое, со следами точек темнокоричневой краской. Используемая гамма цветов широко применялась в керамике конца X—XI вв.

Вышеописанный, повторяющийся сплошной цепью орнамент в виде двух вертикальных и одной косой палочек, утяжеленных на одном конце точками, а затем завитка с точкой, был обнаружен также на одном из донц чаши (илл. 3, рис.4). Все поле донца с двух сторон покрыто глазурью светлорычного цвета. Внутренняя поверхность дна разделена двумя белыми крестообразно расположенными полосами шириною чуть более одного сантиметра. Поле чаши также несет следы подобной орнаментации. Она заполняет эти полосы густой вязью, выполнена очень четко тонкой кистью темнокоричневой краской, слегка расплывшейся желтизной. М. Е. Массон считает желтизну характерным явлением для керамики Нисы XI в.⁷ Нам кажется, что подобный орнаментальный мотив имел в своей основе беглую, нечитаемую имитацию вязи начертания какого-то слова. Глазурь нанесена прямо на черепок, без предварительного ангобирования. Белоснежной грунтовкой произведены только полосы под орнамент. Этот сосуд является переходным этапом к новшеству в производстве керамики — безангобному покрытию черепка глазурью. Как шакаса, так и донце последнего сосуда имеют хорошо выделенные, скругленные, утолщенные поддоны с бороздками снизу и небольшим срезом глины в центральной части — как-бы намечающими переход к кольцевому поддону.

В раскопе в виде мелких фрагментов встречались маленькие чираги, покрытые жидкой зеленой глазурью.

Форма сосудов, характер обработки донца, процарапывание, характер орнаментации, цветовая гамма и качество глазури позволяют отнести их к XI — не позднее самого начала XII в. Небезынтересно отметить, что на всей площади раскопа полностью отсутствовали фрагменты с голубой глазурью.

Из неполивных форм чаще всего встречаются фрагменты кувшинов. Донья у них плоские, но утолщенные, с выступающими

боковыми бортиками, иногда с намечающимся бороздкой кольцевым поддоном. Сохранилась лишь одна форма небольшого кувшина (илл. 3, рис. 7) с невысоким туловом, низкими, круто сворачивающимися плечиками, высокой горловиной, у основания перехваченной рельефным поясом и расширяющейся к венчику, и одной уплощенной ручкой.

Распространенной формой орнамента кувшинов и небольших корчажек было процарапывание по сырой глине горизонтальных бороздок или волнистой линии, состоящей из нескольких полосок по плечикам и горловине. Иногда встречается пересекающееся процарапывание широких волнистых линий «тараком» — инструментом гончара, состоящим из палочки с вставленными в нее несколькими проволочками.

Интересны фрагменты толстостенного керамического предмета сходного с шамдоном, но без дна. Хорошая наружная и грубая внутренняя отделка расширенной части заставляет думать о принадлежности его к керамическим трубам для стока дождевых вод с глиняных крыш.

Довольно часто на полах встречались осколки средневекового прозрачного стекла, изредка мутновато-синего. Стекло очень тонкое, с примесью большого количества пузырьков воздуха. Из осколков удалось воссоздать форму флакона с грушевидным туловом, вогнутым воронкообразным дном, гофрированной горловиной и двумя ручками — проушинами для подвешивания (илл. 3, рис. 14). Аналогии горловине широко известны для стеклянных сосудов в Средней Азии с IX до нач. XIII в. Аналогичный же целый сосуд, лишь с несколько более утяжеленной нижней частью тулова, был найден на Новой Нисе в бадрабе с керамическим материалом IX—X вв.⁸ Несомненно, что подобная форма имела распространение и в XI в. Вся эта керамика и стекло связаны с последним периодом обживания здания.

В переотложенном состоянии изредка встречается керамика времени, предшествующего построению здания. Это фрагменты тонкостенных небольших сосудов из характерной желтой глины, а также плоскодонные чаши с боковым бортиком и орнаментацией черной краской в виде полос и мелкой сетки по белым и желтым, чередующимся радиальным секторам. Глазурь (по всей видимости поташная) разложилась или отлетела и краска на черепке осталась в виде мучнистого налета. Аналогию ей можно найти в керамике конца IX—X вв.

На территории вскрытой части нашего здания было найдено несколько изделий из железа: небольшой режущий инструмент типа скальпеля с изогнутой спинкой (илл. 3, рис. 15), два куса толстой изогнутой проволоки в виде крючка и скобы, а также гвозди с коротким толстым штырьком и крупными массивными коваными шляпками. Гвозди, как правило, лежали по одному — два близ проходов. Отсутствие подпятников и значительная ширина чекотерых проходов дают возможность предположить заве-

шивание дверных проемов тканью. Находки подобных гвоздей делались и под верхними полами. Среди набора железных предметов от деревянной двери из мусорной ямы в городской стене Новой Нисы,⁹ вскрытой в 1946 г. З. А. Альхамовой, имеются гвозди, сходные с нашими, лишь меньших размеров. К числу «украшений» они попали из-за крупных шляпок.

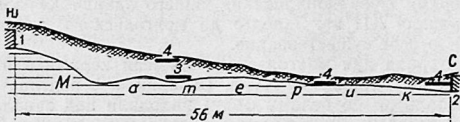
На основании изучения керамики с полов, стекла, используемого в здании размера сырца и другим данным мы можем датировать время функционирования нашего здания XI — не позднее самого начала XII вв. Задолго до монгольского нашествия оно прекратило свое существование.

Характерная для монгольского времени керамика на раскопе не встречалась. Керамику XV в. (кашинную с подглазурной росписью кобальтом по белому фону) находили над завалами и оплывшими стенами — в дерновом и поддерновом слое. Таким образом, к XV в. здание было полностью разрушено, остатки стен приобрели уже ту незначительную высоту, которую получили мы в процессе раскопок. В поддерновом слое, на близком расстоянии друг от друга, но на территории разных комнат, были найдены два медных фельса с одинаковым реверсом. Монеты потертые, но благодаря составлению прорисовки с обеих монет М. Е. Массону удалось определить принадлежность их к неизвестному чекану вилайета Абиверда конца XVI—XVII вв.

С целью выявления наличия культурных слоев и характера площади между Северным и Южным комплексами, а также выяснения времени функционирования проема в северо-западном фаса крепостной стены от выхода из комнаты 9 была пробита борозда шириною в 1 м на расстояние в 56 м. до начала парфянских стен Южного комплекса. Борозда в большей части велась по уровню начала материка.

От порога комнаты 9 глинобитная ступенька шириною в 30 см выводила на каменную вымостку, проходящую вдоль дома в данном участке шириною в 3,4 м. В 15 м. от южной стены нашего здания проходит дорога, также выложенная камнем, ширина ее 2,6 м. Обе вымостки сложены из среднего и мелкого размера, неровных очертаний, булыжника, имеющего 10—20 очень редко 30 см в поперечнике. Поверхность камней хорошо обкатана. Укладка камней не очень плотная, видимо она сильно пострадала от времени, так как вокруг разбросано большое количество камней, иногда имеются целые отвалы (например в 8 м от здания). В кладку дороги попали фрагмент венчика хума и ручка от кувшина парфянского времени, однако в тонкой дорожной пыли, покрывающей толстым слоем дорогу, встречаются средневековые черепки. Она была основной проезжей частью в средневековье, ведшей от проема в центре С—З фаса крепостной стены Старой Нисы. Вымостка у дома и дорога находятся в одном уровне. Вскоре за дорогой начался первоначально плавный, затем резкий подъем материка к югу. В 33-х метрах проходит новая вымостка

из такого же камня, утопленная в землю от поверхности значительно глубже, чем две первые. Материал над ней парфянского времени: фрагменты архитектурного декора, черепицы и керамики. Близ нее лежит ядро из зеленого песчаника диаметром 16 см. Над ней в поддерновом слое имеются следы нового отвала камней, датированного керамикой XII—XV вв. Таким образом, проем в северо-западном фасе крепостной стены интенсивно функционировал в средневековье, а возможно и в парфянское время. Ю—3 угол



Илл. 4. Схема взаиморасположения вымосток дорог между северным и южным комплексами.

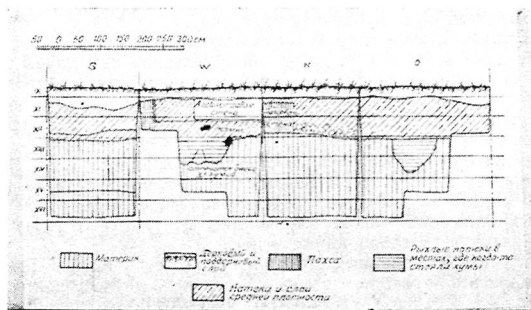
1—стена парфянского здания южного комплекса; 2—стена средневекового здания северного комплекса; 3—вымостка дороги парфянского времени; 4—средневековые вымостки.

нашего здания находится в 25 м. от центра проема.

В настоящее время при спуске с С—3 крепостной стены на дамбе, находящейся против проема и разделяющей былой ров на две части, видны отвалы камней. А. А. Семенов сообщает, что еще в начале нашего века хорошо заметная прямая дорога из северо-западных ворот более высокой крепости Старой Нисы вела в юго-восточные ворота нижней крепости, то-есть, Новой Нисы, но затем исчезла, благодаря сильно разросшемуся аулу Багир.¹⁰ Мы вправе отождествить ее с нашей средневековой проезжей дорогой на Старой Нисе. По всей видимости, она вела к южным воротам рабада средневековой Нисы, как наиболее близким.

Следы парфянского слоя на территории средневекового здания обнаружены нами в нескольких местах: а) в комнате 9 в виде селитроносного слоя высотой 15—20 см проходящего под стенами здания и содержащего полуистлевшие трубчатые кости крупных и мелких животных, а также значительное число фрагментов парфянской керамики, главное место среди которой занимают фрагменты стенок хумов красного теста. Между этим селитроносным слоем и материком лежит слой рыхлой земли высотой 15—30 см. с угольками, мелкими косточками и осколками гипсового строительного раствора. б) Северо-восточный угол здания, вскрытый в 1954 г. С. Б. Луниной, лежит на полуметровом слое сырцового завала парфянских сооружений. Южная и северная пахсовые стены средневекового дома примыкают к сырцовым сооружениям парфянского времени — хумхане III и помещению к югу от нее, но общего обживаемого помещения не образуют с ними. Раскопана всего одна комната в верхней части средневекового дома, но С. Б. Луниной она была также отнесена к эпохе Парфии.

в) В комнате «г» стены покоятся на комковатой прослойке, перекрывающей места стояния в материке четырех парфянских хумов, заполненных в настоящее время рыхлой натечной землей. При производстве шурфа близ Ю-З угла Квадратного дома в 1953 г. Л. Коваленко обнаружила днище хума из красной глины. В донной части ям, имевших грубые очертания хумов, сохранились типичные зеленовато-ржавые винные пятна, хорошо известные нам по хумханам; таким образом, не исключена возможность



Илл. 5. Развертка стен шурфа 1953г. у ю-з угла Большого дома.

бытования в парфянское время на площади западной части нашего здания каких-то сооружений, связанных с производством или хранением вина. г) Наиболее интересные данные дала расчистка основания стен Ю-З угла так называемого «производственного» помещения парфянского времени, с одной базой под колонну в центре. Южная стена его превышает ширину в 2,5 м и уходит под северную пахсовую стену нашего дома на площади комнат I и 11. Предпринятое оконтуривание наружного края западной стены показало ширину ее в 2,75 м и выход за пределы западного фаса Большого дома. Теперь стала понятной ничем не оправдываемая ранее необыкновенная толщина восточной стены этого помещения — от 2,7 м до 2,9 м. в противоположность более тонким стенам трех комнат с суфами и базами к востоку, у которых ширина наружных стен не превышала 1,6—1,8 м., а внутренних перемычек — 1,1. Помещение с одной базой и заложенным выходом является более ранним по отношению к трем восточным. При зачистке и подметании этой комнаты на полу были обнаружены участки сильно разложившейся кошмы. Прослеженная площадь ее превышает 2,5 м×3,5 м. Рядом с нею на полу находились

осколки растоптанной черной массы, использовавшейся для отти-ска печатей при опечатывании заложенных проходов Большого дома.¹¹

Под кошмой была обнаружена серебряная тетрадрахма пре-красной сохранности чекана Митридата I (171—138/7 г. до н. э.). На реверсе стоит дата буквенными знаками ΔοΡ по селевкидской 139/138 г. до н. э.—последним годам правления этого государя. Несомненно монета эта памятная, выпущенная в честь какого-то сомненно монета эта памятная, выпущенная в честь какого-то крупного события. Ньюелл в своей статье, посвященной парфян-ской нумизматике, публикует идентичную тетрадрахму Митрида-та¹². Выпуск данной монеты он связывает с победой парфянско-го государя в 140/139 гг. до н. э. над селевкидским царем Демет-рием II и присоединением к своей империи богатых провинций вдоль рек Тигра и Евфрата. Монетный двор Селевкии с хорошей школой начинает работать на Парфию. Выходит целая серия те-традрахм и драхм, датируемых 139 и 138 гг. до н. э.—годами между покорением Селевкии и смертью Митридата I. М. Е. Мас-сон считает монету литой, изготовленной в честь захвата города Суз — столицы Элимаиды.¹³ С целью закрепления за собой завое-ванных эллинизированных провинций Митридат I включает в свою титулатуру слово «филэллин».

На реверсе изображен стоящий Геракл с палицей в левой ру-ке, надпись на греческом языке в 4 строки с двух сторон от него: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ, под Гераклом дата ΔοΡ.

На аверсе в прерывистом пунктирном круге — портрет немо-лодого государя вправо, с диадемой на голове и развевающимися лентами сзади. Рельеф очень высокий, за счет этого реверс слегка вогнут. Крупный нос тонких очертаний, борода и усы. Диаметр монеты 2,3—2,55 см.; толщина — 0,2—0,3 см. Вес — 15,7 г.

Печь, заком, войлок на полу помещения с одной базой указы-вают на обживание его человеком, а местоположение у единствен-ного входа в Большой дом говорит о каких-то особых функциях его. Выстроено оно было самостоятельно и одновременно с дру-гими. Выход из него почти соприкасался с входом в сокровищ-ницу. Несомненно, что первоначальное его назначение — это место постоянного пребывания главного хранителя всех ценностей Боль-шого дома. Затем, ввиду нехватки помещений внутри дома, соору-жаются еще три комнаты к востоку от выхода из него. В какой-то из периодов используется под хранилище и это помещение, о чем говорит замурованный проход.

На территории почти всего Северного комплекса, на руинах парфянского времени расположено кладбище. Нами обследованы могилы восточной его части. Обряд захоронения мусульманский. Покойник укладывался в подбой почти на правом боку, головой на запад, с небольшим отклонением к северу. Лицо повернуто на юго-запад. Руки и ноги слегка подтянуты. Сопровождающего

инвентаря нет. Подбой расположен ниже уровня дна могильной ямы — с южной стороны от нее. Размеры его минимальны: ширина не превышает 30—40 см. для взрослого человека при длине соответствующей росту. У ног и головы подбой сужается. Со стороны могильной ямы узкая щель подбоя закладывалась сырцовым кирпичом размера, преимущественно — $32 \times 32 \times 7$ см., значительно реже со стороныю 31 и 33 см или 8 см толщины; в одном случае (в западной части кладбища) — $29 \times 29 \times 7$ см. Сырец имеет небольшую примесь рубленой соломы. Характер закладки различен, но в основном — это один ряд наклонностоящих кирпичей (4—5 штук); иногда в грудной части, где приходилось щель расширять, под кирпич подкладывали плашмя второй сырца.

Три черепа этого кладбища из раскопок ЮТАКЭ 1951 г. опубликованы проф. Л. В. Ошаниным¹⁴. Нами в 1960 г. были извлечены еще 4 черепа. Обмеры, произведенные антропологом В. Я. Зезенковой, дали те же результаты — наличие долихокраних, мезокраних и брахикраних черепов европеоидной расы.

Среди захоронений, имеются мужские, женские и детские. Расположены они на различной глубине от современной поверхности — от 0,6 до 1,5 м. — рядами, на близком расстоянии и никогда не пересекают друг друга. Видимо кладбище зажато в относительно небольшом хронологическом отрезке времени. Оно почти вплотную подходит к стенам нашего здания, однако ни одной могилы на его площади не обнаружено. Это дает нам основание считать кладбище хронологически близким нашему дому. Подтверждение мы находим в размерах сырцовых кирпичей, которыми закладывался подбой. Однако, не имея других данных, конкретную датировку его пока предложить не можем. На современной поверхности могилы не читаются, за исключением, может быть некоторых разбросанных камней от бывших могильных насыпей почти полностью вросших в землю. Изредка в поддерновом слое встречается ряд из 5—7 камней, вытянутых в одну линию. Кладбище на северном комплексе Старой Нисы поэтому не вошло в перечень кладбищ города Нисы, окружавших некогда его.¹⁵

Крупный масштаб нашего здания, большое число комнат, специально проведенная дорога вдоль него, вымостка булыжником у входов, а возможно и вдоль всей южной стены дома, развернутость стометрового фасада вдоль дороги при соотношении ширины дома к длине как 1 : 6 не в пример жилым усадьбам XI—XII вв. Южной Туркмении, имеющим более компактную планировку при наличии внутренних двориков,¹⁶ отсутствие печей, кухонного или ремесленного инвентаря говорят об его общественном назначении. Немногочисленные находки на полах — чаши, кувшины для воды, мелкие раздробленные косточки, стеклянная посуда и жаровенки для обогрева все же указывают на некоторое обживание данного здания людьми.

На Старой Нисе имелась вторая средневековая постройка. Раскопками А. А. Марущенко и С. А. Ершова в 1930—1934 гг.

над руинами Квадратного зала был выявлен дом из нескольких комнат и ошибочно отнесен к сасанидской эпохе. Раскопки С. А. Ершова по линии ЮТАКЭ в 1946 г. позволили передатировать его XII-началом XIII вв.¹⁷ Работы Е. А. Давидович в этом же месте в 1947 г. уточнили планировку и датировку XIV в.¹⁸ Здесь мы также имеем сочетание в строительстве пахсы и сырца размером 30×30×6 см.; 31×31×6,5 см и 32×32×7 см. Невзирая на сходный размер сырца, который мог иметь здесь вторичное использование, будучи взятым с руин дома XI в., планировка его и строительные приемы — отличны.

Таким образом в результате работ ЮТАКЭ Старая Ниса предстает уже далеко не как однослойный памятник. После длительного запустения крепость Митридаткерт парфянского времени, находясь на окраине крупного средневекового города Нисы, трижды обживается: сооружается дорога и большой дом в XI в., затем руины Северного комплекса используются под кладбище. В XIV в. над Квадратным залом сооружается новое небольшое здание.

Примечания

1. Марущенко А. А., Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного института истории. „Материалы ЮТАКЭ“, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 183.

2. См. опубликованный план вскрытых ЮТАКЭ помещений к 1954 г. в монографии Г. А. Пугаченковой „Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма“, „Труды ЮТАКЭ“, т. VI, М., 1958, стр. 70

3. Массон М. Е., Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг., „Труды ЮТАКЭ“, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 226.

4. Newell E. T., The coinage of the Parthians. A Survey of Persian Art [SPA], v. I, ch. 27, p. p. 475—492; v. IV, Pl. 141 p.

5. Большаков О. Г., Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник. Автореферат диссертации, Л., 1954.

6. Литвинский Б. А., Средневековые поселения области Нисы (севернее Копет-дага) в IX—XV вв. Диссертация, машинопись, 1951.

7. Массон М. Е., Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года. „Труды ЮТАКЭ“. т. I, Ашхабад, 1949, стр. 10.

8. Давидович Е. А. Стекло из Нисы. „Труды ЮТАКЭ“, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 384, илл. 5.

9. Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. „Труды ЮТАКЭ“, т. I, Ашхабад, 1949, дис. 35 на стр. 73.

10. Семенов А. А. По Закаспийским развалинам. „Известия Средазком-стариса“, в III, Т., 1928, стр. 64—65.

11. Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А., Оттиски парфянских печатей из Нисы. ВДИ, 1954, № 4.

12. Newell E. T., Цит. соч. [SPA], v. IV, Pl. 140, E.

13. Массон М. Е., Находка на городище Старая Ниса датированной парфянской тетрадрахмы Митридата I. Машинопись.

14. Ошаннин Л. В., Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. „Известия АН ТССР“, 1952, № 4, стр. 27—34.

15. Жуков В. Д., Изучение пригорода Нисы в 1946 году, „Труды ЮТАКЭ“, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 170—190.

16. Пугаченкова Г. А., Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. „Труды ЮТАКЭ“, т. VI, М., 1958, стр. 213—214.

17. Ершов С. А., Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г. „Труды ЮТАКЭ“, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 127—130.

18. Давидович Е. А., Отчет о раскопках 1947 г. на площади Квадратного зала Старой Нисы. „Труды ЮТАКЭ“, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 134—141.

С. Б. Лунина.

НОВАЯ ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРВА

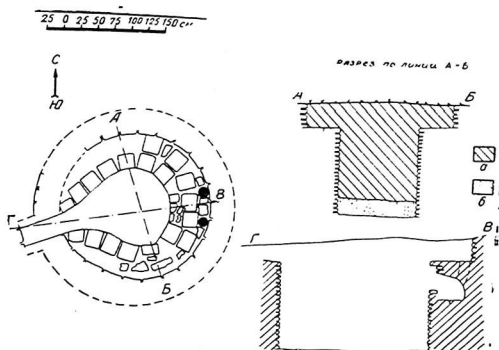
В 1960 году по линии Южно-Туркменистанской Археологической Комплексной Экспедиции (ЮТАКЭ) продолжалось многолетнее изучение квартала керамистов средневекового Мерва, расположенного в западной части рабада; в частности на территории квартала был заложен новый раскоп № 7. Во время рекогносцировочных проходов по кварталу здесь удалось зачистить участок стены печи с явным скруглением, выходящий непосредственно на поверхность. Раскопочными работами была вскрыта круглая печь диаметром 2,2 м. с грушевидной топкой и широкой полкой, идущей вокруг нее. Сохранившаяся высота стен (от уровня полки) 35 см, ряды кирпичей с отверстиями для штырей не сохранились, но они явно проходили выше. Печь сложена из сырцового кирпича размером $26 \times 26 \times 5$ см³, $27 \times 27 \times 5$ см³ и $28 \times 28 \times 5$ —6 см³. Ширина полки от 40 до 60 см. Максимальная ширина топки 1,25 м., к юго-западу она сужается и топочное устье имеет ширину всего 35 см. Интересно, что топочное устье было снаружи заложено аккуратной кладкой из кирпичей, причем степень обожженности кирпичей была такая же, как в стенах самой печи, и явно не могла быть достигнута за время обжига одной партии посуды. Как проникали в печь в последний период ее существования осталось неясным, возможно, что выше в стенах печи был какой-то проем.

При оконтуривании печи выяснилось, что она и снаружи имела круглый контур и что толщина стены была всего 40—50 см.

Необычной оказалась интересная деталь конструктивного устройства печи — в задней стенке топки имеет место углубление шириной 50 см и высотой 35 см, внутри обмазанное в виде сводика. Отверстие находится на 10 см ниже уровня полки, глубина его 35 см, ширина внутри 70 см. От этого углубления в конце его непосредственно вверх поднимаются каналы, заканчивающиеся на уровне полки отверстиями диаметром 15 см, расстояние между отверстиями 45 см. Сооружение это могло служить дополнительным вытяжным отверстием, одновременно здесь могли обжигаться

изделия требовавшие более высокой температуры обжига, однако на примере одной печи составить окончательное суждение о его назначении трудно, хотя по этнографическим материалам известны отверстия для прохода пламени, которые делаются у самых стен в полке, идущей вокруг загрузочной камеры.¹

Глубина топочной камеры печи 1,5 м. Печь была полностью забита отвалом керамики из соседней печи, работавшей позднее. Лишь на самом дне топки сохранился слой золы, явно связанный



Илл. 1. План и разрезы круглой печи раскопа 7.

а) слой отвала керамики с включением надувной земли, золы, сырцовых и обожженных кирпичей; б) слой золы с включением фрагментов керамики.

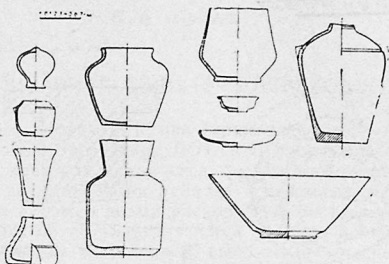
с функционированием самой печи. Стены печи сильно ошлакованы, но не оплыли.

Отвал керамики, связанный с работой самой печи, был обнаружен у топочного устья на уровне дна топки и несколько выше его. Толщина зольного слоя с включением большого количества фрагментов керамики до 1 м.

В печи обжигалась как поливная, так и неполивная, керамика, дающая в изломе как правило красовато-коричневый, серый и кремовый цвет черепка. Фрагменты неполивной керамики дают формы хумов, хумча, кувшинов, горшкообразных сосудов. Последние небольших размеров (диаметр дна 9,5—10 см, высота 15—18 см) и очень изящны, среди них есть экземпляры, на чуть отогнутом венчике которых нанесены глубокие косые насечки, создающие впечатление фестончатого оформления. Особенно многочисленны кувшины средних размеров, которые представлены в основном двумя видами — широкогорлыми кувшинами с полого спускающимися вниз плечиками, дающими резкий перелом и пе-

реходящими в почти вертикальные стенки, у дна снова преломляющиеся под углом. Дно плоское (диаметр дна 10—12 см), в месте перехода от горловины к плечикам иногда расположен выпуклый валик.

Узкогорлые кувшины имеют чрезвычайно раздутый в средней части и как бы приплюснутый сверху корпус, дно несколько выступает по отношению к стенкам (диаметр его 7—8 см). Кувшины снабжены односторонней ручкой и часто покрыты простейшей процарапанной волнистой или линейной орнаментацией.



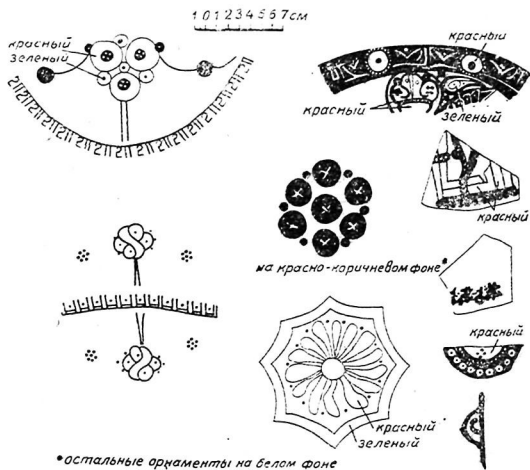
Илл. 2. Формы керамики X—начала XI вв.

В этой группе выделяются также бокалообразные сосуды с расширяющимися вверх стенками, форма которых напоминает античные. Диаметр венчика их 8,5—9 см, диаметр дна 3,7—4,5 см, высота 10,5—11 см. Донце либо прямое плоское, либо несколько выступающее по отношению к стенкам, венчик чуть отгибается наружу. Черепок в изломе серого цвета, ангоб цвета черепка, отмучка средняя, но сделаны сосуды очень тщательно. Из отдельных форм интересны маленькая копилка и фрагмент футляра для детского игрушечного чирага.

В поливной керамике преобладают фрагменты сосудов (преимущественно пиал и кувшинов) с поливой зеленого цвета, причем часто полива двусторонняя. Встречены и черепки, покрытые сплошь белой поливой, но чаще это фрагменты расписной керамики с росписью красной, коричневой, черной, зеленой красками по белому фону, белой по красному, черному и коричневому фону, черной и белой красками по красновато-коричневому фону. Имеют место геометрический стилизованно-растительный, зооморфный и эпиграфический орнамент.

В центре дна чаш располагается обычно красного или черного цвета вихревая розетка, заключенная в шестиугольник с вогнутыми сторонами или ничем не ограниченная, либо же на красновато-коричневом фоне размещается шесть черных кругов вокруг

одного, а в центре них прорисованы белой краской крестообразные фигуры. Имитации надписей часто выполнены черной и красной красками по белому фону. Нередок в орнаментации керамики псевдоэпиграфический орнамент в виде лент, то пересекающихся все поле чаши, то окаймляющих какой-либо орнамент. Буквы здесь заменены либо палочками с утолщениями на концах, либо



Илл. 3. Мотивы орнаментации поливной керамики X—нач. XI вв.

чередованием двух палочек с фигурой, напоминающей цифру 2. Как правило, эти ленты сочетаются со стилизовано-растительным орнаментом. Особенно эффектна крупная чаша-каса (диаметр 33 см), где по стенкам дважды повторен орнамент из чередующихся больших и маленьких красных и зеленых кругов, с отходящими от них прямыми линиями (возможно все вместе взятое передает стилизованный букет), окруженный полукольцом упомянутой имитацией надписи. Между этим орнаментом располагались возможно также передающие цветок фигуры в виде черного круга с белыми точками посередине и отходящими от него вниз прямыми линиями. В единственном экземпляре встречено донце поливного сосуда с изображенными на нем черной краской рыбами — скаферингус.

Особо следует отметить, что здесь были встречены фрагменты керамики с голубой поливой, получившей позднее столь широкое

распространение. В X — нач. XI вв. этот цвет поливы только начинает применяться.

Найденные в раскопе чираги были покрыты белой, желтой и зеленой поливой. Интересно обнаружение свыше 30 фрагментов сосудов с поливой переобожженной до черного цвета и покрывшей многочисленными пузырьками.

Отвал из печи расчищен лишь частично, но полученный материал дает известное представление о продукции, обжигавшейся в печи и по аналогии с уже известными по Мерву комплексами может быть датирован второй половиной X — началом XI вв.

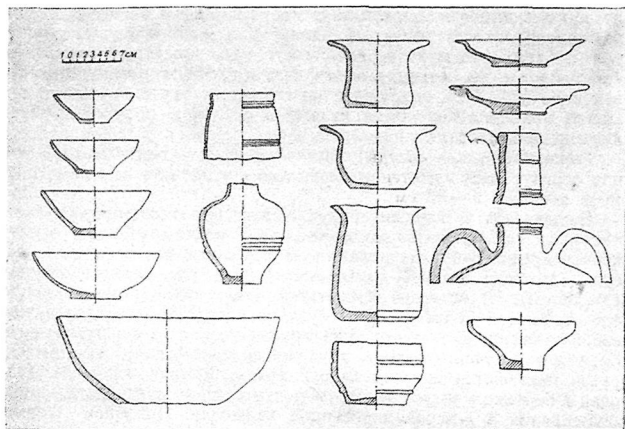
Как сказано выше, при вскрытии печи оказалось, что ее сплошь заполняет отвал керамики с включением надувной земли, золы, фрагментов сырцовых, жженных и сырцовых обожженных кирпичей. Из печи было извлечено огромное количество фрагментов керамики и предметов печного припаса, например только фрагментов венчиков сосудов с голубой поливой было найдено свыше 250, а штырей свыше 150. Отвал осуществлялся в уже заброшенную печь из какой-то соседней печи, функционировавшей позднее. Комплекс керамики в целом удивительно напоминает керамику, полученную из другого раскопа в квартале (раскопа 3) и по аналогии с ней явно может датироваться второй половиной XII — нач. XIII вв.

Предметы печного припаса представлены в отвале фрагментами штырей, сипая, миниатюрными штырьками, языковидными подставками и загнутыми с обеих сторон крючками, служившими для удержания в равновесии стопок посуды. Штыри обнаружены лишь во фрагментированном состоянии, они либо прямые, либо несколько загнутые к краю, черепок в изломе коричневого или зеленоватого (в результате пережигания) цвета, наибольший диаметр от 3,5 до 5 см, к концам штыри сужаются. Сипая весьма значительно варьируют в размерах, но форма их одинакова — концы их в плане закруглены, плоскость либо ровная, либо прогибающаяся в средней части, концы ножек несколько затуплены в результате неоднократного употребления. Расстояние между ножками от 4,5 до 10,5 см, высота от 1,5 до 3,5 см. Черепок в изломе серого или кремового цвета, концы ножек, как правило, несут следы голубой или белой поливы. Языковидные подставки представлены одним целым экземпляром (длина 33 см, наибольшая ширина 12,5 см, толщина 1 см) и фрагментами, причем ширина подставок колеблется от 5,5 до 15 см, поверхность их обычно ровная, но иногда несколько прогибается в середине, черепок в изломе серого и кремового цвета, на поверхности одной из них видны следы от маленьких штырьков и на многих — капельки зеленой и голубой поливы.

Крючковидные предметы печного припаса представлены 3 целыми экземплярами и 15 фрагментами, концы их то сильно заггибаются внутрь, то почти вертикально поднимаются вверх, в сечении они дают круг, черепок в изломе кремового цвета. В печи

обнаружена как поливная, так и неполивная керамика, а также необожженная и переобожженная, поливные кирпичи и другие изделия.

Обнаруженные в печи фрагменты неполивной керамики мало-выразительны, это в основном донца и венчики кувшинов и горш-кообразных сосудов, черепок в изломе коричневого, кремового, серого и красноватого цветов. Целые же неполивные сосуды



Илл. 4. Формы керамики XII—нач. XIII вв.

(чашки, туваки) повторяют форму поливных и явно подготовлены для последующего глазурования.

В группе поливных сосудов преобладают количественно фрагменты чаш, пиал и каза. Диаметр венчика последних варьирует в пределах 24—31 см, диаметр донца 9—14 см, высота 10—14 см. Венчик сосуда типа каза прямой, донце плоское, стенки утоняются к венчику. Чаши разнообразны по размерам (диаметр донца 4—8 см, диаметр венчика 12—20 см, высота 4,5—8 см) и имеют обычно округлые либо слегка прогибающиеся в средней части стенки и прямой венчик. У пиал стенки начинаются непосредственно от плоского прямого донца, переход от него к стенкам не подчеркивается. Очень интересны найденные в незначительном количестве тарелки (диаметр донца их 7 см, диаметр венчика 16,5—18 см, высота 3,4—3,6 см). Венчик то немного отогнут наружу, то образует широкий бортик, стенки либо несколько округлы,

либо перегибаются под углом в средней части. Донце плоское чуть выступает по отношению к стенкам.

Черепок этой группы сосудов в изломе кремового, коричневого, красно-коричневого, реже розоватого цвета, отмучка хорошая, обжиг обычно ровный.

Кувшины представлены в основном широкогорлыми экземплярами, горловины либо прямые, либо несколько расширяются книзу, венчик чуть выступает наружу, по горловине обычно проведено несколько желобков, а в месте перехода от нее к плечикам располагается выпуклый валик. У кувшинов односторонняя ручка. Один фрагмент верхней части кувшина имеет невысокую горловину и две отходящие от нее в стороны ручки. Диаметр венчиков 5,6—7 см, снаружи и по горловине внутри кувшины покрыты поливой. Черепок в изломе в основном разных оттенков коричневого цвета.

Горшкообразные сосуды обычной формы, толстостенные, венчик отогнут наружу, стенки несколько суживаются к донцу, диаметр венчика 30—32 см.

Выделяется в керамике группа детских горшочков-туваков, часть из них покрыта внутри поливой, остальные надо думать подготовлены для глазурования. В основном это небольшие сосуды (диаметр донца 7—8 см, высота 8,5—9 см, диаметр венчика 13—15 см), но встречен и крупный экземпляр (диаметр донца 4,5 см, высота 16 см). Формы туваков несколько разнятся между собой — то прямые стенки расширяются книзу, то округло изгибаются в средней части, то идут почти вертикально, а затем округло изгибаются при переходе к донцу, венчики же у всех широким бортиком отогнуты наружу, что связано с необходимостью закрепления в детской деревянной колыбели. Подобной формы горшочки дожили до наших дней и хорошо известны по этнографическим материалам.² Горшочки — «туваки» с зеленой поливой с высоким цилиндрическим корпусом и широко расходящимися краями были найдены на Кават-кале и Замахшаре в Хорезме.³

В печи найдено свыше 30 чирагов обычного типа, а также на ножке, полива яркогожелтого и белого цветов.

В группе чаш и пиал наиболее употребительны белая и зеленая полива (иногда с подглазурным процарапанным орнаментом), очень красивого оттенка яркоголубая, покрывающая сплошь весь сосуд, а также роспись черной, коричневой, красной и зеленой красками по белому фону, черной и белой красками по красновато-коричневому фону. Для мотивов орнаментации характерны стилизованно-растительные, геометрические и псевдоэпиграфические.

В печи найдено большое количество переобожженной поливной керамики, в результате чего полива приобрела черный или грязно-зеленый цвет и покрылась пузырями, а также различные виды глиняных изделий, еще не подвергшихся обжигу — донца и венчики сосудов, ручки, чираги, штыри, сипая, языковидные под-

ставки, крючковидные предметы, мелкие глиняные шарики, возможно для детских игр.

Из иного рода изделий интересны мелкие голубые поливные кирпичики, а также с поливной переобожженной до черного цвета, размером $11,5 \times 11,5 \times 4,5$ см³ и один поливной голубой кирпич размерами $29 \times 29 \times 4$ см³.

Особо следует подчеркнуть обнаружение в отвале целого штампа для орнаментации верхней половины сосуда и двух фрагментов, а также 8 фрагментов штампованной керамики, что важно не только для датировки комплекса, но и как доказательство того, что в печах, предназначенных преимущественно для обжига поливной керамики обжигали и керамику со штампованной орнаментацией.

Представлены в отвале и фрагменты оконного стекла, и маленькая медная чашечка, и орнаментированная костяная рукоять для ножа, и фрагменты железного орудия — предметы, которые необходимо связать с функционировавшей здесь когда-то мастерской.

Несмотря на то, что самой печи и мастерской пока не обнаружено, полученный комплекс дает представление об этом хозяйстве и дополняет новыми фактами наши знания о гончарном производстве второй половины XII — начала XIII вв.

Простая по конструкции ранняя печь раскопа обладала вместе с тем оригинальным устройством вытяжных отверстий, керамика же, соответствующая времени функционирования печи, во многом аналогична обнаруженной в других раскопах, но некоторые мотивы ее орнаментации отразили, видимо, индивидуальный творческий «почерк» мастера, работавшего в этой мастерской.

Седьмой по счету раскоп, заложенный в квартале керамистов, будучи небольшим по площади, дал два выразительных разновременных комплекса керамики, показав, что и на данном участке квартала гончарное производство интенсивно развивалось на протяжении X — начала XIII вв.

Примечания.

1. Пещерева Е. М., Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 212.

2. Там же, стр. 305, а также стр. 258, рис. 73 (1, 2).

3. Вактурская Н. Н., Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции, том IV, М., 1959, стр. 319.

А. С. Морозова

КАРАКАЛПАКСКИЙ ЖЕНСКИЙ ШЛЕМОВИДНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР «САУКЕЛЕ»

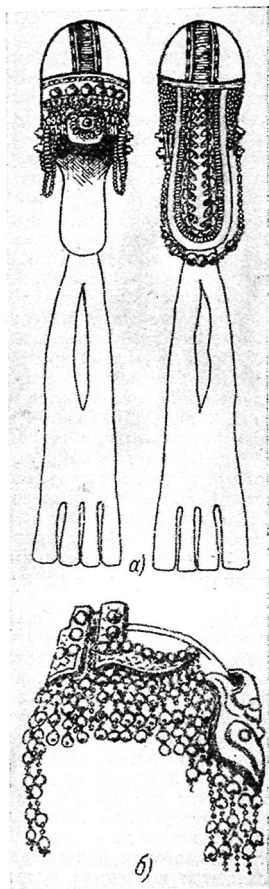
Среди старинных головных уборов народов Средней Азии, имеющих в этнографических музеях Москвы и Ленинграда и в краеведческом музее ККАССР в городе Нукусе, особый интерес вызывает каракалпакский свадебный головной убор «саукеле».¹

В начале XX века население среднего возраста уже не знало назначения саукеле, и только глубокие старухи, в молодости еще носившие его, могли описать его вид.

Саукеле представляет собой мягкий круглый головной убор в виде шлема, сделанный из войлока, покрытый красным сукном и разнообразно украшенный. Он состоит из трех частей: глубокой шапочки, плотно облегающей голову, двух наушников и длинной узкой полосы, пришитой к задней части шапочки и спускающейся на спину. У некоторых экземпляров саукеле к задней лопасти пришивалась узкая вышитая полоса ткани, называемая «алака», ниспадающая до талии, а иногда до колен (рис. 1 а). Для украшения саукеле применялись вышивка и ювелирные украшения в виде блях и подвесок чешуйчатой или филигранной работы со вставками сердолика и кораллов. Крупная нарядная серебряная бляха с сердоликовым глазком в центре пришивалась к передней части шапочки между наушниками. Кораллы употреблялись не только в металлической оправе, но и нанизанные на шелковую нить. Ряды коралловых бус сплошь закрывают отдельные участки убора, в основном, наушники. По красному сукну, обтягивающему шапочку, нашиты узкие полоски из черной шерстяной материи, покрытые многоцветной вышивкой. Эта черная вышитая полоса крестообразно пересекает круглую головку шапочки, опоясывает околыш и спускается вдоль лопасти, падающей на спину. Образованное ею изображение креста на макушке, подчеркнутое контрастным сочетанием черной и красной ткани, является характерной чертой каракалпакского саукеле.²

Ниспадающая из-под лопасти алака состоит из трех клинообразных узких полос, сшитых между собой в верхней более узкой части и разделяющихся на конце. Алака некоторых саукеле³ сшиты из кусков старинных бухарских вышивок (сузани), выполненных ручным тамбурным швом. По всем чертам эти алака совершенно чужды стилю национальной каракалпакской вышивки, что говорит о большом сроке бытования головного убора, в течение которого значительно изменился вид отдельных его частей.⁴

По свидетельству женщин старшего возраста, в старину невеста в саукеле переезжала в дом мужа и в нем сидела на свадебном пиру во время обряда „открывание лица“. Из этих свидетельств явствует характер головного убора, как чисто обрядового, который в обыденной обстановке женщины не носили. Однако в литературе есть указания на то, что в конце XVIII в. саукеле был обычным головным убором замужних женщин. Так, в дневнике Гладышева и Муравина⁵ саукеле (авторы называют его «шевкели») описывается как повседневный женский головной убор, бытующий у каракалпаков и аральцев. Авторы дневника отмечают, что своей оригинальной шлемовидной формой саукеле каракалпачек и аралок отличаются от головных уборов соседних народов. Из описания саукеле, сделанного Гладышевым («онье шевкели лежат по счекам, и подвязывают под бороду»),⁵ видно, что саукеле, бытовавшие в XVIII в., отличались от имеющих в музеях образцов саукеле XIX в. наличием особых завязок, которые пришивались к наушникам. (Перехваченные узлом под



Илл. 1: а) Каракалпакский головной убор „саукеле“. б) Хорезмское головное украшение „шевкели“

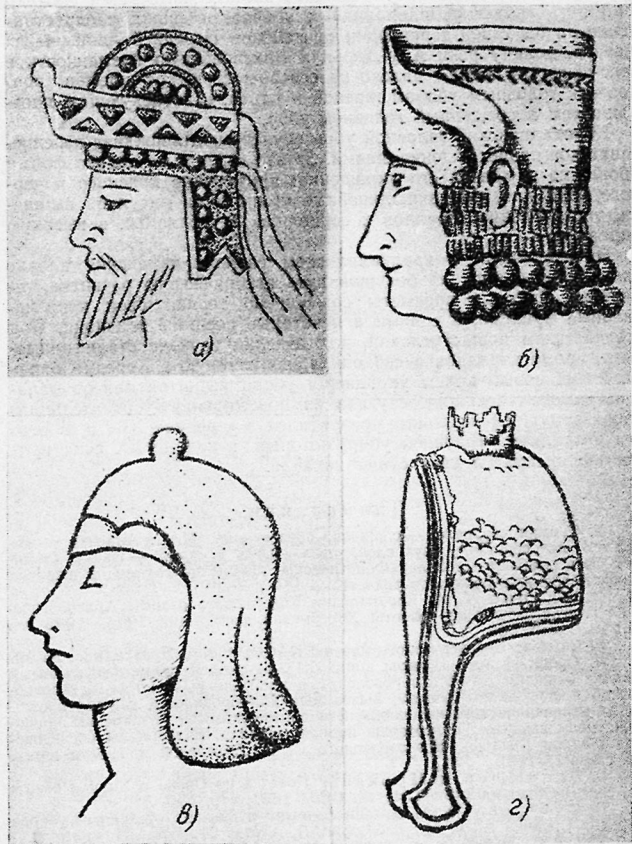
подбородком спускающиеся концы этих завязок, очевидно, висят на груди двумя параллельными рядами).

В старинной национальной одежде многих народов Средней и Передней Азии и Юго-восточной Европы встречались головные уборы, аналогичные каракалпакскому саукеле. Следы шлемовидного убора имеются в некоторых туркменских женских шапочках с наушниками.⁶ По форме совершенно идентичен саукеле казахский мужской головной убор из меха, называемый «малахай», имеющий круглую головку, наушники с завязками и длинную заднюю лопасть, закрывающую верхнюю часть спины.⁷ У узбеков Хорезма шлемовидный головной убор сохранился в несколько измененной форме. Здесь термином «шевелки» называют ювелирное украшение в виде крупных удлиненных блях с подвесками, закрывающих уши; вместе с налобным украшением типа диадемы они составляют сложный шлемовидный убор, очень напоминающий каракалпакский саукеле (рис. 1 б).

Археологические материалы, дают многочисленные примеры бытования разнообразных шлемовидных уборов у племен и народностей, в разных пропорциях вошедших в состав современных народов Средней Азии. Шлемовидные головные уборы, различно украшенные, встречаются на изображениях хорезмийских царей (рис. 2 а). С. П. Толстов возводит генезис каракалпакского саукеле именно к этим головным уборам.⁸

Судя по находкам в пазырыкских курганах, шлемовидные головные уборы, мужские и женские, бытовали в первые века до и после нашей эры у алтайских скифо-сарматских племен (рис. 2 г). Часто встречаются они в изображениях на памятниках материальной культуры государства Урарту (рис. 2 б и в).

Все перечисленные примеры относятся к периоду VIII.—I вв. до н. э. Но еще более многочисленны изображения шлемовидных уборов в более древних памятниках. Так, среди археологических находок, обнаруженных в 1956 г. раскопками ЮТАКЭ на территории южного Туркменистана (Кара-деле, у ж/д станции Артык, в 90 км восточнее Ашхабада), имеются терракотовые статуэтки, головные уборы которых вызывают большой интерес. Шлемовидный убор одной из них описан И. Н. Хлопиным в статье «К характеристике этнического облика ранних земледельцев южного Туркменистана».⁹ Шлем, покрывающий голову статуэтки, многими чертами напоминает шлемы, зафиксированные среди археологических памятников Древнего Востока. И. Н. Хлопин, описывая эту интересную статуэтку, привлекает богатый материал о распространении шлема на изображениях, относящихся к двадцатым векам до н. э. в районах Передней Азии—Месопотамии и Элама. Автором приведены многочисленные памятники древнего искусства: коллекции шлемов из царских гробниц, изображения на стелах, барельефах и пр.¹⁰ Все приведенные в статье И. Н. Хлопина образцы головных уборов являются металлическими или кожаными шлемами воинов.



Илл. 2 а) Шлемовидный головной убор хорезмского царя на одной из хорезмийских монет III в. до н. э. г) Шлемовидный головной убор скифо—саков, V в. до н. э. (из находок во втором Пазырыкском кургане); в) Изображение головного убора на бронзовом шлеме царя Аргишти, древний Урарту, VI в. до н. э.; б) Шлем на голове статуэтки, изображающей фантастического быка с крыльями, древний Урарту, IX—VIII вв. до н. э. (из Топрак-к.лы, у Вана)

Из сопоставления просмотренных данных намечается следующий путь эволюции шлемовидных уборов, имевших распространение на опромной территории от районов Передней Азии через Кавказ, долину реки Амударья и Закаспийскую низменность в сако-скифские степи, далеко на северо-восток: от шлемов воинов — к головным уборам жрецов и царей, с последующим превращением в обыденный головной убор.

Каракалпакский галовный убор саукеле подтверждает переднеазиатское происхождение шлема. За это говорят не только форма убора, но и манера его украшения: применение красного и черного фона для вышивки, линейные композиции рисунков вышивки, употребление кораллов и сердолика, вставляемых в высокую опуту.

Произошедшие в каракалпакском саукеле изменения вполне закономерны: проходя большой путь исторического развития, отдельные бытовые предметы совершенно теряют свои первоначальные функции, а с ними и некоторые внешние признаки. Под воздействием новых условий, для отделки саукеле стали применять, кроме кораллов и сердолика, популярную в Хорезме бирюзу, ввели новый прием украшения убора вышитой лентой «алака»; изменяя функции, саукеле из повседневного обязательного убора замужней женщины превратился в середине XIX в. в редкий ритуальный головной убор, который в начале XX века полностью прекратил свое существование.

Примечания

1. Термин «саукеле» — сложного образования. М. С. Андреев толковал его, как сочетание двух слов: «ша» — царь и «куло» — шапка, (а может быть, «келле» — голова). Фонетическое изменение саукеле в шевкеле закономерно для тюркских языков.

2. Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 553.

3. Саукеле Краеведческого музея ККАССР в гор. Нукусе, инв. № 99.

4. Среди гузаров Бухары конца XIX в. имелся гузар, называемый «Алака бандон». По всей вероятности, в квартале было когда-то сосредоточено производство «алака», вывозимых для продажи в районы проживания каракалпакского населения. Это подтверждается бухарским происхождением вышивок, из которых шились «алака». (Материалы обследования гузаров Бухары, произведенного О. А. Сухаревой в 1950-х годах. см. газар № 159).

5. Гладышев и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 г... СПб., 1851, стр. 588.

6. Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, М., 1954, рис. 5 на стр. 312.

7. Сухарева О. А., указ. соч., рис. 10, стр. 330.

8. Толстов С. П. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. 11, М., 1947, стр. 72—75.

9. Хлопин И. Н. К характеристике этнического облика ранних земледельцев южного Туркменистана. «Советская этнография», 1960, № 5, стр. 92—93.

10. Хлопин И. Н. указ. соч., стр. 94—97.

Г. Н. Чабров.

СОБИРАНИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ИСКУССТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТУРКЕСТАНЕ

Вскоре после присоединения к России громадных пространств Средней Азии, населенных различными народами, начинается всестороннее изучение истории и истории искусства и культуры этих народов.

Выражением глубокого внимания исследователей к искусству среднеазиатских народов может служить собрание орнаментальных мотивов русскими художниками и учеными. История этого вопроса весьма интересна, но до сих пор не вполне ясно освещена в литературе.

Внести в этот вопрос необходимую ясность, а также продвинуть малоизвестные работы ближе к исследователям — такие задачи ставим мы перед собой приступая к указанной теме.

* * *

В. В. Верещагин был едва ли не первым из русских художников, работавших в Туркестанском крае после присоединения его к России, который начал сбор и фиксацию орнаментальных мотивов. Составление богатейших коллекций памятников прикладного искусства среднеазиатских народов, коллекций, являвшихся, как известно, основой для «этнографической» части многих его картин, Верещагин начал в 1867 году.

Впервые направляясь в Ташкент, он остановился в форте № 1 — Казалинске. Художника привлекли развалины древнего города Джанкента. Проехав, в сопровождении охраны на городище, Верещагин «провел небольшие археологические раскопки, обнаружив обожженный кирпич, черепки глиняных орнаментированных кувшинов, обломки лепных узоров и изразцы. Несколькими карандашными и акварельными набросками художник зафиксировал заинтересовавшие его находки в путевом альбоме». Автор солидной монографии о жизни и творчестве Верещагина

на—А. К. Лебедев не сообщает, что часть из этих рисунков была опубликована в 1874 г.²

Продолжателем дела, начатого В. В. Верещагиным стал художник-любитель, капитан Дмитрий Модестович Резвой (род. 1 февраля 1843 г. Умер в 1912 г.). По свидетельству А. Л. Куна, во время движения по хивинской территории, Резвой «все время составлял рисунки домашней утвари, комнат, виды крепостей и развалин с их планами и разрезами».³ Все эти материалы были потом переданы одному из петербургских научных учреждений. Сын известного лексикографа, музыковеда и композитора М. Д. Резвого (1807—1853), Дмитрий Резвой, будучи командиром туркестанской саперной роты, стал в 1877 г. одним из героев Шипки. В фондах Артиллерийского исторического музея сохранился написанный художником Приходько миниатюрный портрет Д. Резвого, награжденного за Шипку георгиевским крестом.⁴

Величественные памятники среднеазиатской монументальной архитектуры производили громадное впечатление на всех, впервые знакомившихся с ними, возбуждая нередко желание зафиксировать узоры орнаментации. Автором интересного альбома акварелей, посвященного памятникам Самарканда, Коканда, Туркестана и Ташкента стал чиновник особых поручений Александр Петрович Матафтин. Воспитанник морского корпуса, он недолго прослужил во флоте (1854—1860) успев в это время отличиться «при защите Кронштадта в 1856 г.». Прослужив потом до 1875 г. по финансовому ведомству, Матафтин, работал чиновником особых поручений при туркестанском губернаторе до 1883 г.⁵ Разъезжая по городам края по делам службы, он составил интересный альбом, содержащий 9 больших акварелей. Среди них мы находим тщательную зарисовку надписей на надгробии Тимура, детали керамического убранства стен мечети Биби-ханым и медресе Шир-Дор. Столь же тщательно отображено убранство фасада дворца Худояр-хана в Коканде и его резных дверей. Альбом завершают детали расписных потолков ташкентских квартальных мечетей. Все это заставляет считать А. П. Матафтина одним из пионеров художественной фиксации орнаментальных мотивов Средней Азии. Альбом Матафтина хранится в фондах Гос. Публичной библиотеки им. А. Навои в Ташкенте.

Первым серьезным предприятием по сбору среднеазиатской орнаментации, предпринятым из центра, нужно считать Самарскую ученую экспедицию 1879 г. Участниками этой экспедиции были художники Н. Н. Каразин и Н. Е. Симаков.

Николай Евстафьевич Симаков (год рожд. не уст. Умер в 1886 г.); в 1875—1878 гг. с успехом собирал орнаментацию народов Поволжья, делая зарисовки вышивок и тканей. В 1880—1881 гг. преподавал в школе Общества поощрения художеств в Петербурге.⁶ За время работы в Самарканде (май—сентябрь 1879 г, с выездом в Шахрисябз) Симаков подготовил материалы для художественного альбома. Альбом под названием «Искусство Средней

Азии» был опубликован в Петербурге в 1883 году. Все 50 листов этого замечательного альбома выполнены литографским способом с четырех камней по оригиналам Симаква. Зарисованы орнаменты облицовок, резного дерева, ковров, шелка, металлических изделий и др. В. В. Стасов дал работе Симаква высокую оценку.⁷ Интересно отметить, что при входе в залы Международной художественной выставки в Копенгагене в 1888 г., где были экспонированы между прочим и работы туркестанских мастеров, были развешаны таблицы симаковского альбома.⁸

Любитель орнаментации нашелся и среди участников Ахалтекинской экспедиции. Это был инженер А. Астафьев. Собранные им материалы Астафьев опубликовал в Петербурге только в 1885 году. Его альбом «Текинские орнаменты с их применением для ковров, вышивок и проч.», носили, как видно, прикладной характер.⁹ Альбом делится на две части: в первой имеется 9 таблиц, содержащих 24 зарисовки ковров, ковровых паласов и дорожек. Вторая часть — это 4 таблицы, разработанных для чисто прикладных целей — применения узоров для портьер, скатертей, подушек и пр. Любопытный экземпляр альбома Астафьева был передан Н. П. Архангельским в Музей искусств Узбекистана. На титульном листе его имеется следующая надпись: «Его превосходительству Владимиру Васильевичу Стасову. От Д. Мордовцева. Инженер А. Астафьев».

Стремление к художественной фиксации мотивов облицовок памятников монументальной архитектуры Самарканда можно отметить среди местного населения. Житель Самарканда Мирза Барат Мулла Касымов в 80-х гг. тщательно зарисовывал облицовки памятников Самарканда, содержащие надписи. Его работы демонстрировались на ташкентской выставке 1886 г.. Среди работ Касымова были зарисовки надписей со стен мечети Биби-Ханым, медресе Шир-Дор, мавзолеев Гури-Мир и Шах-и-Зинда, а также с могильных плит. Касымов был награжден подарочным халатом. Вторым, после Н. Е. Симаква художником, командированным в Туркестан из центра для изучения и фиксации памятников старины, был художник Николай Николаевич Щербина-Крамаренко. Б. В. Лунин установил, что этот специалист, направленный в Среднюю Азию Академией художеств, в 1895 г. изучал мечеть Биби-Ханым. В 1896 г., наряду с этим, он «посетил восточную часть бухарских владений до Термеза, где собрал богатейшую коллекцию черепков с надписями и орнаментами». В 1897 г. он изучал мавзолей Шах-и-Зинда, а также «дал впервые более или менее подробное описание памятников Узгена».¹¹

В 1901 и 1903 гг. министерство земледелия и государственных имуществ направляет в Коканд для ознакомления на месте с гончарным и ковровым производством (последнее «во всем крае») чиновника особых поручений Н. Ф. Бурдукова.¹² Итогом его работы явился альбом «Гончарные изделия Средней Азии», изданный, без указания года (1904) в Петербурге. В предисловии к

альбому Бурдуков выражал горячую признательность «любителям среднеазиатской керамики» — художнику С. М. Дудину и исполнившему акварелью оригиналы для альбома художнику Зедек Кверфельду. В альбоме Бурдукова содержится 22 цветных таблицы.¹³

В 1905 году Бухару и Самарканд посетил воспитанник Академии художеств Генрих Генрихович Шмидт (род. 1861). Этот «харьковский мещанин, сын переплетного мастера», поступил в Академию в 1886 г. и окончил ее со званием классного художника I степени в 1895 г. В феврале мес. 1905 г. Академия, по его просьбе отпустила Шмидту 500 рублей на поездку в Среднюю Азию, чтобы «собрать возможно полную картину зодчества туркестанского края». Весной 1905 г. Шмидт, через Баку и Красноводск, проехал в Бухару и Самарканд. Все написанные художником этюды были приобретены для музея Академии художеств.¹⁴ Среди этих этюдов имеются и «образцы изразцовой отделки» самаркандских памятников. В музее дореволюционного Туркестана работы Шмидта не попали.¹⁵



Из сделанного нами краткого обзора истории собирания и фиксации богатейших орнаментальных мотивов облицовок архитектуры памятников и разнообразных памятников прикладного искусства можно сделать некоторые выводы.

В ряде случаев собирание этих узоров являлось делом личной инициативы и результаты работы редко становились доступными для специалистов. Так было с работами Матафтина и Мирза Барата. В то же время отрадно отметить, что большая часть собранного с 1867 по 1905 годы материала была опубликована, хотя нередко в труднодоступных изданиях. Не публиковались только итоги работ Д. Резвого, А. Матафтина, Н. Щербины-Крамаренко и Г. Шмидта.

Из всех перечисленных специалистов, только один Н. Симакос ставил перед собой задачу фиксации широкого круга орнаментальных мотивов, что же касается всех остальных, то они обращали преимущественное свое внимание только на отдельные объекты и виды искусства.

Такое положение свидетельствовало о том, что к началу XX века уже осознается необходимость широкой и планомерной фиксации орнаментальных мотивов, сначала — для памятников монументальной архитектуры, а потом и для всех вообще видов народного прикладного искусства.

Подойти к разрешению таких задач оказалось суждено двум энтузиастам красот среднеазиатского прикладного искусства. Это были художник-любитель Борис Нилович Литвинов и весьма эрудированный и опытный специалист-профессионал Самуил Мартынович Дудин. Почти одновременно оба эти художника провели громадную работу, к сожалению, не завершившуюся изданием

больших альбомов, подобных альбомам Н. Симакова и Н. Бурдукова.

* * *

Борис Нилович Литвинов (год рожд. не установлен. Погиб на фронте в 1914 г.) был сыном плёсского мещанина Нила Яковлевича Литвинова. Талант замечательного рисовальщика несомненно достался ему от отца. В делах Академии художеств сохранилось дело по прошению «занимающегося живописью плёсского мещанина Н. Я. Литвинова о присвоении ему звания свободного художника».¹⁶

Представив для получения искомого звания живописный портрет полк. Чанеева, Литвинов сообщил, что в 1852 г. он поднес Николаю первому картину, изображающую «открытие в городе Костроме царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину памятника». Эта картина принесла Литвинову «высочайшую награду — 300 рублей серебром». Этим данным бедняге Литвинову казалось достаточно для получения звания свободного художника. Из его прошения видно, что испрашивая это звание, он хотел обеспечить «безбедное существование большого семейства, заключающегося из десяти человек детей, жены, престарелого отца и большой сестры». Однако Литвинова ожидало горькое разочарование: «Оставить без уваженья» — резолюция такого содержания была начертана на его прошении...

Нелегка, видно, была судьба десяти детей Нила Литвинова. Но один из них — Борис Литвинов, несомненно, «вышел в люди» став офицером царской армии. Разные офицеры служили в царской армии. Многие из них, особенно те, кого судьба забрасывала в гарнизоны туркестанских городов и селений, нередко коротали досуг в своих офицерских клубах за картежной игрой и беспросветным пьянством. Но были среди офицеров и другие, любознательные и энергичные люди. Из них выходили неутомимые путешественники-исследователи, талантливые писатели и художники-любители.

Пытливость путешественника, талант писателя и художника сосредоточил в своем лице Борис Нилович Литвинов. Немногое известно о его жизни и деятельности. Однако можно установить, что в 1894 году молодой офицер участвовал в длительном походе на Памир небольшого русского отряда. Лишь спустя десятилетие, когда описание похода не представляло ничего секретного, Литвинову удалось опубликовать описание этого трудного предприятия. Осуществляя «тяжелый изнурительный поход по горным высям Туркестана и Памира и по безводным солончаковым степям древнего Оксуса», отряд прошел «две тысячи верст по самым неприступным горным кряжам, ледникам, ущельям и по голой степи, при тропической жаре». В течение семидесяти четырех дней похода, отряд имел «на дневки и отдых» только десять дней.⁷¹

В двух направлениях был пройден громадный район Восточной

Бухары. Отрядом был открыт неведомый дотоле перевал Сия-Кух, окруженный мощными ледниками. Из множества сделанных в пути зарисовок, Литвинов опубликовал виды селений Каратаг, Верхнего и нижнего Гумая, пейзаж, зафиксированный на вершине перевала Патка и виды крепостей — Бальджуана, Дыроу и Кабадиана. Оригиналы этих рисунков хранятся в собрании Государственного Исторического музея в Москве. Исполненные с большим мастерством и вкусом, рисунки Литвинова охотно публиковались. Два рисунка пером, изображающие укладку пути на Закаспийской дороге, датированные 1900 г., были опубликованы в 1903 г. как иллюстрации к известному Путеводителю по Туркестану А. И. Дмитриева-Мамонова.¹⁸

Активный член Закаспийского кружка любителей археологии, Б. Литвинов с увлечением изучал архитектурные памятники Средней Азии, внимательно зарисовывал детали облицовок знаменитых и малоизученных памятников монументальной архитектуры. К началу XX века исполненные им такого рода зарисовки уже имелись в Академии художеств и Асхабадском музее.

Накопив большой и хорошо организованный материал, Литвинов в ноябре 1907 года, предложил приобрести у него для Ташкентского музея 25 таблиц рисунков облицовок архитектурных памятников Средней Азии.

Письмом от 27 ноября 1907 г. Литвинов обратился к Туркестанскому генерал-губернатору с предложением приобрести у него указанные таблицы.¹⁹ Все таблицы Литвинов объединил в три группы: группу А, В. и С. Группа А объединяла акварели с облицовок мечети в Анау, мавзолея — усыпальницы в Керках, мавзолея Астанабаба в 15 верстах от гор. Керки, а также мавзолеев комплекса Шах-и-Зинда и Ак-Сарай в Самарканде.

В составе группы В были: детали облицовок Биби-ханым, медресе Улугбека, Шах-и-Зинда, Гури Мира, мавзолея султана Санджара в Мерве, орнаментация с развалин «Гышь-тепе и Шуллюктепе». В группе С были только писанные маслом виды порталов «могилы Тамерлана».

Предлагая приобрести все 25 таблиц за 1250 рублей, Литвинов указывал, что в этом случае «музей будет иметь полное собрание основных рисунков почти всех памятников древности Туркестана».

Не получив ответа на свое первое письмо, Борис Литвинов, 27 мая 1907 г. пишет еще одно письмо, в котором предлагает приобрести у него «акварельную коллекцию рисунков с мозаичных украшений на архитектурных памятниках мусульманской старины в Самарканде и Ташкенте», которую он «готовил для Музея училища барона Штиглица через посредство А. А. Половцева». Но этот музей принял только часть работ Литвинова: зарисовки облицовок мавзолея Ширин-бик-ака в Самарканде.

Предлагаемая Литвиновым коллекция состояла из 53 таблиц размером 48×64 см. «вмещающих в себе 88 главнейших и характернейших орнаментов нижеследующих памятников (чистая цвет-

ная акварель с натуры): 1. Ширин-бик-ака 13 таблиц, (27 рисунков). 2. Шах-и-Зинда 11 таблиц, (14 рисунков). 3. Куссама ибн Аббаса 3 табл. (5 рисунков). 4. Медресе Улугбека 10 таблиц, (15 рисунков). 5. Мавзолея Ходжа Абду Бируни (1 рисунок). 6. Медресе Ходжа Ахрар 4 таблицы (6 рисунков). 7. Медресе Шир-Дор 3 таблицы (6 рисунков). 8. Мечети Биби-Ханым 4 таблицы (6 рисунков). 9. Медресе Тилля-Кари 3 таблицы (5 рисунков). 10. Мечеть Хазри Шаш 1 табл. (3 рисунка)». Далее Литвинов сообщил, что предварительные сведения о его коллекции мог бы дать «член Туркестанского кружка любителей археологии И. Т. Пославский».

Назначив для музея по 40 рублей за таблицу, Литвинов хотел получить за всю проделанную им огромную работы две тысячи сто двадцать рублей. Половину этой суммы он хотел получить при передаче рисунков Музею. Остальные деньги соглашался ждать в течение года. Работы Бориса Литвинова несомненно представляли большую научную и художественную ценность. За это говорит наличие его произведений в Академии художеств (облицовки Гури-Мир) и в асхабадском музее (мечеть в Анау).

Особую ценность рисункам Литвинова придавало наличие среди них работ, отображающих такие в те годы трудно доступные памятники, как мавзолей в Керках и другой — в 15 верстах от этого города, а также орнаментальные мотивы убранства руин в Гишь-тепе и Шуллак-тепе, которые начали изучаться лишь советскими археологами. До Литвинова никто не фиксировал убранство ташкентского мавзолея «Ходжа Хазри Шаш» в его формулировке.

Из резолюции генерала Гродекова на письме Управляющего туркестанской контрольной палатой от 18 января 1908 г.¹⁹ в котором сообщалось о невозможности изыскать нужные средства для приобретения у Литвинова указанных 53 таблиц, видно, что первые 25 таблиц были у него куплены для ташкентского музея.

26 января Гродеков написал: «Придется отказаться от приобретения в второй серии литвиновских рисунков» (курсив наш ГЧ). Какова была судьба этой громадной работы — нам установить не удалось.

О последующих трудах Бориса Литвинова можно сообщить следующее. В 1908—1910 гг. он опубликовал ряд статей, содержащих изложение истории и описание современного состояния городов Керки и Карши. Статья «Керки. (Картинки амударьинской жизни)»²⁰ рассказывает о жизни городка, ставшего одним из центров ковровой торговли. Среди иллюстраций к статье можно отметить живо трактованную жанровую сценку на берегу Амударьи, а также весьма тщательно выполненные пером детали туркменской ковровой дорожки и надписи на камне из мечети Астана-баба. Это была одна из последних работ талантливого художника-путешественника: в 1914 году Литвинов пал жертвой первой мировой войны.

Художник-профессионал, неутомимый путешественник, знаток поклонник искусства среднеазиатских народов Самуил Мартынович Дудин (1863—1929) сделал несравненно больше, чем офицер Литвинов.

Сын крестьянина Херсонской губернии, Дудин поступил в Академию художеств осенью 1891 года. В это время он, как указано в документах, «состоял в качестве рисовальщика Орхонской экспедиции академика В. В. Радлова в Монголии».²¹

В 1895—1896 гг. Дудин принимал участие в экспедиции Н. И. Веселовского, направленной для изучения самаркандских мечетей.²²

Окончив Академию со званием художника в марте 1898 г., Дудин становится пенсионером и выезжает во Францию, откуда возвратился, видимо, в конце того же года, так как в 1898—1899 гг. опять сотрудничает в Самарканде с Н. И. Веселовским.²³

В 1900 г. музей имп. Александра III, в составе которого в это время уже был этнографический отдел, командировал Дудина в Самарканд «для приобретения археологических вещей, одежды, оружия, ковров, посуды а также списывания орнаментов в памятниках древности и туземных домах». Работая в Самарканде, Дудин пожертвовал местному музею свою большую картину «Дервиш».²⁴

16 февраля 1902 г. С. М. Дудин выступал в Обществе поощрения художеств в Петербурге с докладом «О художественной промышленности туркмен и сартов».

Одновременно в заметке сообщалось, что путешествуя по Средней Азии «по поручению музея имп. Александра III, в течение двух лет», Дудин собрал для этого музея «богатейшую и разнообразнейшую коллекцию предметов быта и этнографии края».²⁵

Из официальной справки академического издания и воспоминаний знавшего Дудина художника А. А. Рылова²⁶ можно установить, что «живописец и этнограф», С. М. Дудин «состоял хранителем при Музее антропологии и этнографии Академии наук», написал ряд статей по этнографии Средней Азии, участвовал во многих научных экспедициях. А. А. Рылов помнил Дудина как страстного библиофила, большого знатока восточных ковров и самаркандских изразцов. Завсегдатай книжных лавок букинистов, Дудин «до страсти любил восточные ковры и имел хорошую коллекцию их. Живописью занимался между прочим».

В составе указанного личного дела С. М. Дудина имеется ряд документов, дающих представление об огромной работе этого художника по художественной фиксации среднеазиатских орнаментов, выполненной им за семь лет с необычайной широтой охвата, совершенно неизвестной ни одному из его предшественников.

5 марта 1906 года Дудин подал в Совет Академии художеств пространное заявление. Он сообщал, что с целью «восполнить пробел» в изучении орнаментации народностей Средней Азии, он

«исполнил ряд калек, заметок, и фотографий» охватив орнаменты «туркмен, киргиз, каракиргиз, сартов и узбеков». Накопленный материал распределялся по следующим группам.

«Изразцы: расписные, изразцы рельефные, резные с поливной и без поливы и изразчатые мозаики, встречающиеся как декоративный материал на старинных сооружениях края».

Здесь представлены были «мечети в Самарканде, из которых многие не обработанные Археологической Комиссией, мечети в Анау, Шахрисябзе, также необработанные Комиссией. Мечети в Бухаре, Коканде, Намангане, Аулие-Ата, Ташкенте, Андижане, Кашгаре и др.». Кроме этого, использованы «фрагменты кирпичей и облицовочных плит, собранные (Дудиным. ГЧ) при раскопках, на старинных мазарах и приобретенные покупкой». Далее следуют такие группы:

«Резьба по мрамору и гипсу: надгробные плиты старых кладбищ, мечетей разных народов.

Мозаика из цветного гипса. Самарканд и Коканд.

Керамика из раскопок и современная у сартов.

Резьба по дереву—двери мечетей и зажиточных жилищ и предметы обихода у сартов и киргиз.

Тиснение по коже—сарты и каракиргизы.

Роспись стенная. Сарты. Узбеки.

Ковры. Туркмены. Узбеки. Киргизы.

Вышивки. Сарты. Туркмены. Киргизы.

Чекан по меди. Сарты. Персы (старинные).

Резьба по меди, тоже.

Чекан по железу. Сарты. Узбеки. Киргизы.

За семь лет художнику удалось исполнить 57 таблиц («почти закончены только киргизы..»). Указывая на важность его материалов, Дудин просил Академию выдать ему пособие «на окончание хотя бы части работ, с тем, чтобы затем они были представлены Совету». Весь альбом Дудин намечал состоящим из 350 листов. Размер желательного пособия Дудин определил в 500—600 рублей. Из справки бухгалтерии (лист 54) видно, что Дудину было выдано 600 рублей.

Спустя год, в заявлении от 30 марта 1907 года (лист дела 57), Дудин сообщил, что благодаря полученной ссуде он, «получил возможность закончить первую часть альбома, обнимающую орнамент киргиз и каракиргиз; прибавить ряд таблиц мозаичного и расписного орнамента старинных сооружений Средней Азии и начать (исполнено 25 таблиц) орнаменты керамических изделий Средней Азии по фрагментам из раскопок, собранным мной». Дудин предлагал приобрести у него еще 60 таблиц по 30 рублей каждую.

«Получение этой суммы, писал он, дало бы возможность продолжать и в текущем году работу».

Из докладной записки Канцелярии Академии на имя Президента ее, видно, что в апреле 1907 г. у Дудина было приобретено

«за 800 рублей 60 акварельных таблиц «Орнаментика Средней Азии». (Лист 63).

О дальнейших работах Дудина в деле нет никаких данных. Есть основания полагать, что в полном объеме, как она представлялась художнику, работа завершена им не была. Вскоре Дудин выезжает из Петербурга в далекую экспедицию. В 1909 г. он вместе с академиком С. Ф. Ольденбургем «прожил семь месяцев в пустыне Гоби» откуда «возвратился в Петербург только 24 марта 1910 года».²⁷

Семилетняя работа С. М. Дудина по сбору и фиксации орнаментов с памятников монументальной архитектуры и весьма широко взятых произведений прикладного искусства, причем не только бытовавших в его время, но и по археологическим фрагментам, представляется нам как поистине героический труд. Ничего подобного не мог осилить не только ни один из его предшественников, но и в последующее десятилетие, завершавшее колониальный период истории Средней Азии, никто ничего подобного не предпринимал.

В составе переданных Академии художеств ста семнадцати таблиц, исполненных Дудиным, можно было найти немало интереснейших изображений, снятых с многих памятников из нескольких среднеазиатских и кашгарских городов. В работах Дудина можно было встретить орнаментацию на вещах, которых до него никто не изучал, например, тиснение по коже, стенные росписи, вышивки, чеканку по железу.

Художнику удалось осуществить только треть из того, что было им задумано (117 таблиц из 350) но и эта огромная работа представляла для своего времени большую научную ценность. Потеряв 1000 рублей, поскольку за 60 таблиц ему было заплачено вместо 1800 рублей лишь 800, Дудин проявил сознание патриота, сделав свой труд доступным специалистам.

Думается, что и в наше время, когда трудами советских археологов и искусствоведов необычайно расширился круг изданий, охватывающих среднеазиатскую орнаментацию, работы Бориса Литвинова и Самуила Дудина не утратили своего научного значения. Поэтому розыск, изучение и, может быть, опубликование этого драгоценного наследия русских пионеров собрания среднеазиатской орнаментации было бы достойным завершением их героического труда.

П р и м е ч а н и я.

1. Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958, стр. 64.
2. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Издание Туркестанского статистического комитета. Под редакцией Н. А. Маева. Выпуск III. СПб., 1874, стр. 117—118.
3. Кун А. Л. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 году. Изве-

ствия Русского Географического общества, том X, № 1, 10 января 1874 г. стр. 58. А. И. Макшеев (Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских СПб., 1890, стр. 328) упоминает об участии Д. Резвого в Урун-Дарьинской Экспедиции 1874 г.

4. Каталог Артиллерийского исторического музея. Каталог произведений изобразительного искусства. Книга 1. Живопись. Л. 1959, стр. 146. Резвой изображен в мундире лейб-гвардии Саперного батальона. Орден Иоанна Иерусалимского («Мальтийский крест») достался ему по наследству. На право ношения этого ордена Резвой испрашивал особое разрешение Туркестанского генерал-губернатора.

5. ЦГИА УзССР. Фонд № 1. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, опись 20, арх. № 2658, лл. 3—8, Формулярный список о службе А. П. Матафтина.

6. Русский биографический словарь. Том Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904, стр. 447.

7. Искусство Средней Азии. Сборник орнаментов и узоров, снятых с природы на памятниках архитектуры и предметах гончарных, ткацких, ювелирных и проч. членом Самарской ученой экспедиции Н. Симаковым в 1879 г. СПб. (1883) На обложке: Сборник среднеазиатской орнаментации, исполненной с природы Н. Е. Симаковым. СПб., 1883. Рецензия В. В. Стасова опубликована в приложении к «Вестнику изящных искусств» за 1883 г. № 4.

8. Г. Чабров. Туркестан на всероссийских и всемирных выставках (1867—1914). Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, выпуск 142. Т., 1958, стр. 46.

9. Текинские орнаменты с их применением для ковров, вышивок и проч. Собранные А. Астафьевым в Ахал-Текинской экспедиции. Выпуск 1. (б. м. б. г.). По цензурной отметке «Дозволено цензурой 8 мая 1885 г» можно судить о времени издания альбома.

10. О работах Мирза Барата см. Г. Чабров. Выставочная работа в Туркестанском крае (1869—1916). Труды Музея истории Узбекской ССР, выпуск III, Т. 1956, стр. 121—122 и Г. Чабров. Узбеки — археологи дореволюционного Туркестана. «Звезда Востока» 1957, № 1, стр. 144—145

11. Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917) Т. 1958, стр. 37—38.

12. Головин Гр. Гончарное производство. Кустарные промыслы Туркестана, статья в газете «Вестник выставки 1909 г. в Ташкенте» стр. 10.

13. Бурдуков Н. Гончарные изделия Средней Азии. СПб. (1904), стр. IV.

14. ЦГИА в Ленинграде. Фонд № 789. Академия художеств. Опись 11 арх. № 137. Шмидт Генрих Генрихович, листы 46 и 56.

15. Чабров Г. Пятьдесят лет назад (О поездке Г. Шмидта в Среднюю Азию). Газета «Среднеазиатский университет» № 16—17, 6 ноября 1956 г.

16. ЦГИА в Ленинграде, Фонд № 789 Академии художеств, Опись 11 арх. № 93 Литвинов Нил Яковлевич, листы 1—5.

17. Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памиры. Исторический Вестник, октябрь—декабрь 1904 г. стр. 1085—1086.

18. Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге под редакцией А. И. Дмитриева — Мамонова. СПб., 1903, стр. 157 и 161.

19. ЦГИА УзССР. Фонд № 1, КТГГ, Опись 17 арх. № 692. листы 12, 13, 14, 15, 21.

20. Литвинов Б. Керки (Картинки аму-дарьинской жизни). Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го М. 1910. Литвинов Б. Заметки о Карши. Братская помощь. Иллюстрированный военно-общественный журнал, 1908, декабрь.

Литвинов Б. Карши. Туркестанские Ведомости, 1910, №№ 114—116.

21. ЦГИА в Ленинграде. Фонд № 789. Академии художеств, Опись 11. арх. № 164. Дудин Самуил Мартынович, лист 1.

22. Луинин Б. В. Цит. соч, стр. 30.

23. ЦГИА в Ленинграде фонд , № 789 (опись 11, арх. № 164 листы 11 и 37 и Б. В. Луинин, цит. соч. стр. 30.

24. Газета «Русский Туркестан» 1910, № 5. По мнению Г. А. Пугаченковой, полотно «Дервиш» написано хорошо с профессиональной точки зрения, в отличие от других произведений, которым свойственен «пассивно-созерцательный характер» (Изобразительное искусство Узбекистана, Т. 1957, стр. 55).

25. Закаспийское Обозрение, 1902, № 57.

26. Императорская Академия художеств. Музей. Русская живопись. П, 1915, стр. 218. Рылов А. А. Воспоминания, М., 1954, стр. 198—199.

27. Туркестанские Ведомости. 1910, № 75.

М. Е. Массон.

ИЗ ПРОШЛОГО ТИГРОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Историческая справка)

„Вспомни, что я был некогда
владыкой джунглей“.

Р. Киплинг. Маугли

Термин «тигр» может быть одного корня с древнеиранским словом «tigra» = «стрела». Крупный, достигающий в длину без хвоста свыше двух метров, кровожадный хищник, обладающий к тому же страшной силой, туркестанский или среднеазиатский тигр «юлбарс» или «джулбарс» — по тюркски, «шир» или «шер» — по таджикски, имеет в Средней Азии еще и эпитет «падша», а в северной Индии иногда именуется еще «ширхан», т. к. считается царем всех местных зверей. Он заставлял трепетать и людей. Недаром при неожиданной встрече с ним безоружного путника рекомендовалось или притвориться мертвым, или приветствовать его, как человека, мусульманским возгласом «ас-салям алейкум!» (Мир Вам!). А затем, чтобы умиловить владыку камышевых джунглей, не глядя ему в глаза, почтительно произнести: «У меня нет с тобой никакого дела; ты бы шел своей дорогой, а я пойду своей».

В прежнее время среди местного населения было распространено убеждение, что лютый и бесстрашный царственный хищник смиряется только вблизи могил особо чтимых мусульманских святых и это признавалось верным признаком их духовного величия. Так персонал, обслуживавший находившийся среди приамурдарьинской группы развалин Старого Термеза мавзолей Хакими Термези, уверял, что тигры, спускавшиеся в зимнее время вслед за кабанами вниз по Аму-Дарье, проходя в порядке паломничества вблизи мазара, совершали ежегодно поклонение могиле Термез-ата, которую трижды обходили вокруг, не нанося никому никакого ущерба, и потом следовали далее в сторону Келифа. По показанию таджиков горного селения Заркент Ташкентской области, еще в конце прошлого столетия одиночные тигры приходили поздней осенью на поклонение расположенному несколько выше этого кишлака чтимому мазару некого Имама Мухам-

меда, более известного под прозвищем «Бобо-и мурадбахш» (т. е. «Отец, дарующий исполнение желаний»). Хищники, идя к мазару, как подобает настоящим благочестивым зиаратчи, якобы «воздерживались от греха», не резали пасшихся в горах лошадей и разрешали это себе только на обратном пути. Приближаясь к месту погребения Имама Мухаммеда, около которой в эту пору оставался на зиму жить только один юродивый-дивана, каждый тигр будто бы выполнял положенную для паломников церемонию, три раза обходил вокруг мазара, а под конец прикладывался мордю к порогу постройки, возведенной над «святой» могилой. Собственными глазами никто этого не видел, кроме упомянутого дивоны, со слов которого и передавались приводимые подробности. Тигровые паломничества в окрестностях Заркента прекратились уже давным давно, что местные таджики связывали с постановкой в горах еще в до-революционное время царскими землемерами столбов, обозначавших границы охранявшихся лесничими так называемых «лесных казенных дач», что может быть было принято гордыми ширами за личную обиду.

Тигр, наряду с таинственной ядовитой черной змеей, в былых представлениях различных народов Средней Азии, в ряде случаев фигурировал также в роли охранителя почитаемых могил. Так, например, по преданию, бытовавшему у проживавших в Ахале туркмен теке, находящееся у руин мечети Анау могильное сооружение прошлого столетия над местом погребения некоего Ходжа Музаффафа по ночам приходил оберегать тигр.

В средние века полуприрученные тигры использовались в качестве «неподкупных» охранителей потентатов, которые имели основание почему либо побаиваться покушения на свою жизнь. Известно, что около спальни саманида Насра I, сына Ахмеда, внука Исмаила, на ночь привязывали на цепи тигра, который разорвал бы всякого, кто попытался бы проникнуть в помещение спящего правителя. В ночь на 23 января 914 года, когда Наср во время охоты на берегу Аму-Дарьи заночевал в палатке в окрестностях Феребра, тигр по забывчивости ли слуг или с умыслом не был приведен к шатру, что позволило заговорщикам из среды гвардейских гулямов беспрепятственно совершить убийство своего государя.

У некоторых правителей последних среднеазиатских ханств для представительства считалось весьма парадным содержать пойманных тигров в больших глубоких ямах с отвесными стенками, вырытых в дворцовых ханских садах. Шкуры тигров в старину фигурировали в придворном быту и их постилали для сидения государям, как это между прочим запечатлено на одной тимуридской книжной миниатюре Шах-наме, отражающей обстановку XV столетия, хотя по сюжету она относится ко времени правления легендарного царя Кеямурса. Характерно, что на тимуридских и сефевидских миниатюрах XV—XVI вв. эпический герой Рустам бывает одет в короткий кафтан из тригровой шкуры.

Удалым среднеазиатским богатырям за военные доблести в сражении присваивали почетное прозвище «Джулбарс». Этим именем нарекали иногда ханских детей, чтобы тем самым воздействовать на формирование в ребенке и юноше необходимых будущему правителю некоторых качеств царственного животного. За его острыми когтями признавалась магическая сила. По снятию с убитого тигра skóry их иногда отрезали и носили при себе, так как они считались полезным амулетом вообще и в частности лучшим оберегом от козней в ночной тьме злой ведьмы Албасты. Не случайно, конечно, и появление изображений этих животных, вероятно отражающих старинные представления об обереге, на выложенных изразцами величественных порталах некоторых среднеазиатских архитектурных памятников. Пара несколько фантастических по своей окраске белых тигров вместе с двумя белыми же фениксами имелась в тимпанах пештака бухарского медресе, отстроеного в 1623 году при архитектурном комплексе у Лябихауза по распоряжению видного сановника главы узбекского рода арлат Надыр Мухаммеда диван беги. По главным давно утраченным крупным изображениям здание в свое время было известно в народе под названием «Шир-дор», т. е. «Имеющее широв». С именем того же вельможи связано появление двенадцать лет спустя в Самарканде у мазара Ходжа Ахрара другого медресе, по сохранявшимся еще в пору завоевания города русскими войсками изображению на главном фасаде двух пар больших и малых изразцовых широв носившее название «Кичик Шир-дор», т. е. «Малое Шир-дор». Эта народная кличка была дана ему в отличие от одновременно с ним законченного сооружения значительно более крупного медресе на самаркандском Регистане, где оно возводилось на протяжении свыше четверти века на средства знаменитого в то время главы рода алчин Ялангтуш-бий бахадура. Уцелевшие до наших дней на его портале два шира, композиционно связанные с убегающими от них пятнистыми ланями и восходящими глазастыми, широконосими, с двумя черными кудряшками дисками солнца, передают далеко не вполне реалистический облик тигра. У них разинутая пасть, длинное оранжевое тело с характерными черными тигровыми полосами и вместе с тем всклокоченная завитками грива.

Быть может в этом следует видеть одну из поздних реплик традиции среднеазиатского искусства дополнять изображения тигра гривой, присущей тесно связанным с ним родством льву. В таком случае допустимо отнести к сцене с тигром считающийся ахеменидским по своему происхождению сюжет борьбы человека со вставшим на задние лапы крупным хищником кошачей породы. Такая сцена встречается и на среднеазиатских геммах и на медных, когда то посеребрённых драхмах поры кризиса рабовладельческого общества. Вообще археологическая иконография тигров пока представлена малым числом памятников. Очень фрагментированные изображения трех особей этих зверей были

найлены на небольших кусках стальных росписей при раскопках руин дворца хорезмшахов на городище Тупрак-кала. Встреченная там очень реалистично выполненная свирепая голова тигра en face явно принадлежит самцу почтенного возраста, о чем свидетельствует наличие на его щеках удлиненной шерсти, образующей некоторое подобие бакенбард. Был нарисован тигр и на стальной росписи так называемого Варахшского дворца. Здесь он выступает одним из персонажей шествия зверей. Уцелела лишь нижняя часть фигуры идущего влево бело-желтого с черными полосами тигра, словно покрытого белой тканью с черным рисунком. Последняя деталь заставляет думать, что перед нами не просто дикий тигр. Что же касается среднеазиатских наскальных рисунков, то весьма вероятно, что среди изображенных на них достаточно примитивно крупных хищников кошачьей породы, обычно признаваемых за барсов, и, как исключение, за львов, в некоторых случаях следует видеть именно тигров. Вполне вероятно, что и фигуры людей, представленных в среднеазиатских наскальных рисунках с показом спускающихся вниз длинных хвостов, не все облачены обязательно в барсовые шкуры, как это обычно трактуется исследователями, а часть из них окутана шкурой тигра, который мог быть у них племенным тотемом, подобно тому, как это имело место в древнем Китае.

В феодальную пору у среднеазиатских сельджуков убийство тигра молодым человеком засчитывалось ему наравне с победой в единоборстве над врагом. После того он признавался оформившимся воином, у локтя его подвязывался хвост яка-кутаса, считавшегося почитаемым животным у тюрок, а шкура убитого хищника долгое время сопровождала всадника, как наглядное доказательство его подвига. Известно, что в мавзолее Хазрет Ахмеда Ясеви в городе Туркестане надмогильное сооружение над местом погребения казахского хана XVIII века Джулбарса, до сих пор покрыто наброшенной на него ветхой шкурой когда то давным-давно убитого тигра.

Среднеазиатский или туранский тигр принадлежит к особому подвиду с мягкой, относительно длинной и светлого оттенка шерстью (*Tigris tigris virgata Matschie*). Сведения о нем под именем «гирканского льва» (так по Птолемею; правильнее же «гирканский тигр») встречаются еще у греко-римских авторов, именовавших иногда тигра термином „leo tigris“. Тигры подразумеваются и под львами в районе Талихана, упоминаемыми в записках путешественника XIII в., Марко Поло. Давно пора покончить с европейской традицией в применении к Средней Азии переводить термин «шир», которым обозначали одновременно и льва и тигра, преимущественно первым значением. Несомненно, и убитый в 328 г. до н. э. в заповеданном парадизе, Базайры под Самаркандом Александром Македонским представитель крупной кошачьей породы, и подарочные животные согдийских правителей VII в., отправлявшиеся при посольствах в да-

лекий Китай, и водившиеся, по Хафизу Абру, в XV в. в больших камышевых зарослях у Бурдагуйской переправы через Аму-Дарью близ Термеза и многие другие мнимые львы-ширы в действительности были именно туркестанскими тиграми. Среди них лишь изредка попадались более яркие по окраске экземпляры, которые считались случайно забредшими из Индии так называемыми «бенгальскими» или «королевскими» тиграми.

Как устанавливается по данным письменных исторических источников, в прежнее время ареал распространения туркестанского тигра был очень обширен. Он водился, предпочитая камышевые джунгли и густые трудно проходимые тугаи, по Гюргену, Атреку, Сумбару, Теджену, Мургабу, (где между прочим, в 3 фарсахх восточнее Мерва в X веке имелось селение Ширнахджир, что значит «добыча тигра»), по всей Аму-Дарье, начиная от областей по Пянджу, Вахшу, Кафирнигану до Хорезма и дельты реки включительно, в долине Зеравшана, по Сыр-Дарье от Ферганы, долины Ангрена и Чирчика до самых низовьев, по Таласу, Чу, в Джунгарском Алатау, в Прибалхашье, по Или вплоть до Кульджи. Отвоевание человеком под культурные земли больших массивов былых диких зарослей, выжигание камышей, уменьшение в связи с этим кабанов, служивших главой пищи тиграм, наконец, физическое истребление последних обусловили процесс постепенного сокращения числа этих хищников. Лишь в периоды крупных общественных потрясений, сопровождавшихся длительным упадком хозяйственно-экономической жизни страны, на некоторое время создавались условия, способствовавшие не только задержке в окончательном исчезновении тигров, но даже известному увеличению их числа. Когда при своем торжественном продвижении из Кара-Корума через Кеш и Шапурган в Хорасан монгольский хан Хулагу с многочисленной свитой переправился через Аму-Дарью 1-го января 1265 года по специально наведенному для этого у Келифа понтонному мосту из собранных сюда судов и лодок (вероятно типа каюков или киме), то на другой день для развлечения он отправился на прогулку вдоль левого берега этой реки. Неожиданно из середины тугайно-камышевой чащи появились тигры. Хулагу распорядился, чтобы всадники, оцепив это место, устроили на них облаву. Так как кони пугались тигров, людям пришлось пересечь на взъяренных верблюдах, и после того удалось добыть здесь в результате однодневной охоты десять экземпляров этих хищников. Приведенное количество может служить показателем значительного размножения тигров на Аму-Дарье к середине XIII века, как одного из последствий монгольского завоевания. В последний раз такое же явление имело место в период всеобщего кризиса, охватившего Среднюю Азию в XVIII в., когда произошел полный упадок ирригационных систем, обезлюдение и одичание ряда прежде культурных мест. Последствия этого красноречиво запечатлены в словах хивинского историка Муниса в части Хорезма: «Деревни

и пашни обратились в заросли; озера — в камышевые болота, дикие звери заменили людей; в столице оставалось не более 40 семейств...» Подобное положение было почти повсеместным явлением. Именно в ту пору подвергались новому заболачиванию местности Суфион под Бухарой, Денау-Юрчинского района, Ахангеран, Фергана и на много лет совершенно обезлюдели Самарканд, Шихрисябз, частично даже столичная Бухара и другие города. Про Самарканд Мир-Иззет-Улла убежденно писал, что хуждры его регистанских медресе использовали тогда в качестве логова тигры и волки. Одновременно резко повысилось поголовье кабанов и умножились числом туркестанские тигры. Уничтожение их стало неизбежной заботой общества, с которой оно, только-только выходя из состояния изживавшегося на протяжении конца XVIII и начала XIX вв. кризиса, справлялось не очень успешно. На этом то этапе и столкнулись в Туркестане с тиграми русские охотники.

Плохо вооруженное местное население во всех ханствах обычно боялось тигров. Если последние начинали наносить уж слишком чувствительный ущерб хозяйству, уничтожая домашний скот, или когда в числе их жертв оказывались дети, а также взрослые, после чего звери, особенно под старость, на своем опыте убеждались в полной съедобности, слабости и беззащитности невооруженного человека, проявляли особую склонность к людоедству, ханская администрация, как и в Китае, организовывала на них крупные облавы, в которых принимали участие сотни и даже тысячи людей. Так, в тридцатых годах прошлого столетия под Ташкентом в районе Бешагача, в овражистом районе по Бурджару, около современной городской бойни и Комсомольского озера, почти буквально под городской стеной, поселилась пара тигров. По распоряжению Беклярбека на облаву для их уничтожения было собрано до двух тысяч человек.

Под Бухарой, в низовьях Зеравшана при подобных же обстоятельствах сооружалась бревенчатая окованная железными полосами крупная клетка, которая устанавливалась на четыре огромные арбянные колеса. Внутри ее размещали охотников с ружьями, боеприпасами и продовольствием, накрепко заделывали вход. После того эту клетку закатывали в гущу камышей и оставляли ее там на некоторое время. Появившийся тигр, иногда даже храбро бросавшийся на прочную клетку, поражался выстрелами сидевших в безопасном убежище охотников. Через сутки их навещали или перекатывали на новое место, или, в случае благоприятных результатов, высвобождали из добровольного заключения.

У казахов практиковался коллективный способ охоты с помощью глухой юрты, которую собирали без дверей у оцепленного конными пикетами места, где упорно залег тигр. В отверстиях тундюка закреплялось наряженное под человека чучело, а внутри юрты снизу заползало от шести до восьми человек, которые ухватившись за кереге, медленно пододвигали ее к зверю. Шагах в

тридцати от него юрту опускали. Часть охотников, повиснув на деревянном остове всей тяжестью своего тела удерживали его плотно прижатым к земле на случай, если тигр вдруг кинется на него, а другие стреляли в зверя из нескольких ружей с близкого расстояния обычно наверняка без промаха.

Был в употреблении и прием охоты на живую приманку, когда барашка, козленка и даже теленка сажали в глубокую яму, с отвесными стенками, а охотники с ружьями располагались на высоких деревьях с вертикальными стволами, по которым тигры лазить по самой своей природе совершенно не способны.

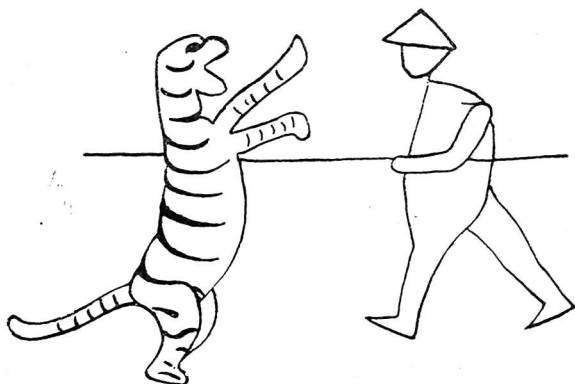
В индивидуальном порядке борьба с тиграми сводилась обычно к расстановке у места лежания зарезанных ими, но не доеденных за один прием трупов животных, капканов, заряженных ружей, и даже ножей, закрепленных в гибких шестах. Тигр, задев протянутую на его пути бичевку, разряжал в себя ружье, или, опустив сторожок, тем самым приводил в движение упругий шест, который выпрямляясь, бил животное ножом или двумя ножами. Бывали, однако, охотники, которые решались выходить против тигра с глаза на глаз. Завидев зверя, охотнику рекомендовалось тихо, но настойчиво произносить: «Шир-падша! Мард, мард», т. е. «Царь Тигр! это человек, это человек». Предполагали, что замороженный этими словами зверь, якобы будет неподвижно стоять и даст время метко в себя прицеливаться.

Для последних столетий известно несколько эпизодов необычных столкновений с тигром. Один из них имел место в первой четверти XVIII века в Фергане на правом берегу Сыр-Дарьи, ниже Балыкчи. Здесь во время похода против наманганцев остановился лагерь правитель Ферганы, Шахрух-бий. В ожидании дальнейших событий, он отправился на охоту и в тугае натолкнулся на тигра. Рестерявшаяся свита остолбенела и, когда тигр приготовился к прыжку, в страхе разбежалась. Шахрух же на коне рванулся к зверю. Тот кинулся на правителя и когтями разорвал халат, обнажив грудь и плечи. Тогда бий, прозванный за богатырское сложение «медведем», спрыгнул с коня, навалился всем телом на тигра и, сдавив горло зверя мощными руками, задушил его. Неожиданный исход единоборства, произвел сильное впечатление на врагов, и те поспешили заключить с Шахрухбием мир.

Другой эпизод произошел зимой 1816/17 годов. Выступив в поход на Ташкент, Кокандский хан Алим остановился тогда в долине Чирчика близ Куйлюка на дневуку. Во время начавшейся вскоре охоты из большой туранговой роши вдруг раздались призывы о помощи. Хан со свитой кинулся на зов и увидел, что пара тигров успела разорвать и поранить несколько человек. Алим на виду у тигров предложил щедрую награду тому, что убьет зверей. Нукеры открыли стрельбу, но тигры бросились навстречу выстрелам и подмяли еще несколько человек охотников, после чего большая часть солдат разбежалась. Вслед за тем сын хана Шахрух, пешком подкрался между деревьев к самке и уложил

ее из ружья наповал. Тогда второй сын Алима, будущий кокандский хан Омар, не допуская публичного превосходства над собой брата, выхватил мулдук, конный бросился на самца и поразил его пулей в самое сердце. Крики одобрения приветствовали обоих братьев, которым Алим хан на месте же сделал дорогие подарки.

В народе очень широкой популярностью пользовались те охотники, которые ходили специально на тигра один на один. Сто



Илл. 1. Среднее течение Сыр-Дарьи. Роспись внутри казахского мавзолея первой половины XIX века.

лет назад в Фергане, например, был некий узбек, который убил зверя пикой где-то в районе Балыкчи или Мингбулака. И до недавних еще пор передавали, что репутация кокандского хана Ширали (1842—1845 гг.) окончательно пошатнулась в общественном мнении именно после того, как он, испытывая страх за свой трон, по подозрению велел зарезать этого богатыря узбека. Примененный последним способ в борьбе с тигром не был единственным. В росписи одного из казахских мавзолеев первой половины прошлого столетия в одном из урочищ нижнего течения Сыр-Дарьи изображена сцена, как покойный богатырь всаживает пикю в брюхо поднявшегося на задние лапы крупного тигра.

Более эффективная борьба с тиграми в XIX веке падает на время после присоединения Средней Азии к России. Еще в 60—80-х годах тигры в некоторых районах представляли порой определенную угрозу плохо вооруженным местным жителям. Так, в Чирчикской долине в холодную зиму 1882—1883 гг. пара тигров,

заявивших тропу через камыши в урочище Садыр-куль, по официальным статистическим данным русской администрации, истребила из обитателей окрестных селений двадцать человек, когда те проезжали по указанной тропе в соседние аулы и на базары. Нападения этих зверей прекратились только с наступлением весны. Для истребления хищников и кабанов в войсковых частях были созданы специальные охотничьи команды, затравливавшие зверей с помощью собак и расстреливавшие их из винтовок системы бердана. Поощрялась и частная инициатива. За убийство тигра охотнику — кто бы он ни был — выдавалась премия в размере 25 рублей, при чем следующие выдачи увеличивались на пять рублей за каждого вновь убитого зверя. Среди молодых переселенных в Туркестан уральских казаков, желавших показать свою удал, бывали смельчаки, выходившие на единоборство с тигром с топором на длинном древке и с ножом. В середине прошлого столетия на так называемой «Сыр-Дарьинской линии» военных укреплений среди тигробойцев исключительно широкой известностью пользовался рядовой Оренбургского казачьего войска Мантык, который под конец был растерзан в 1858 году близ форта Перовского (бывшей кокандской крепости Акмечет, ныне Кзыл-Орда) во время охоты за тринадцатым таки убитым им тигром. И позднее бывали лица, которые на своем веку истребили по нескольку штук тигров, а иногда и свыше одного десятка. Особенно прославился в этом отношении в Ташкенте в конце XIX в. отставной солдат Гамов — невысокого роста, суховатого телосложения, скромной внешности, уложивший несколько десятков тигров и даже побывавший в лапах у подбитого зверя, успевшего его изувечить в своих страшных объятиях.

В XX веке количество среднеазиатских тигров резко сократилось. В Сырдарьинской области за шесть лет с 1910 г. по 1915 г. было убито всего восемь тигров. Большая часть районов, где они некогда обитали, теперь совершенно очистилась от них. В основном они держатся еще в верховьях Аму-Дарьи, по Пянджу, Вахшу. В других местах, в частности в Хорезме, бродят лишь единичные экземпляры и то элизолически. Так, в Ахангеране последний тигр был убит уже после революции в начале двадцатых годов и его изрешеченная пулями шкура много лет хранилась, как редкий трофей, в Пскентском отделении Союза охотников. В долине Чирчика пару тигров видели в середине двадцатых годов.

Нельзя обойти молчанием и некоторой положительной стороны в былой роли тигров для земледельческого хозяйства Средней Азии. Это находилось в зависимости в известной мере от различного отношения здесь к охоте на кабанов в те или иные эпохи. В странах Среднего Востока до арабского завоевания небезопасная охота на вепрей считалась приличествующей даже царственным особам, и памятники так называемого «сасанидского искусства» сохранили немало изображений рискованных встреч государей, царевичей и героев с кабанями. Не считали этого для себя за-

зорным в XI—XII вв. и среднеазиатские тюркские правители из династии сельджуков, а караханиды допускали диких свиней даже в свои охотничьи парки. Однако, проповедывавшийся в странах ислама взгляд на свиней, как нечистых, запретных для употребления в пищу животных, и постепенное внедрение в населении основ шариата, регламентировавшего все стороны жизни правоверного мусульмана, привело мало по малу к изменению прежнего отношения к этому животному. По сборнику «Хидоя», составленному в XII в. одним ферганским богословом, первым правилом шариата об охоте на кабана накладывается категорическое вето, как на недопустимую для мусульманина охотничью дичь из-за самой «омерзительности» этого животного.

Когда с XVIII века в Средней Азии создавалась благоприятная обстановка для роста влияния ханжества и мракобесия среди местного населения через посредство крайне реакционного тогдашнего мусульманского духовенства, здешние мергены уже решительно избегали охоты на «поганых свиней». Между тем, они, расплодившись и травя бахчи и поля, во многих местах являлись форменным бичем земледельческой культуры. В ту пору до присоединения Средней Азии к России тигры являлись единственными регуляторами, сколько-нибудь тормозившими безграничное размножение кабанов, которые могли бы в противном случае кое-где сделать совершенно невозможным земледелие, как то наблюдалось в некоторых местностях Индии. Для Хорезма, например, тигры в этом отношении в свое время принесли определенную пользу.

По старым охотничьим законоположениям царского времени тигры причислялись к тем вредным животным, которые подлежали истреблению всеми средствами и во все сезоны, включая пору размножения с конца зимы до начала весны включительно. Советским законодательством по охране природы охота на тигров категорически запрещена во избежание их полного уничтожения, и лицо, убившее зверя не в порядке личной защиты, приравнивается к злостным браконьерам и подлежит судебной ответственности.

Н. Г. Маллицкий.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ТАШКЕНТСКОГО АРЫКА ДАРВАЗАКЕНТ

Названия селений Ташкентского оазиса, приводимые у арабских географов и перечисленные у В. В. Бартольда в его труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», т. II. СПб., 1900, стр. 174—176, звучат в большинстве случаев ни по таджикски и ни по тюркски, хотя есть также названия и тюркские и таджикские. Желательно было бы осуществить исследование загадочных названий, на предмет установления, не объясняются ли они из согдийского или близко к согдийскому языку. В частности укажу на название Ардланкент, каковое носили в X веке два селения в Шаше и Фергане.

Одно из сохранившихся до настоящего времени в Ташкентской области названий, по моему мнению, безусловно указывает на согдийское происхождение, а именно, название арыка Дарвазакент. В северной части Бухарского оазиса имеется арык, называемый ныне Шафрикентом. У Наршахи есть прямое указание на происхождение этого названия в связи с тем, что о прорытии его в VI веке распорядился сасанидский царевич Шапур, почему арык назывался Шапуркам, т. е. «арык Шапура». Слово «кам» в согдийском языке означало арык. Оно с течением времени было основательно забыто и непонятное название Шапуркам у современного населения осмыслено в форме Шафрикент.

По аналогии с этим и название «Дарвазакент» произошло, вероятно, из Дарвазакам — «арык ворот» и «ворота арыка». В высокой части Булунгурской степи к северу от Самарканда в древности был проведен арык, носивший позднее название Тютартар. Арык этот нес зерафшанскую воду в бассейн реки Санзар и при советской власти был восстановлен. Та часть Тютартарского оврага, где склоны его были особенно высоки и где количество земляных работ было вероятно наиболее велико, носит название «Дарвазакам», что могло означать в данных условиях «ворота арыка» или то место, где арык был пропущен сквозь холмистую высоту.

Мне кажется, что такое же или сходное объяснение может быть приложено и к происхождению названия Ташкентского арыка Дарвазакент. Теперь он переброшен при посредстве желобов на левый берег арыка Бозсу, но в древности мог иметь и другое направление через холмистые высоты правого берега Бозсу.

А. Х. Хамраев.

О ДОКУМЕНТАХ ИЗ АРХИВА АФГАНСКОГО НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА СТАРШЕГО СЫНА ХАБИБУЛЛЫ-ХАНА ПРИНЦА ИНАЯТУЛЛЫ-ХАНА

Архив афганского наследника в свое время был приобретен покойным членом-корреспондентом Академии Наук СССР профессором Андреевым М. С. и передан Фундаментальной библиотеке ТашГУ им. В. И. Ленина, где и поныне хранится. Однажды в годы Великой Отечественной войны (1944—1945 гг) в беседе с проф. М. С. Андреевым на восточном факультете ТашГУ, где я тогда работал деканом факультета, а проф. М. С. Андреев, — один из активнейших организаторов этого факультета, преподавал персидский язык, он сообщил мне об этом архиве, и просил, чтобы содержащиеся в этом архиве ценные бумаги я сделал достоянием исторической науки. Я смог ознакомиться с этим архивом лишь в 1958—1959 годах.

Архив этот состоит из 10 массивных переплетенных томов. Собранные в I томе документы не имеют особого исторического значения; документы, собранные в остальных 9 томах, безусловно, представляют научный интерес. Находящиеся в 9 томах документы носят военно-политический, административно-исторический, культурно-бытовой, аграрно-правовой и др. характер. В виде образцов из первых 3-х томов мне удалось перевести несколько документов. К сожалению, продолжение работы над этим архивом оказалось весьма затруднительным, ибо одному человеку невозможно преодолеть трудности правильного чтения множества почерков арабско-персидского текста с элементами языка пушту. В то же время оставлять архив не известным для исследователей выглядело бы эгоистичным. Поэтому, давая несколько образцов документов из этого архива афганского наследника, позволю себе надеяться, что исследователи истории стран Востока заинтересуются этими документами и выпустят их в свет. Особенно этот архив должен заинтересовать историков и правоведов, изучающих историю стран Востока, и, в частности, историю Афганиста-

на. Одним словом, для востоковеда этот архив несомненно послужит значительным вкладом и объектом исследования.

Цель моя — только показать, с каким материалом я имел дело и дать беглое описание известного мне архива, о чем и поставить в известность научную общественность. Таким образом, настоящая публикация нескольких документов, лишь как образцов, разумеется, ни в коей мере не претендует дать полное представление об архиве в целом. Я сознательно воздерживаюсь от каких-либо выводов, ибо, как мне кажется, исследование всего архива является делом коллектива исследователей.

Сокращенный текст книги № 809/55*

Страницы тетради Сардара Инаят-уллах-Хана, старшего сына и престолонаследника эмира Хабиб-уллах-хана — Моин-ас-Салтане.

Следующие документы составляют заявления, представленные Моину-ас-Салтане. После выяснения они были напечатаны и подписаны Моин-ас-Салтане 13 числа джамади-ал-аввала месяца лунного года хеджры (приблизительно 44 года тому назад. — А. Х.).

И. Рамазан, сын Каландара, военный, служащий кавалерийской роты «Тульваре», заявил Моину-ас-Салтане:

«Тринадцать лет служу я во второй роте «Газнейнчи» и каждый месяц имею зарплату в размере 34 рупий.

Так как я имею специальность оружейника, то надеюсь, что с такой же зарплатой меня примут на работу в качестве оружейника на оружейный завод. Два моих брата тоже работают там оружейниками.

Когда упомянутый Рамазан в день 12 мохаррама месяца 1333 лунного года хеджры обратился к бывшему двору, был издан указ его величества № 20:

«Пусть генерал Мухаммад Сарвар-хан выяснит, рабочий он или нет, какой зарплате соответствуют его способности. Действительно ли не хватает оружейника? Если да, то какова зарплата нужного оружейника? После выяснения приведите его ко мне.»

Мухаммад Сарвар-хан, генерал заводов, написал Мухаммеду Азим-хану, полковнику заводов:

«Рассмотрите указ его величества и заявление Рамазана; выясните и напишите, способный ли он и положена ли ему такая зарплата?»

5 Сасфар-ол-Мозаффара месяца 1333 лунного года хеджры».

Мастер, полковник Мухаммад Азим-хан, и четыре начальника, написали:

«Мухаммад Азим, который изготовлял кремни пушек, умер приблизительно два года тому назад и вместо него никто не был принят. Его зарплата была 24 рупии в месяц. Если примут упомянутого Рамазана вместо покойного Мухаммада Азима, исходя из его способностей можно платить ему ежемесячно зарплату в размере 24 рупий. Рамазан — человек средних способностей. Во-вторых, если он покажет себя более способным, в дальнейшем его зарплата может быть увеличена.

15 Рабил-ал-аввала 1333 лунного года хеджры».

Мухаммад Сарвар-хан, генерал заводов, ответил его величеству:

«О Рамазане, упомянутом в этом документе, спрашивал полковника Мухаммада Азим-хана и мастеров завода. Они написали, что упомянутый является рабочим и способным получать ежемесячно 24 рупии зарплату.

Таким образом, жертвуя собою, я заявляю, что упомянутый является рабочим. Если с такой зарплатой, о которой пишется в деле, его примут на работу на завод, тогда после этого он начнет работу; в случае повышения его способностей, конечно его зарплата повысится. Пока при таком размере, о котором говорится в деле (34 рупии), он может хорошо работать, если его примут на работу.

(Следующее предложение написано Имеком-Агаси Моина ас-Салтане—секретарем Моина-ас-Салтане или министром по арсеналу, который проверил дела и представил их его величеству Моин-ас-Салтане). Он пишет: «Буду твоей жертвой! Мастер Мухаммад Азим-хан и другие рабочие подтвердили упомянутую ежемесячную зарплату в размере 24 рупий. Генерал заводов заявил, что если примут его (рабочего) на работу с такой зарплатой, о которой пишется в деле, он может хорошо работать. Какова будет воля его величества? Какое Ваше распоряжение?»

Приказ Моин-ас-Салтане:

После слов, восхваляющих бога, следует текст приказа.

«Упомянутого (Рамазана) освободить от военной службы и принять на завод вместо покойного. Его зарплата в месяц с настоящего времени: 24 рупии чистого серебра».

13 джамади-ал-аввала месяца 1333 лунного года хеджры.

Печать Моина-ас-Салтане.

Текст № 2, страница 2.

Некоторое время тому назад мулла Мухаммад Наби, кладовщик караван-сарая Сераддией, расположенного в уезде «Мохаммад-Ага-е-Лакх-Гард», обратился к Хаджи Махмуд-хану—администратору (начальнику округа), в суд и к казначею «Рамчанда» и жаловался на то, что полученный им ячмень испорченный, потому что склад сырой.

Начальник округа и казначей дали распоряжение администратору деревни Мир Мохаммад-Джан-хану. Администратор деревни с судьей и с двенадцатью землевладельцами и авторитетными лицами деревень «Мухаммад Ага», «Могол Хейл» и др. поехали на склад ячменя и выяснив составили акт с печатями, который был послан в религиозный суд. Содержание акта было следующее:

«Упомянутый молла Мухаммад Наби-хан обратился к финотделу и заявил, что в результате сырости амбара караван-сарая, покрылись плесенью и совершенно непригодны к употреблению, принятые им по весам Кабула шесть харваров ячменя (харвар обыкновенный—40 ман, 1 ман—3 кг, харвар дивани—100 ман). Я написал это для сведения, чтобы по шахскому закону провести расследование.» Поэтому по заявлению кладовщика пишем Вам, чтобы авторитетные лица деревни «Мохаммад-Ага» как Малек-Мохаммад-Айюб-хан, Малек-Азиз-хан, Малек-Ахтар-Мохаммад-хан и др. поехали в караван-сарай «Мохаммад-Ага» и осмотрели ячмень, находящийся там в амбаре. Если, действительно, ячмень испорчен и отсырел, составьте акт за подписью кладовщика и заявите об этом. А если дело будет обстоять иначе, также напишите, чтобы можно было дать соответствующий ответ.

Четверг 14 шахр—раджаб месяца 1331 лунного года.

По распоряжению начальника и завфинотделом уезда мы с землевладельцами и авторитетными лицами деревень «Мохаммад-Ага», «Дех-Нов» и «Могол-Хейл» поехали в караван-сарай и выяснили, что ячмень в размере 4 харвара по весам Кабула, действительно, прогнил, и покрылся плесенью, стал непригодным к употреблению ни человеком, ни животными.

13. сафар-ал-мозаффара 1332 л. г. х.

После выполнения такого обряда, высокопочтенный Хаджи-Махмуд-хан, начальник и завфинотделом уезда «Рамчанда», заявили, что Молла

Мохаммад Наби-хан, кладовщик караван-сарая «Мохаммед-Ага», должен обратиться в государственный суд и заявить, что в результате сырости прогнил находившийся в амбаре ячмень в размере шести харваров. На основании заявления кладовщика всеведущему судье Молле Абдол-халегану,—судье суда «Лахв-Гарда» и землевладельцам «Лахв-Гарда» было поручено, чтобы они поехали в караван-сарай и выяснили. Наконец, они представили на утверждение религиозного судьи свой акт для того, чтобы заявить следующее. Упомянутый судья и землевладельцы четырех сторон (малени—землевладельцы окружающих деревень) в сечан ил (год мыши) 1330 поехали в караван-сарай, выяснили и составили акт, который представили на утверждение религиозного судьи, последний поставил свою печать на акте, сообщая о том, что четыре харвара ячменя, находившегося в амбаре, прогнили и непригодны к употреблению человеком и скотом.

Как разъяснено и заявлено высокопочтенному, его превосходительству как хотя, так и указывают.

Написано 19 сафар-ал-мозаффар 1332 л. г. х.»

Ишик Агаси (министр Агаси) пишет:

Буду твоей жертвой!

Упомянутый (молла Мохаммад Наби-кладовщик) находится здесь с утвержденным актом. Каков будет Ваш указ? Как позволит государь?

Моин-ас-Салтане дает следующее распоряжение:

Относительно указанного ячменя, о котором шла проверка и заявили начальник и завфиноотделом уезда, дайте распоряжение финансовому министерству, чтобы согласно финансовым законам отметили в соответствующих книгах.

Написано 13 джамади-ал-аввала 1333 л. г. х.

Печать Моин-ас-Салтане.

Текст № 3, страница 3.

Вексель Али, сына Мохаммад-Акрама из племени Мосали, проживающего в Гозар-Баг-е Новваб.

Одна расписка—«письмо об освобождении», которая утверждена религиозным судьей, и на ней есть печати членов Верховного суда столицы.

Присутствуя своими словами и признанием о «письме освобождения», утвердил:

«Я, Гол-Мохаммад—сын Мохаммада, сына Эйд-Мохаммада, проживающий в Гозар-Пранче-ха, претендовал, что Хаджи-Мохаммад, сын Мохамед-Акрама, на основании векселя должен мне 35 рупий чистого серебра; теперь на основании этого «письма об освобождении» признаю, что больше не имею претензий к должнику и ничего от него не требую. Освободил его от всего полного долга и не может быть никаких претензий во лжи, отвращении, шутке и лицемерии в моем признании и «письме об освобождении». И должник согласился.

Написано в последний день Шахр-раби-ал-аввала месяца 1333 л. г. х.»

«Хорошо, что упомянутый спор закончен».

Написано 13 джамади-ал аввала 1333 л. г. х.

Печать Моин-ас-Салтане.

Текст № 4, страница 4.

Сейд-Багер, Мохаммед-Айюб и еще 14 человек—работников электростанции со справкой, которая была написана Мохаммедом и Эйд-Мохаммадом о повышении их зарплаты, обратились во дворец с просьбой о повышении их зарплаты.

Заявление следующего содержания:

«Упомянутые работают на электростанции. Их стаж работы большой. Низкий уровень их зарплаты не соответствует качеству их работы. До-

роговизна хлеба показывает, что при такой зарплате они не могут обеспечить себя.

О службе этих людей знает Ишик Агаси (сахебе хозури-министр при дворе Хабиб-ол-лах-хана), который является офицером по электростанции, наблюдает всегда за их работой и знает об их службе. Поэтому я, раб ваш, заявляю, что если повысится зарплата каждого из них, исходя из их способностей, они получат утешение и будут более заинтересованы в службе. Надеюсь, что по предложению раба вашего будет проявлено милосердие к повышению их зарплаты в следующих размерах:

Механики — 2 человека

1. Сейд-Багер, работает уже 20 лет, его первая зарплата была 10 рупий в месяц. В год луй ил 1322 его зарплата увеличилась на 10 рупий, а в 1328 г. (ит ил) он получил повышение в размере 8 рупий, а теперь он хочет повышения на 22 рупии. Общая его зарплата будет 50 рупий в месяц.

2. Мохамм Хосейн, его стаж работы 6 месяцев. Основная зарплата 23 рупии, а он надеется на повышение зарплаты на 7 рупий. Общая зарплата — 30 рупий.

Кочегары — 4 человека.

1. Мохаммад-Айюб — ремонтник. Первая зарплата была 12 рупий. В 1319 уд ил получил повышение на 5 рупий, а в 1328 г. ит ил — повышение на 10 рупий, в 1322 г. луй ил — повышение на 13 рупий; теперь он надеется на повышение на 15 рупий. Общая зарплата будет 55 рупий. Стаж его работы 20 лет.

2. Абдар-Рахман. Первая зарплата 9 рупий. В 1322 г. луй ил — повышение на 8 рупий, в 1328 г. ит. ил — 6 рупий, теперь просит повышения 18 рупий. Общая зарплата будет 41 рупия. Его стаж работы 16 лет.

3. Тахер

Первая зарплата	11 рупий
Повышение в 1328 г.	3 .
Теперь имеет надежду на повышение на	10 .
Общая зарплата	24 .
Стаж работы	22 года

4. Новруз

Первая зарплата	11 рупий
Повышение в 1328 г.	4 .
Теперь просит на	10 .
Общая зарплата будет	25 .
Стаж работы	22 года

Работники батарейного цеха — 2 чел.

1. Мохаммад — Омар, сын Хаджи Мохаммада-Юсуфа

Первая зарплата	10 рупий
Повышение в 1322 г.	5 .
Повышение в 1328 г.	7 .
Теперь надеется на повышение на	18 .
Общая зарплата	40 .
Стаж работы	16 лет

2. Абдолсалам	
Первая зарплата	15 рупий
Повышение зарплаты в 1328 г.	7 .
Теперь он хочет повышения на	18 .
Общая зарплата	40 .
Стаж работы	9 лет

Кузнецы и монтеры — 3 чел.

1. Мастер Фагир-Мохаммад, монтер и кладовщик электрических инструментов

Первая зарплата в месяц	50 рупий
Повышение в 1319 г.	10 .
Повышение в 1328 г.	20 .
Теперь он просит повышения на	20 .
Общая зарплата	100 .
Стаж работы	32 года

2. Ш а х б а з — кузнец

Первая зарплата	17 рупий
Повышение в 1328 г.	7 .
Теперь он просит повышения на	16 .
Общая зарплата будет	40 .
Стаж работы	36 лет

3. А б д у л Г а д и р — кузнец

Первая зарплата	25 рупий
Повышение в 1319 г.	6 .
Повышение в 1328 г.	7 .
Теперь он просит повышения на	15 .
Общая зарплата	40 .

Для протягивания проволоки — 2 чел.

1. Г о л д и н

Первая зарплата в месяц	9 рупий
Повышение в 1325 г.	4 .
Теперь он надеется, что его зарплата будет повышена на	10 .
Общая зарплата	23 .
Стаж работы	17 лет

2. А л и - А х м е д

Первая зарплата	9 рупий
Повышение в 1325 г.	4 .
Теперь он надеется, что его зарплата будет повышена на	10 .

Общая зарплата	23 .
Стаж работы	17 лет
3. А л и - А х м е д	
Первая зарплата	10 рупий
Повышение в 1320 г. барс ил	2 .
Повышение в 1320 г. гуй ил ¹	3 .
Повышение в 1330 г.	5 .
Теперь он просит повышения на	10 .
Общая зарплата	30 .
Стаж работы	30 лет

4. М и р з а - Ш а м с - а л - Д и н - х а н	
Первая зарплата в месяц	33 рупии
В этом году 1333 он получил повышение	8 .
Теперь тоже получил повышение на	17 .
Общая зарплата	59 . ²

О стаже работы Мирзы Шамс-ал-Дина спрашивали в министерстве внутренних дел. Он по указу его превосходительства начал работать с начала 1330 г (сичган ила), но получает зарплату в военном министерстве.

Водоносы — 2 чел.

1. Х о д а й - Н а з а р	
Первая зарплата	10 рупий
Повышение в 1328 г.	5 .
Теперь он хочет повышения на	2 .
Общая зарплата будет	27 . ³
Стаж работы	20 лет
2. Д а д - М о х а м м а д	
Первая зарплата	10 рупий
Повышение в 1328 г.	5 .
Теперь он просит повышения на	2 .
Общая зарплата	27 . ⁴
Стаж работы	14 лет

По вышеизложенному они способны получать предложенную мной зарплату, о которой я считал необходимым заявить его превосходительству. Сам хозяин имеет право определить размер заработных плат.

Написано в день среды 9 шаввал-ал-мокаррама 1331 г.

В комментариях справки об этих работниках высокопочтенный Ник Мохаммад-хан Ишик Агаси, который работает в личном присутствии, написал его превосходительству, что, как утвердил высокопочтенный Мохаммад

¹ В тексте ошибочно написано 1320 г. гуй ил.

² В тексте ошибочный итог.

³ В тексте ошибочный итог.

⁴ В тексте ошибочный итог.

Хосейн-хан о повышении зарплаты этих работников, он тоже знает, что они хорошие и честно работают.

Об утверждении их повышенной зарплаты воля ваша, хозяин государства.

Написано 21 шаввал-ал-мокаррама месяца 1331 г.

Об утверждении повышения их зарплаты, жертвующий собой, я спрашивал военных начальников, рассмотрел это заявление и их зарплату. Напишите! Если до этого их зарплаты будут повышены, чтобы представить его величеству.

Написано 15 шахра сафар-ал-мозаффара 1333 г.

Высокопочтенные военные начальники написали, что размеры повышенных зарплат написаны в справке, в ней же отмечен стаж работы их.

Написано 23 шахра сафар-ал-мозаффара 1333 г.

Буду твоей жертвой!

Они со справкой находятся здесь. Воля Ваша.

Моин-ас-Салтане пишет:

Спросите у Ишика-Агаси, в присутствии утверждены его величеством или нет зарплаты, правила повышения зарплат упомянутых людей. После ответа будет дано распоряжение.

Написано 29 Раби-ал-аввала 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

Буду твоей жертвой!

Об указе его величества я спросил у Ишика-Агаси светлого присутствия его светлейшего величества.

Он ответил, что до сего времени об этом не было указов его величества. Но утверждаю, что они в своей работе способны и заслуживают предложенных зарплат. Воля Ваша.

Моин-ас-Салтане пишет:

На днях электрические лампы были проведены во дворец «Дел Гоша». Напишите указ для упомянутого Ишика-Агаси, чтобы он вовремя представил его величеству о повышении заработных плат.

Написано 13 джамади-ал-аввала 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

Текст № 5, страница 8.

Некоторое время тому назад молла Дад-Мохаммад, заместитель муэззина мечети «Хаджи Юсуф», находящейся в «Чендавуле», заявил его превосходительству:

«Молла Фатх-Мохаммад-Имам и Хаджи-Джамал-эд-дин муэззин упомянутой мечети, не присутствуют. Причина такого положения относится к лицам, которые являются проживающими там служителями мечети религиозных обрядов его превосходительства. Если эти лица не хотят молиться в мечети, то о них нужно написать в управление жандармерии. Я написал в управление жандармерии о тех, которые не приходят в мечеть и не молятся. Теперь эти люди клеветуют на меня и создают интригу против меня».

У работников жандармерии спросили об этом, они написали, что в мечети имамом является Молла-Фатх и муэззин Хаджи-Джалал-эд-дин. Молла Мохаммад-Дад — человек, который назначен со стороны муэззина. Зимой жители «Чендавула» жаловались, что Молла Дад-Мохаммед придирался к ним и от владельцев лавок брал деньги и мучил их. О некоторых, не присутствовавших на намазе — молитве, написал в жандармерию. Решение о получении штрафа с этих лиц с их личными делами посланы в бухгалтерию. Якуб-Али, участковый квартала «Маджаллы», составил акт, под которым расписались и свидетельствовали печатями Молла-Рахим-Гола, имам мечети Шир-Али-хан и Молла Абдухамид, муэззин упомянутой мечети, что дом участкового вблизи нашей мечети и пять намазов, исполнены».

Мирзо-Абд-ал-Рашид-хан, ваш личный секретарь, тоже написал:

«Молла Дад-Мохаммад—человек неспособный и интриган. Без всякой причины придирается к людям и ходит по домам всех. Если ему не дают деньги и вещи, он сердится».

Прихожане упомянутой мечети тоже написали работникам жандармерии:

«По указам и обычаям шариата имам мечети избирается по соглашению с народом. Имамом упомянутой мечети является молла Фатх-Мохамед, а молла Дад-Мохаммед—ворчун и сквернослов, так что мы, прихожане мечети, недовольны им».

14 сафара месяца 1333 г. молла Дад-Мохаммед был направлен с его личным делом (вопросы и ответы жандармерии) во дворец. Молла Дад-мохаммед, имам и муэzzин упомянутой мечети сняты со своих должностей. Ваш указ направлен военному судье, чтобы он назначил других молл». Указ его превосходительства направлен военному судье. Во-вторых, высокопочтенный Хаджи Молла Мохаммед-Азам ахунд обратился ко мне в Зи-хадже месяце 1332 г. и сказал, что по указу его превосходительства Эйин-ад-Довле-сахива, военный судья назначил его имамом мечети «Хаджи Юсуфа», но теперь военный судья ему говорит, что по указу его превосходительства Моин-ас-Салтане он отстранен. Поэтому об этом хадже я просмотрел 71 страницу книг, где написано, что некоторое время тому назад упомянутый хаджи понес указ его превосходительства Эйин-ад-Довле военному судье о том, чтобы назначить этого хаджи проповедником одной из общенародных мечетей. Ввиду того, что Молла Фатх-Мохаммад-имам упомянутой мечети был назначен шейх-уль-исламом, упомянутый хаджи от 9 Зи-хадж месяца 1332 прошлого года—барс ил был назначен имамом упомянутой мечети. Хаджи раньше сам просил его превосходительство назначить его имамом и муэzzином. В то время хаджи не был имамом, а когда я получил указ его превосходительства Моин-ас-Салтане, вызвал Хаджи-Мохаммад-Азама и сказал ему, что он больше не является имамом мечети. Молла Дад-Мохаммад—интриган, и поэтому он не был назначен муэzzином этой мечети. Некоторое время при бывшем управлении мечетями Молла Дад-Мохаммад со стороны муэzzина был назначен заместителем, а это дело не касается Хаджи-Мохаммед-А'зама. Упомянутый Хаджи—способный человек и может быть проповедником и имамом любой всеобщей и большой мечети. С того времени, как он назначен, мне сообщают, что он всегда присутствует на месте своей службы и проживающие в мечети и прихожане довольны им.

А теперь воля Ваша.

Как хотите, назначайте имамом мечети этого Хаджи-Мохаммеда-А'зама или другого моллу. Хозяин государства имеет полное право.

Написано 9 джамади-ал-аввала месяца 1333 г.

Буду твоей жертвой!

Хаджи Молла-Мохаммед-А'зам находится здесь.

Как прикажете, исполню.

Раньше указы о Молле Фатх-Мохаммаде имаме и Молле Джалал-эд-Дине были приостановлены. Молла Фатх-Мохаммед прежде был назначен шейх-уль-исламом-мофтием.

А то, что Вы назначили Моллу Мохаммеда-А'зама имамом и он отличается от этих двух, я согласен и учту.

13 Джамади-ал-аввала 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

Текст № 6, страница 10.

Бахрам-хан — сын Ала-эд-Дин-хана, Шириндел-хан—сын Надир-хана, Мохаммед-Шариф-хан—сын Солтана Мохаммед-хана и Сеид-Мохаммад-хан — сын Мир-Ахмед-хана, проживающие в «Сорхабе», «Заргун шахре»

и «Лахв-Гарде», с актом, под которым есть печати жителей уезда Лахв-Гарда, заявили его превосходительству о том, что:

Один подземный оросительный канал расположен в Заргун-шахре под названием подземный оросительный канал «Тудак»; уже приблизительно восемьдесят лет, как его вода высохла, ввиду чего не производился сев и обработка земли в его окрестностях.

Теперь из шахского финансового министерства написали распоряжение о взимании налога за канал. Мы надеемся, что этот документ и наше заявление будут доведены до сведения его превосходительства. Окажите любезность, прикажите, чтобы приостановили взимание налогов и перестали нас обижать. Мы в своей жалобе говорим правду.

Они для доказательства своей жалобы привели двух справедливых свидетеля: Ата-Мохаммед-хана — сына Ганиф-хана — сына Хода-Дуст-хана и Мохаммад-Заман-хана — сына Ахмед-Гол-хана — сына Хатул-хана, жителей упомянутого места, которые произнесли слово «Ашхад» (клятва в исламе — свидетельствую точно, что нет бога кроме бога) и свидетельствовали, что заявляющие правильно говорят и они отвечают за них.

Написано 8 Раби-ал-аввала 1329 г.

Затем его превосходительство дал приказ на имя Хаджи Махмуд-хана, начальника и завфинотделом уезда Лахв-Гард:

Просмотрите их заявление, выясните степень высыхания подземного водного канала и сообщите, в каком размере взимали налог за прошедшее время.

Написано 28 Джамеди-ал -Сани 1332 г.

Повторяю, что совместно с землевладельцами уезда нужно разузнать и выяснить, не продали ли они этот канал и показали другой и таким образом достигли своей цели. Все собранные документы с этим заявлением представьте мне. 1332 г.

Начальник уезда Хода-дад-хан написал высокопочтенному мофтию — судье Молле Саад-эд-Дин-хану, Малек Абд-уль-Гадир-хану, Иляс-хану, Гол-Алем-хану — жителям Заргун-Шахри, Малек Кулам-хосейн-хану и Гол-Ахмед-хану, землевладельцам «Дех-е-нов», чтобы они ознакомились с приказом его превосходительства, ради бога, просмотрели канат-канал, и написал свое мнение, чтобы довести его до сведения его превосходительства.

Написано 12 Зи-каад-ал-харамы месяца 1332 г.

Высокопочтенный мофтий Саад-эд-Дин-хан, Малек-Абд-уль-Гадир хан, Малек-Гол-Ахмедхан, Малек-шах — даulet-хан и еще три человека своими печатями и подписями утвердили, что они проверили кяриз и знают, что кяриз давно засох а земли не обрабатывались и разрушены.

Написано 14 Зикаад-ал-харамы 1332 г.

Начальник Ходадад-хан и завфинотделом уезда Лахв-Гард мирзо Мохаммад Садик-хан заявили его превосходительству, что по приказу его превосходительства было поручено одному мофтию, религиозному судье и землевладельцам, чтобы они поехали на кяриз, проверили и написали свое мнение в акте, под которым стояли бы их печати. Что они говорят и свидетельствуют, изложено ниже. О размере недоимок за прошлые годы, оставшихся у Бахрама — сына Алла-эд-Дина, отмечено в книге финотдела уезда Рамченда района Лахв-Гард следующее:

Основной налог с упомянутого кяриза записан в книге финотдела уезда Лахв-Гард на имя Бахрама — сына Алла-эд-Дина, за аренду. Ежегодный урожай определен в следующем размере:

Наличный налог	9 рупий и 28 пейсе
Шахим	8 рупий и 3 пейсе
Натуральный налог:	
Бобовые	69,5 сир ¹ и 0,5 чарика ²
Ячмень	30,5 сир и 1,5 чарика
Летний посев (яровой) огурцы и овощи	61,5 сир и 1,5 чарика
Солома белая	1 харвар ³ + 20 сир + 1 чарик + 1,5 пейсе

Итоги остатков

Наличный	1268 рупий
	46 пейсе
	4 динары

Натуральный	
Бобовые	69,5 сир
	0,5 чарика
Хлеб (ячмень)	30,5 сир
	1,5 чарика
Летние	61,5 сир
	1,5 чарика

Белая солома 1 харвар + 20 сир + 1,5 чарика + 1,5 пав⁴.

Остатки прошлых лет во время правления финотдела и начальства „Рамчанда“ Мирзо Абдуль-Латиф-хана и др.:

1. при правлении Мирзо Абдуль-Латиф-хана

за гуй ил	128 руп. + 32 пул + 9 динар
бичи ил	123 руп. + 32 пейсе + 3 динары
тхагуй ил	153 руп. + 40 пейсе + 7 динар
ит ил	93 руп. + 25 пейсе + 6 динар
тангуз ил	263 руп. + 58 пейсе + 7 динар
сичган ил	224 руп. + 42 пейсе
за уди ил наличный	200 руп.
	48 пейсе
	8 динар

Натуральный

бобовые	49,5 сир + 0,5 чарика
ячмень	30,5 сир + 1,5 чарика + 1 пав
летний	41,5 сир + 1,5 чарика
белая солома	1 харвар + 20 сир + 1,5 чарика + 1,5 пав

¹ сир — 7,680 кг

² чарик 1,92 кг

³ харвар — 614,4 кг

⁴ пав — 480 г.

Буду твоей жертвой!

Представляю основные налоги и остатки упомянутого кяриза от прошлых лет до барс ил (1333 года), которые зачислены и вверены как долг Бахрама — сына Ала-эд-Дина. Какова будет Ваша воля? Как прикажете, так и исполним.

Написано 24 Раби-уль-аввала барс ила 1333 г. л. х.

Буду твоей жертвой!

Упомянутый Бахрам с его личным делом находится здесь. Воля его превосходительства. Как прикажете, так и исполним.

Дайте указ министерству финансов, что засыхание упомянутого кяриза определено. Отмените его налоги с начала сего года, сообщите начальнику и завфинотделом уезда и укажите, что после восстановления кяриза необходимо по закону получить налоги. Определить, если там есть новый кяриз, пусть его зачислят, отметят в книге и возьмут на учет.

Написано 13 Джамади-ал-сани 1333 г. Печать: Моин-ас-Салтане,

Текст № 7, страница 12.

Абд-уль-хамид, Кулам-Хайдар и Фатх-Мохаммад из племени «Джа дид-уль-ислама»,¹ работники-слуги зданий при дворце заявляют его светлейшему величеству, что их начальник (старшина) Гол-Ахмед-хан, плохо относясь к ним в прошлые годы, неправильно заявил его превосходительству Наиб-ас-салтане, что они (работники-слуги) ежегодно получают зарплату 500 рупий и свои пайки.

Поэтому просим Вас дать приказ о том, чтобы нам платили заработную плату и паек в таком размере, в каком получают другие слуги, как несовершеннолетние в гареме и работники других учреждений при дворце. Потому что наши зарплаты без пайка не обеспечивают нас, Ваших рабов. Будем жертвами государя. 24 Шабан-уль-Моаззам 1331 г.

Спросили начальников при дворце: «какие имеются в канцелярии приказы об упомянутом случае, подробно представьте отчет».

Начальники ответили:

«Содержание приказа его превосходительства Наиб-ас-салтане, который хранится в канцелярии, следующее: Гол-Ахмед-хан — начальник джадид-уль-исламов из района Джалриза в 16 Зихаджат-уль-харам месяца 1329 г. тангуз ила заявил нашему высочеству, что Кулам-Хайдар, сын Джамука, Фатх-Мохаммад и Абд-уль-Хамид — сыновья Чунека из племени джадид-уль-ислама, проживающие в этом месте (Джалризе), по сведениям Ишика-Агаси, работают в качестве слуг при дворце его Величества и для них определена зарплата в 500 рупий и они получили по закону от него свои бывшие пайки. Теперь есть приказ, что их зарплаты оплачиваются при дворце. После этого оплачивать их пайки или нет? Другие люди, слуги, из племени джадид-уль-ислама — нукеры его превосходительства пайки не получают, а получают только зарплату».

Со стороны его превосходительства был дан приказ на имя начальника (Гол-Ахмед-хана), что:

«Если они приняты на службу в учреждениях при дворце, им оплачивать особые зарплаты, а пайки не давать».

Теперь Вам заявляем, что Вы знали о прекращении выдачи пайков этим трем человекам.

Понедельник 19 Зихаджат-уль-харам 1329 тангуз ила.

Печать его превосходительства Наиб-уль-салтане, Сахиб.

Высокопочтенный Амин Низам (начальник при дворце) не обратил внимания на содержание указа, полученного канцелярией, и направил

¹ Горное кочевое племя, которое было переселено в окрестности столицы Афганистана. Они были идолопоклонниками, в дальнейшем приняли ислам. Означает «новые мусульмане».

этих слуг к министру финансов. Министерство финансов ничего не платило Фатх-Мохаммаду и Кулам-Хайдару, а платило ежемесячно только Абд-уль-Хамиду — сыну Чунека зарплату в размере 4 рупий. После указа его превосходительства Наиб-уль-салтане ему (Абд-уль-Хамиду) ничего не платили.

Наш дорогой высокопочтенный!

Упомянутые люди заявляют, что бывший их начальник Гол-Ахмед-хан неправильно заявил Вам. Они говорят: «Во-первых, мы не имеем 500 рупий чистого серебра зарплаты. Во-вторых, для нас, людей джадид-уль-исламов из Джалризи, не определены посевные земли. Другие же все слуги получают свою зарплату с хлебом. О нас троих воля Ваша». Ваше высочество, мы твои рабы. Суть дела такова, как написано.

День понедельник, последний день Шабан-уль-Моаззам 1331 х. л. г. Во-вторых, я, твоя жертва, написал финансовому министру Мостофи-уль-Мамалек, спрашивая: «Какой указ есть у Вас об их зарплатах? Какая зарплата и какие пайки?» Из финансового отдела ответили: «Из людей Джадид-уль-исламов из местности Джалризи каждому из взрослых ежедневно определен паек 0,5, а малолетним — 1,5 пав и 9 месгал пшеницы с богарных земель, об уплате которых распоряжение дается канцелярией. Для остальных лиц из джадид-уль-исламов по указу его высочества Наиб-уль-салтане — хозяина его превосходительства Моин-уль-салтане-Сахиба и Эйн-уль-Довле, каждому определен ежегодно паек 0,5 чарика пшеницы из богарных земель. Кроме этих указов о них нет другого указа. Дело было так, как написано».

Воскресение 13 Рамазан-уль-Мобарек 1331 х. л. г.

Отдел распределения пайков отвечает, что паек каждого из них следующий:

По заявлению Норуз-хана, слуги дворца звезды и по приказу его превосходительства Моин-ас-Салтане от 1327 (тхагул ила — года курочки) Кулам-Хайдар-хан джадиди (джадид-уль-ислама) был принят на службу вместо Амир-Мохаммеда — слуги джадиди. 1 число Шахра-Шаввал-уль-Мокарама.

его зарплата 449 рупий+15 пейсе

Эта сумма составляла зарплату Амир-Мохаммеда, которая была назначена для Кулам-Хайдара.

По приказу его высочества Эйн-уль-Довле от 1328 года (ит ил — год собаки) он был принят на службу вместо Салех-Мохаммед-хана — слуги Нафис-хана. Зарплата Шамс-уль-дин-хана была назначена для Абдуль-хамид-хана, а зарплата Салех Мохаммеда — для Шамс-уль-Дина. Зарплата Абд-уль-хамид-хана 366 рупий+24 пейсе.

О зарплатах этих троих было так, как изложено выше. Написано 13 Рамазана месяца 1331 г.»

Во-вторых, твоя жертва, пишет:

«Высочество! О других, кроме вышеперечисленных лиц, Вы не написали. Теперь выясните, другие такие же люди работают или нет, выплачиваются им зарплата и паек или их пайки не выплачиваются. Об этом подробно напишите. 19 Рамазана 1331 х. л. г.»

Ответ финансового отдела:

Лица, которые от отдела получают зарплату и пайки, следующие: стремянные — 14 человек.

каждый из них в месяц получает 3,5 сир+1 чарик.

Все вместе они получают в месяц 52,5 сир.

Дин-Мохаммед — сын Джамука, придворный слуга — 3 человека, он сам, его супруга Хадидже, его дочь. Каждый из них получает в день 0,5 чарика. Вместе они получают 1,5 чарика.

Джамшид, бывший несовершеннолетний слуга Эйн-уль-Довле — хозяина — 2 человека:

Он сам получает в день 0,5 чарика

Его сын 1,5 пава

Их паек в месяц 9,5 сир

Они, как выше было указано, получают из шахской канцелярии паек Спросите в канцелярии об их зарплате.

Написано 25 Зигадат-уль-харам 1331 г.

Совместно со стремянными следующие лица:

Абд-уль-Ваким, сын Шулата

Мохаммед-Шариф, сын Дадгара

Дин-Мохаммед, сын Шулата

Дуст-Мохаммед, сын Джана

Кулам-Мохаммед, сын Хамра

Абд-уль-Вахид, сын Хамра

Дин-Мохаммед, сын Дарока

Абд-уль-Вакил, сын Дадака

Вали-Мохаммед

Шир-Мохаммед, сын Джана

Абд-уль-Лах, сын Шахва

Абд-уль-Карим, сын Джамука

Абд-уль-Лах, сын Шин-арка

Во-вторых, я, жертва государства, на имя заведомо распределения написал, чтобы Вы сообщили, какие у Вас об этом есть подробные сведения.

От отдела распределения:

Ниже упомянутые лица получают от отдела распределения следующие зарплаты:

Дин-Мохаммед на должности придворного слуги, служит Набу-хану, получает в год 300 рупий.

Зарплаты несовершеннолетних слуг, которые служат в Гареме по распределению:

Дин-Мохаммед	481 руп. + 40 пейсе
Мохаммед-Шариф Ласмешер, правый 4	514 руп. + 23 пейсе
Кулам-Мохаммед правый 4	372 руп. + 18 пейсе
Абд-уль-Вакил правый 4	511 руп. + 26 пейсе
Дин-Мохаммед правый 4	312 руп. + 18 пейсе
Абд-уль-Лахв левый 4	387 руп. + 12 пейсе
Вали-Мохаммед правый 6	534 руп. + 5 пейсе
Абд-уль-Вакил Ласмешер левый 2	575 руп. + 57 пейсе
Абд-уль-Вахид левый 2	456 руп. + 56 пейсе
Абд-уль-Кия левый 2	406 руп. + 29 пейсе
Дуст-Мохаммед левый 3	372 руп. + 18 пейсе ¹

¹ Дуст-Мохаммед левый 3 получал 312 рупий и 18 пейсе как зарплату, а 60 рупий — за секретарство. Всего получал 372 рупий 18 пейсе.

Пир-Мохаммед левый 6	312 руп. + 18 пейсе
Дуст-Мохаммед левый 7	346 руп. + 29 пейсе
Абд-уль-Карим без звания, не начальник	312 руп. + 18 пейсе

Их зарплаты вышензложены и получены документы из отдела распределения.

Понедельник 14 Зигадат-уль-Харам 1331.

Буду твоей жертвой!

Указанные лица с их заявлениями, вопросами и ответами жандармерии находятся здесь. Воля Ваша.

Указанный паек, который прекращен и не оплачен

в прошлом, теперь нельзя восстановить.

Написано 13 Джамади-ал-аввала 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

Документ № 9, страница 14.

Некоторое время тому назад Мирзо-Кулам-Расул-хан, писец (секретарь-инспектор, который ведет дела в центре уезда для начальника и разных отделов) разных отделов уезда Ростага, заявил его превосходительству от 9 Сафара месяца 1333 г. под № 9 о своем устранении. Он в своем заявлении пишет: «Уже два месяца, как я назначен его превосходительством писцом отделов Телладжата, но ввиду того, что умер завфинотделом Гатгана, отдел закрыт и опечатан. Приказ о моем назначении не написан в книге отдела. На днях Аман-уль-Дин-хан — староста Фаррашей, начальник Гатгана и Бадахшана, назначил писцом Мирзо (Мохаммед-Афзал), который раньше писал рапорты, во время ремонта Джабал-уль-Сарджа. Он в рапортах умышленно изменял смысл рапорта, занимался нечестными делами. Его грязные дела стали известны его высочеству Дуст-Мохаммед-хан-Назиму и на семь лет он был заключен в тюрьму. Был издан приказ, чтобы его больше не назначали секретарем в шахских учреждениях, но сейчас он назначил себя секретарем Телладжата.

Я, жертва государства, спросил о зарплате упомянутого мирзо у Мирзо Мохаммед-хана монши — секретаря его высочества, но монши написал, что Мир-Аман-уль-Дин-хан и его секретарь назначены «Амин-уль-Маадемом» — начальником рудников. Они сами написали приказ, спросите у них. Я спросил у Амин-уль-Маадена, он написал, что, когда он был в Джалал-Абаде, жители Телладжата написали заявление, которое он передал его превосходительству. Во-вторых, сообщили его Высочеству Наиб-уль-Хокуме. Его Высочество его спросил, он все рассказал. Поэтому отстранили Мохаммед-Шариф-хана — бывшего начальника и назначили вместо него Аман-уль-Дин-хана и дали ему приказ. После этого я написал в книге приказов его Высочества.

Когда бывший начальник отстранен, нужно отстранить и его секретаря. И об этом был приказ его Высочества. «Какими грязными делами Вы занимаетесь! Так как Вам написали приказ и он записан в книге, было бы лучше, если бы Вы предстали перед нашим Высочеством и рассказали все. Вы с написанным приказом и Мирзо-Расулом явитесь ко мне, чтобы пересмотреть дело и дать распоряжение.

Буду твоей жертвой!

Мирзо Кулам-Расул-хан в Ростаге. Мирзо-Кулам-Мох-уль-Дин-хан, брат упомянутого Мирзо и Амин-уль-Мааден перед Вами. Воля ваша!

О написании основного приказа спросите самого Наиб-уль-Хокуме, что приказ был написан Амин-уль-Маадемом, а потом был направлен для печати, или Вы сами написали приказ и направили его Амин-уль-Маадену, чтобы зарегистрировать его? Аман-уль-Дин-хана и Мирзо Мохаммед-Афзале обоих отстранить, Мирзо-Кулам-Расул пусть работает. Вместо Аман-уль-Дин-хана приведите ко мне кого-нибудь другого, чтобы на его имя дать приказ.

Джамади-ал-аввал 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.»

В понедельник 11 Джамади-ал-сани 1333 г. следующие заявления его превосходительству, на которые были даны приказы: № 1. Некоторое время тому назад молла сеид-Гол—сын моллы Сеид Хабиба, проживающего в Нижней Арганде, был обвинен в убийстве своей супруги, сестры моллы Абд-уль-Ахаза-судьи верховного суда Кабула, и был арестован жандармерией в прошлом году барс ил 1332 г. Работники жандармерии написали рапорт и направили его в дело (дело Моллы Сеид-Гола) наряду с делами других лиц его превосходительству. На основании решения религиозного суда упомянутый молла был оправдан и освобожден. Но жандармерия написала распоряжение, чтобы больше не назначать моллу Сеид-Гола судьей.

Теперь упомянутый молла заявляет его превосходительству следующее:

В 1331 году уд ил на основании заявления Верховного судьи Кабула моллы Абд-уль-Ахада, я был обвинен в убийстве его сестры, в ее отражении. Я был арестован жандармерией. Так как поклеп с его стороны был вызван враждой и его клевета оказалась недоказанной, я был освобожден. Вы дали распоряжение, чтобы меня больше не назначали судьей! Буду твоей жертвой! Я—слуга Ваш, мой отец и дед были моллами и я—семейный человек и инвалид. Ваше превосходительство, милостиво относитесь Вы ко всем, поэтому я надеюсь, что Вы простите свою жертву, меня, и назначите где-нибудь судьей, чтобы я и моя семья молились за Вас. 1333 г. Раби-уль-Сани месяц.

В комментариях к заявлению его превосходительства написали, что совместно с Абд-уль-Хабиб-ханом-Агаси я должен присутствовать у него. 17 джамади-уль-аввал 1333 г.

Буду твоей жертвой!

Упомянутый молла с его заявлением находится здесь. Воля Ваша.

Распоряжение Моин-уль-Салтане:

Он прощен. Сообщите обществу следователей и судей, чтобы его снова назначили судьей и принесите его дело для дачи приказа.

Об этом сообщите в жандармерию, чтобы они знали.

11 джамади-ал-Сани 1333 г.

Печать Моин-уль-Салтане.

№ 2 Наследники Джан-хана «Четрари» (Четрар—название местности) заявили его превосходительству следующее:

Уже 10 месяцев, как умер Джан-хан. После него остались его супруга, три сына и одна дочь, которая является супругой бродячего парикмахера. (В прошлом в Афганистане и в Иране были парикмахеры, которые бродили по улицам). У них были чай и заваренный имбирь.

После бритья они давали клиенту стакан чаю или заваренного имбиря. Поэтому им дали название Торре баз-е-абдар. (Торре—волос, баз—тот, кто занимается чем-либо, абдар—человек, который варит чай и тому подобное). Когда Джан-хан был жив, он имел зарплату 6 туманов (120 рупий), а теперь никто не дает нам даже эту зарплату.

Мы, наследники упомянутого человека, остались бедными и без средства к существованию и мы должны уехать. Надежда только на Вас. Теперь мы заявляем Вашему превосходительству и просим Вашей милости, которую Вы оказываете другим кочевникам. Просим Вас, определите нам кусок хлеба, чтобы мы молились за Вас.

4 раби-уль-аввал 1333 г.

Я, жертва государя, спросил Министерство финансов, чтобы выяснили положение и их прошлой зарплату или жалования.

11 раби-уль-аввал 1333 г.

Повторно напоминаю, определите, выясните! Когда умер Джан-хан! Какова была его зарплата-жалование! После его смерти могут ли его наследники получить его зарплату или нет? Сколько назначите этим лицам!

Из отдела распределения пишет его высочество Мохаммед-Мохсен-хан: Джам-хан (вначале заявления пишется Джан-хан, а здесь написано Джам-хан), Сын Давлат-хана «Четрари», в прошлом был дядькой Л'ал-Мохаммед-хана, сына покойного Джан-Мохаммед-хана. В год он имел 140 рупий чистого серебра Кабул. В тот год, когда его превосходительство смотрели всех слуг при дворце, его превосходительство хотели посмотреть его дядьку и других слуг Л'ал-Мохаммед-хана. «Л'ал-Мохаммед-хан был конституционалистом и был казнен в 1909—1910 г. в Джалал-Абаде. Он был одним из близких высокопоставленных лиц его величества». Но с года Тушган-ил до года Гуй-ил никого из них не показывали его превосходительству.

В 1325 году по приказу его превосходительства Наиб-уль-Солтане для Джам-хана «Четрари» была «назначена зарплата 120 рупий чистого серебра Кабул в год с условием, что он больше не вернется в Четрари. (Место восстания конституционалистов).

С того года до сего года—барс ила, когда умер Джам-хан, ему выплачивалась эта сумма. А в этом году без особого приказа нельзя платить эту сумму его наследникам.

19 Раби-уль-аввал 1333 г.

Буду твоей жертвой!

Упомянутый со своим заявлением здесь. Воля Ваша!

Об этом деле пока указа его величества не будет, со стороны нашего превосходительства ответа не будет.

11 Джамади-уль-аввала 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

№ 3. Сеид-Козым-шах, сын покойного Сеид-Мохсан-шаха, из жителей «Ончи-багбанан-Чахар-дехи» заявляет следующее:

Доброжелатель людей сеидов и Ваш доброжелатель, доброжелатели религии исламского государства, я (Сеид Козым-шах), в далеком прошлом мои деды и отец, все были доброжелателями его могучего величества и не имели другого занятия.

Теперь мое положение такое, что стал бедным до того, что не имею джариба земли (33,5 м²) и дома. Так в соседстве с другими провожу свое время и моя семья в 8 человек—все бедные. Так как все бедные (здесь слово бедные не значит действительно слово беднота, а речь идет о религиозных лицах—моллах, сеидах и др., паразитах, которые едят за дворцовым столом и получают жалование.. А. X) едят за вашим богато накрытым столом, молятся за Вас и рады. Доброжелатель, я надеюсь, на Вашу милость. В то время, когда умер мир-Абд-уль-Рахман, надсмотрщик могилы Мавзолея покойного его высочества Сеид-Мехди, который умер по согласию бога, упомянутая могила осталась без сторожа, поэтому прошу его превосходительство, если разрешите, я хочу стать сторожем этой могилы и, конечно, я буду там служить с полной верностью. Если не разрешаете, тогда назначьте меня в другое место, чтобы я и моя семья были обеспечены.

25 Раби-ал-Сани 1333 г.

Распоряжение его превосходительства:

Вы с Абд-уль-Хабибом-Агаси заходите ко мне.

14 Джамади-ал-аввал 1333 г.

Сеид-Козым представил справку крупных духовных лиц: его высочества Малек-Мохаммед-Асгер-хана и его высочества Хаджи-Мирзо-Абд-уль-Халег-хана, с подписями и печатами завфинотделом и 47 других лиц, в которой написано следующее: Сеид-Козым-шах сын Сеид-Мохсен-шаха сын Сеид-Хоссейна из жителей Ончи-багбанан-Чахар-дехи, является сеидом исламского толка. Он уважаемый и драгоценный, доброжелатель религии исламского государства. Все его предки были доброжелателями его покойно-

го величества и не имели другого занятия. Теперь он стал бедным, не имеет земли и дома и живет за счет своих соседей. Его семья большая: 3 маленьких сына—сеид-Масум, сеид-Давуд-шах, сеид-Госур-шах, две маленькие дочери и их мать с упомянутым сеидом—всего семь человек. Все они бедные и не имеют никакого занятия. За шахским накрытым столом кушают все бедные, этому сеиду тоже положена ваша милость. Мы бедные, ради бога и ради его посланника (Магомета—пророка мусульман) подтверждаем жалкое положение этого сеида, чтобы его превосходительство дали ему жалованье, должность или что-нибудь подходящее. Воля Ваша. Эта справка дана упомянутому, как удостоверение.

Понедельник 14 Мохаррам-уль-харам 1328 г.

Буду твоей жертвой!

Мир-Козым-шах с заявлением и заверенной справкой здесь.

Воля Ваша!

Наследнику упомянутого покойника принадлежит мавзолей и там он работает.

11 Джамади-уль-Сани 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

№ 4 Малек Фатх-Мохаммед, сын Малек-Носрет-Мира, проживающий в «Хум-Заргаре», представляя акт, под которым поставлены печати горного населения, заявляет следующее:

Заявляю о зачислении посеваемых земель Малек-Али-Асгер-хана и наследников Моллы Абд-уль-Лаха за мною. Заявляю, что за их поместьями за прошлые годы остаются недоимки: наличные и натуральные недоимки за Малек-Асгер-Али-ханом за шесть лет, недоимки наследников Моллы Абд-уль-Лаха за истекший год—один год. Теперь по приказу его превосходительства эти недоимки зачислены за мной. Эти недоимки—их долг, а не мой. Надеюсь, что шахская канцелярия освободит меня от уплаты этих недоимок.

Вторник Сафара месяца 1331 г.

В комментарии к акту 12 землевладельцев и видных лиц «Хум-Заргара» своими печатями заверяют правдивость заявления землевладельца Фатх-Мохаммеда о том, что недоимки зачислены за Али-Асгер-ханом, а не за Фатх-Мохаммедом. Финотдел и начальник уезда Рамчанда и Туле-Рама и секретарь отдела распределения земель также подтвердили своими печатями правдивость заявления Фатх-Мохаммеда и написали, что владельцы печатей Ата-Мохаммед-хан, Мохаммед-шах-хан, Мохаммед-Афзал-хан, Мохаммед-Исмаил-хан, Фатх-Мохаммед-хан, и Хан-Ага являются землевладельцами нашего уезда. Мохаммед-шах и Мохаммед-Афзал и другие имеют земли в «Хум-Заргаре» и «Аштарграме».

Малек (землевладелец) Али-Асгер-хан написал что «так как я и моя семья живем в Кабуле под надзором по приказу его превосходительства, конечно, земли мои, вашего раба, не орошались, в результате чего налоги за шесть лет остались мною не уплаченными. Мы не можем обеспечить себя даже питанием». Акт, представленный Али-Асгером, где записаны недоимки, тоже, утверждён печатями других. Недоимки, зачисленные за Абд-уль-Рауф-ханом и Али-Асгер-ханом:

За 44 туговых дерева	2 рупии и 34 пейсе
за посевные земли 15 джарибов, налоги в размере	81 руп. и 15 пейсе
за год всего налога	83 руп. и 49 пейсе
за шесть лет	502 рупии и 54 пейсе

Недоимки, зачисленные за Абд-уль-Лахом:

за 16 туговых деревьев	56 пейсе
за посевные земли 6 джарибов и 19 бесве	— 37 руп. и 35 пейсе
Всего:	— 38 рупий и 31 пейсе.

Я, жертва государства, написал работникам жандармерии, чтобы они выяснили сущность дела отходников, за которыми зачислены недоимки. Их земли взяты на учет или проданы? Напишите, когда они покинули свои поместья, о их недоимках вели следствие или нет?

24 Джамади-уль-Сани 1332 г.

Работник жандармерии ответил:

В прошлом году по приказу его превосходительства поместья Али-Асгер-хана и его сыновей и Моллы Абд-уль-Лаха были отобраны и проданы, а они сами покинули свои поместья и уехали. Их поместья проданы следующим образом:

Поместья Али-Асгер-хана и его сыновей проданы за 6428 рупий чистого серебра-кран.

Поместья Моллы-Абд-уль-Рашида наследника Моллы Абд-уль-Лаха проданы за 1384 рупии чистого серебра.

1332 г.

Буду твоей жертвой!

Малек Фатх-Мохаммед здесь. Воля Ваша!

В канцелярии спросите об упомянутом человеке, высланном из своего поместья. Каков размер его недоимок? Если он не должен, напишите, чтобы дали приказ об освобождении его от недоимок, а если нет, то пусть недоимки остаются зачисленными за ним.

Таким образом, недоимки можно снять.

11 джамади-уль-Сани 1333 г.

Печать Моин-уль-Салтане.

№ 5 Молла-Джома-хан, сын Джаландар-хана из племени Сафи, проживающий в деревне «Ангур-Дарре-е-Кух-Сафи», представляя заявление жителей уезда Тогаба, просил его превосходительство:

Это заявление—акт, заверенный печатями землевладельцев Гол-Мохаммеда, Джан-Гола и девяти других лиц, гласит о том, что «Молла-Джома-хан со стороны бедных землевладельцев Тогаба, суда, судьи и муджтахиды нашего уезда назначен мухтасибом и проповедником религии ислама и чтения морали населению и молитв божественному государству его Величества и его высочеству Сардаров.

Мы, бедные крестьяне, согласны, чтобы Молла Джома-хан стал проповедником религии ислама и мы все будем подчиняться ему, чтобы религия пророка и господина всех посланных была ясной и светлой как солнце. Надеемся, что его превосходительство назначат этого Моллу, потому что он всегда был доброжелателем божественного государства и является крестьянином Шаха. Мы согласны, чтобы упомянутый Молла стал нашим мохтасибом и проповедником. В каждом уезде есть мохтасиб и проповедник, только у нас нет. Если его превосходительство помилует нас и назначат этого Моллу нашим мохтасибом и проповедником, мы будем довольны. Этот Молла является способным для проповедывания религии ислама.

1333 г.

Заявление написано и заверено печатями судьи и муджтахиды суда уезда Тогаба от 1 Рамазан-месяца прошлого года 1323 (но по-видимому, правильно 1333 г.) о том, что:

Начальники, землевладельцы и старосты деревень заявляют, что «население поместья «Кух-Сафи»—бедные крестьяне должны знать, что мы назначили Моллу Джома-хана, сына Джаландара, проживающего в «Кух-Сафи» деревни Ангур-Дарри, мохтасибом—проповедником религии ислама и шариката Сеид-уль-Марсалима-Магомета, чтобы эта религия была светлой и ясной и была укреплена. Для того, чтобы этот Молла ходил по всем деревням и призывал всех к молитве и исполнял проповеди. Он будет знать о порядках всех мечетей и никому не будет позволять ругаться и

злословить. Что будет говорить этот Молла, все должны подчиняться. Чтобы все читали молитвы пятниц и религиозных праздничных дней. Чтобы была светлой религия Наби-уль-Морсалима (Магомета), чтобы все молились божественному государству его величества ночью и днем и были его помощниками. Упомянутый Молла—человек, который идет по пути шариата доброго Расула (Магомета). Мы назначили его мохтасибом, а кто не подчинится упомянутому Молле, будет строго наказан. Должность мохтасиба—религиозное дело. Он будет следить за общим религиозным порядком, за заботой мужчин о своих женах и детях. Вы должны обещать этого Моллу питанием и одеждой.

Таким образом, каждый двор будет поставлять этому Молле 1 чарик (6,680 кг) хлеба. Это необходимо. Если кто-нибудь совершил аморальные, антирелигиозные поступки и злословие против шариата, будет немедленно платить 5 рупий чистого серебра штрафа на основе книги основных штрафов религиозных судов. Об этом должны знать, что это распоряжение утверждено его Высочеством покойным эмиром, светом народа и религии».

В комментарии этого заявления всеведующие Гази (религиозный судья) Молла Хан-Гол и Мофти (моджтехид) Феуз-уль-Лак из уезда Тогаба написали:

Джоме-хан, упомянутый мохтасиб, назначен со стороны заслуженных судей Тогаба мохтасибом Кух-Сафи и он достоин этого назначения. Поэтому я, слуга шариата, утвердил его назначение. 1333 г.

Буду твоей жертвой!

Упомянутый Молла с документами находится здесь. Воля Ваша!

Экзаменуйте его. Достоин ли он быть мохтасибом? Потом приведите его к нам.

11 Джамади-ал-Сани 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

№ 6 Фейз-Мохаммед, сын Надира из жителей «Колангара Лахварда», заявил его превосходительству: «14 лет я служил во II-й королевской кавалерийской гвардии. В результате того, что я стал болеть куриной слепотой, по приказу его превосходительства Наиб-уль-Салтане я был освобожден от пожизненной военной службы и взамен ее платил налог. В дальнейшем я заболел легучим ревматизмом. Дома, кроме своего совсем старого отца, никого не имею, чтобы смотрел за моим хозяйством и платил налоги государству его величества.

А теперь выпал жребий на меня¹ и сидит у меня дома человек-исполнитель. Умоляю Вас, чтобы освободили меня от военной службы, так как по приказу его превосходительства Наиб-уль-Салтане я был освобожден. Воля Ваша.

В комментарии его заявления:

Я, жертва государства, спросил об этом деле военных начальников, они ответили, что Фейз-Мохаммед, сын Надира, служившего во II-й королевской гвардии, по рапорту отделения распределений в прошлом году 13 лет болел куриной слепотой, был освобожден от службы.

10 Джамади-уль-Сани 1333 г.

Буду твоей жертвой!

Упомянутый с его заявлением и справкой военных начальников находится здесь. Воля Ваша!

Никакого распоряжения не дается.

11 джамади-ал-сани 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

¹ Во времена Амир-Хабиб-уль-Лак-Хана из 8 человек одного по жребию брали на военную службу.

№ 7. Мохаммед-Омар джадид-уль-ислам из жителей «Калангар—Лавгард» служащий, 5 роты фланговой гвардии, со справкой представителей шариата, которая заверена печатями населения уезда Лавгарда, заявляет: «Дома у меня никого нет, кто бы смотрел за хозяйством, домом и моей супругой». Заявляющий привел двух справедливых свидетелей: Абд-уль-Наби, сын Шакна сын Латангар-Гум и Мохаммед-шах, сын Шалар сын Марагум Мандули джадид-уль-ислам. Каждый из этих свидетелей произносили слова клятвы — Ашхад — и свидетельствовали, что Мохаммед Омар правильно говорит и они правильно свидетельствовали, пусть их накажут по приказу его превосходительства.

15 Джамади-уль-Сани 1331 г.

Сеид-Хосейн-хан, комендант племени Джадид-уль-исламов, написал, что Мохаммед-Омар правильно говорит. У него нет другого мужчины, который смог бы смотреть за его супругой и хозяйством.

16 Джамади-уль-аввал 1331 г.

Землевладелец Ходжа-Сеид-Мохаммед-хан написал, что хозяйство упомянутого Мохаммед-Омара находится по соседству с его хозяйством. Действительно, у него нет другого человека, который смог бы как родной возглавить его семью. Ради бога и Расула (Магомета) я свидетельствовал.

16 Джамади-уль-аввал 1331 г.

В комментарии его превосходительство пишет:

«Пусть Мохаммед-Омар со своим заявлением вместе с Ишиком-Агаси зайдут ко мне.

Раби-уль-Сани 1333 г.

Буду твоей жертвой!

По Вашему приказу упомянутый человек со своими документами здесь. Воля Ваша.

Упомянутый не освобождается.

11 Джамади-уль-Сани 1333 г.

Печать Моин-ас Салтане.

№ 8. Яр-Мохаммед, сын Лаал-Мохаммеда, служащий военного шорного завода, заявляет следующее:

Я ежемесячно получаю 15 рупий чистого серебра и теперь в области шорного ремесла я имею большой опыт и мастерство. Моя зарплата не обеспечивает меня и мою семью. Прошу его превосходительство назначить зарплату, которая соответствовала бы моим способностям и обеспечивала бы мою семью.

23 Рамазана 1333 г.

Я, жертва государства, написал генералу заводов, чтобы изучили заявления Яр-Мохаммеда и написали свое мнение о его способностях, опыте и размере повышения зарплат.

10 Шаввал месяца 1333 г.

Генерал заводов написал полковнику — мастеру Мохаммед-Азим-хану и мастеру Мохаммед-Гол-хану — надсмотрщику шорного завода и др., чтобы все они совместно с башием (прорабом), рассмотрели заявление Яр-Мохаммеда и указание его высочества — любимого Абд-уль-Хабиб-хана — Ишик-Агаси. Если Яр-Мохаммед человек достойный и можно повысить ему зарплату, напишите свое мнение в комментарии к этому указанию.

Его высочество мастер Мохаммед-Азим-хан полковник и мастер Мохаммед-Гол — надсмотрщик — оба написали, что упомянутый Яр-Мохаммед достоин получить повышения в месяц на 10 рупий, чтобы всего в месяц он получал 25 рупий.

23 сафар-ал-мозаффар месяца 1333 года.

Его Высочество Мохаммед-Сарвар-хан, генерал заводов на основании мнения Мохаммед-Азим-хана — полковника и мастера Гол-Мохаммед-хана — надсмотрщика подтвердил, что упомянутый человек достойный и может получить повышение в 10 рупий, чтобы всего он получал 25 рупий. Какова будет воля его превосходительства, так и будет выполнено.

7 раби-уль-саңи 1333 г.

Жертва государства, я (Ишик-Агаси) просил военных начальников, чтобы они выяснили основную зарплату и стаж работы и повышение зарплат за прошлые годы Яр-Мохаммеда и ему подобных.

13 раби-уль-саңи 1333 г.

Его Высочество, зав. вторым военным финотделом Мирзомир-Осман-хан написал, что Яр-Мохаммед — шорник работает с 1330 года до настоящего времени, имеет стаж работы три года. С начала службы до сего дня не получал повышения и всегда получал 15 рупий чистого серебра. Но другие с разными способностями получают от 13 до 30 рупий. О Яр-Мохаммеде Ваша воля.

1 джамади-уль-аввала 1333 г.

Буду твоей жертвой!

Сам Яр-Мохаммед с заявлением здесь. Что приказывают, то выполняется.

Прибавляем к его зарплате 3 рупий в месяц, чтобы он получал всего в месяц 18 рупий чистого серебра.

11 джамади-уль-саңи 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

№ 9 Мохаммед-Латиф, сын Пир-Мохаммеда из жителей «Чхар» Голбе-е-Чхар-дехи» заявил:

Я — раб, один из исполнителей воли принца Абд-уль Лах-джана, служу всем принцам, живущим при дворце. Уже пятый день как начальник государственного гужевого транспорта Мохаммед-Хасан-хан назначил пять исполнителей и меня привели в госгужтранспорт. Арестовали и заставили там работать. Говорят что, я нукер госгужтранспорта. С одной стороны, исполнитель принца вызывает меня на службу, а с другой стороны, исполнитель Мохаммед-Хасан-хан меня заставляет работать в госгужтранспорте. Буду твоей жертвой! Пусть спросят в военной канцелярии, я никогда не получал отсюда зарплат и не находился там на службе. Если я говорю неправду, пусть меня накажут. Наверно, кто-то ошибочно включил мое имя в список слуг военной канцелярии. Я умоляю Вас, чтобы Вы дали приказ для выяснения моего положения, чтобы я спокойно служил.

6 Зигадат-уль-харам 1332 г.

Жертва государства, я написал Мирзо-Мир-Халдару, чтобы просмотрели книгу списков и выяснили положение Мохаммед-Латифа.

Упомянутый пишет, что в книге нет его имени, и не знаю на каком основании Мохаммед-хан назначил исполнителя и Мохаммед-Латифа повели на работу в госгужтранспорт.

9 Зигадат-уль-харам 1333 г.

Во-вторых, я написал военным начальникам, чтобы просмотрели книги военной канцелярии и выяснили, получал ли он в прошлые годы там зарплату, находился ли на службе или нет.

9 Зигадат-уль-харам 1333 г.

Упомянутые написали, что в книгах прошлых лет нет имени Мохаммед-Латифа среди слуг госгужтранспорта. Спрашивали самого Мохаммед-

Хасан-хана о назначении исполнителя. Конечно, он сам напишет об этом Вам.

Мохаммед-Хасан-хан написал:

Мохаммед-Латиф — арбакеш, один из десяти арбакешей, работающих под руководством Мохаммед-Исмаила. В прошлом, 5 лет тому назад, он в каретах, сопровождавших принца, путешествовал в Джалал-Абад, но во время не вернулся на службу. Он один из слуг военной канцелярии. По приказу его превосходительства и Сардара-Сепеха — военного министра было написано распоряжение генералом гвардейского полка о сборе таких людей, в том числе и Мохаммед-Латифа. Поэтому был назначен исполнитель и привели его на службу в госгужтранспорт. Если он был бы не из тех, о которых имеется описание внешности, то мы не могли бы взять его на работу.

26 зикаад-ал-харам 1333 г.

Буду твоей жертвой!

Упомянутый со своим заявлением здесь. Воля ваша.

Упомянутый служил в госгужтранспорте и оставил службу. Поэтому назначили исполнителя и отвели его на службу. Пусть там работает. Его не освобождайте от службы в госгужтранспорте.

11 джумади-уль-Сани 1332 г. Моин-ас-Салтане.

№ 10 Гариб-уль-Лакх, служащий четвертого кавалерийского полка, из жителей Кандагара заявляет следующее:

«У меня был отец, который умер. Мое земледельческое хозяйство разрушается и я не могу платить государственные налоги. Надеюсь, что меня освободят от службы. Я — инвалид из-за рук. Если меня не освободите от службы в полку, тогда прошу перевести меня на службу в столице — Кабуле, чтобы я служил его превосходительству и мог смотреть за своим домом, хозяйством.»

13 джамади-ал-аввал 1333 г.

Буду твоей жертвой!

Упомянутый со своим заявлением здесь; как прикажете, так будет выполнено.

Он уже стар и слаб и не может служить в армии. Освободить его от службы. В дальнейшем ему ничего не платить.

11 джамади-уль-Сани 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

№ 11 Садр-эд-Дин, сын Сейф-уль-Дина, из жителей деревни «Падхашане» уезда Лахвгарда, служащий во второй роте Лахвгарда, проживающий в г. Герате, заявляет следующее:

«33 года я служил его Величеству и всегда был верным на службе. Теперь стал старым и слабым. Поэтому не могу служить и напрасно получаю зарплату у его превосходительства. Умоляю, прошу его превосходительство освободить меня от службы, чтобы я имел возможность молиться пять раз за Вас. Воля Ваша.»

9 джамади-уль-Сани 1333 г.

Кроме того, Сейф-уль-Дин представил справку, которая написана духовными лицами и заверена печатями некоторых жителей «Падхашане» уезда «Лахвгарда», о том, что Сард-эд-Дин всегда служил честно и верно. Он не имеет человека, который смог бы смотреть за его домом и хозяйством и платить налоги. Два человека — Малек-Гияс-эд-Дин-хан и Мохаммед-Дин в качестве свидетелей произнесли слово (ашхад) и подтвердили, что заявление Садр-эд-Дина о его положении правильно и они тоже отвечают за правдивость своего свидетельства. Если будет доказано, что они говорили неправду пусть их накажут.

19 Раджаби 1329.

В комментарии к справке Малек-Гияс-эд-Дин-хан написал, что упомянутый Садр-эд-Дин должен заплатить 7 рупий за наличный недоимок и 5 асар «сир» за натуралог, а дома он никого не имеет.

25 раджаба 1329 г.

Финотдел уезда Рамчанда и начальник Лахвгарда подтвердили, что содержание заявления Садр-эд-Дина и подписи и печать Малек Гияс-эд-Дина соответствуют действительности. Воля Ваша.

Буду твоей жертвой!

Упомянутый Садр-эд-Дин находится здесь. Какова Ваша воля?

Упомянутый уже стал старым и слабым, так что он не может служить в армии. Освободить его от службы и в дальнейшем ничего ему не платить.

11 джамади-уль-Сани 1333 г.

Печать Моин-ас-Салтане.

В таком же стиле и духе написано опромное количество документов разнородного содержания, собранных во всех 10 томах.*

* Примечание: Все уточнения в скобках сделаны нами, А. Х.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. От редакции	3
2. М. Е. Массон и С. Б. Лунина. Кафедра археологии Средней Азии ТашГУ (1940—1960 гг.) . .	7
3. Перечень научных докладов и сообщений, заслушанных на заседаниях кафедры археологии Средней Азии с 19 мая 1956 г.	18
4. М. Е. Массон. К вопросу об истории появления культуры риса в странах Среднего Востока . .	28
5. Р. М. Рахманова. Хозяйство древней Средней Азии по античным источникам	39
6. Г. А. Пугаченкова. К исторической топографии Чаганиана	49
7. Г. А. Пугаченкова. Резные камни античной поры в Музее истории Узбекистана	65
8. И. Ахраров и З. И. Усманова. Бусы из Кувы	86
9. М. И. Моложатова. Древние китайские архитектурные фрагменты из Кульджи в Музее искусств Узбекистана	99
10. Н. И. Крашенинникова. Раскопки средневекового здания в Северном комплексе Старой Нисы .	108
11. С. Б. Лунина. Новая гончарная печь средневекового Мерва	126
12. А. С. Морозова. Каракалпакский женский шлемовидный головной убор „саукеле“	134
13. Г. Н. Чабров. Собрание орнаментальных мотивов среднеазиатского искусства в дореволюционном Туркестане	139
14. М. Е. Массон. Из прошлого тигров в Средней Азии	151
15. Н. Г. Маллицкий. О происхождении названия ташкентского арыка Дарвазакент	161
16. А. Х. Хамраев. О документах из архива афганского наследника престола старшего сына Хабибуллы-хана, принца Инаятуллы-хана	163

PO5027 Сдано в набор 8/II 1962 г. Подписано в печать 17/I-1963 г.
Объем 11,75 печ. л., уч. изд. 13 л. Тираж 500 экз. Цена 82 коп. Заказ 332.

Типография Объединенного издательства „Кизил Ўзбекистон“,
„Правда Востока“, и „Ўзбекистони Сурх“ Ташкент. 1963 год.